

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрякина, Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, А.Г. Лошаков,
А.А. Мёдова, Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 22,
№ 1 / 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Белов С.Г., Суслов А.Ю.** Провинциальный интеллигент на изломе истории (о чистопольском враче Д.Д. Авдееве – прототипе доктора Живаго)..... 5
- Беспалова К.А.** Направления деятельности агентов Коминтерна в Европе в 1921–1925 годах (по материалам французских архивов)..... 16
- Жолудева Н.Р., Васютин С.А.** Проблемы занятости мигрантов-мусульман во Франции (на примере Парижа). Ч. 2 27
- Попова А.Д.** «В нашем деле и "мелочи" важны» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы)... 36
- Упоров И.В., Перлик М.И.** Массовые неповиновения заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного СССР..... 48

ЛИНГВИСТИКА

- Балан Е.Г.** Основные тенденции мемориальной урбанонимии Испании периода диктатуры Ф. Франко в XX–XXI веках..... 61
- Колесникова О.П.** Энантисемичные синтаксические конструкции с *als würde* в немецком языке..... 73
- Маджаева С.И., Кислякова Е.Ю.** Языковая картина мира в коммуникативном пространстве здоровых и больных..... 80
- Рудова Ю.В.** Лингвокультурная специфика репрезентирования телесности (на примере русского и английского юмористического дискурса)..... 90

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
А.В. Крюкова

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 28.02.2022.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 13,13. Уч.-изд. л. 10,80.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7880.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2022

ФИЛОСОФИЯ

- Звездин Л.А.** К горизонтам ментальности человека в континууме медиа..... 100
Обидина Ю.С. Орфический миф о посмертной судьбе души в философии Платона..... 111

ЮБИЛЕИ

- К юбилею профессора А.А. Киселёва..... 119
Наши рецензенты..... 122
К сведению авторов..... 123

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

Issued 6 times a year

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, A.G. Loshakov,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P. V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 22,
No. 1 / 2022

CONTENTS

HISTORY

Belov S.G., Suslov A.Yu. A Provincial Intellectual at the Breaking Point of History (on the Chistopol Doctor D.D. Avdeyev, the Prototype of Doctor Zhivago).....	5
Bespalova K.A. Areas of Activity of the Agents of the Comintern in Europe in 1921–1925 (Based on the Materials from French Archives).....	16
Zholudeva N.R., Vasyutin S.A. Employment Problems of Muslim Migrants in France (Exemplified by Paris). Part 2.....	27
Popova A.D. "Even Small Things Can Play a Big Role" (on Soviet Criminal Investigation in the 1940s–1950s).....	36
Uporov I.V., Perlik M.I. Mass Prisoner Disobedience in Corrective Labour Camps of Post-War USSR.....	48

LINGUISTICS

Balan E.G. Key Trends in the Memorial Urban Toponymy of Francoist Spain in the 20th – 21st Centuries.....	61
Kolesnikova O.P. Enantiosemic Syntactic Constructions with <i>als würde</i> in German.....	73
Madzhaeva S.I., Kislyakova E.Yu. Linguistic Worldview in the Communicative Space of the Healthy and the Sick.....	80
Rudova Yu.V. Linguocultural Features of Body Representation (Exemplified by the Russian and English Humorous Discourse).....	90

CONTENTS

Editor

A.V. Kryukova

Managing Editor

I.V. Kuznetsova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-21

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 28.02.2022.

Writing paper. Format 84x108 ¹/₁₆.

Conv. printer's sh. 13.13.

Acad. publ. sh. 10.80.

Circulation 1000 copies. Order no. 7880.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

PHILOSOPHY

- Zvezdin L.A.** The Horizons of Human Mentality in the Media Continuum..... 100
Obidina Yu.S. The Orphic Myth About the Afterlife of the Soul in Plato's Philosophy..... 111

ANNIVERSARIES

- To Professor A.A. Kiselev's Birthday Anniversary..... 119
Our Peer-Reviewers..... 122
Information for Authors..... 123

БЕЛОВ Сергей Геннадьевич, старший научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук» и Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Автор 40 научных публикаций, в т. ч. двух монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6629-330X>

СУСЛОВ Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ НА ИЗЛОМЕ ИСТОРИИ (о чистопольском враче Д.Д. Авдееве – прототипе доктора Живаго)

Рассматривается биография провинциального доктора Дмитрия Дмитриевича Авдеева (1879–1952) на фоне драматических событий отечественной истории XX века. С помощью методов интеллектуальной истории и микроисториографии создается своеобразный «портрет провинциального врача на фоне эпохи», проявляющего себя в различных ситуациях культурного выбора. Анализируется воздействие судьбы Авдеева на образ доктора Живаго – героя известного романа Б.Л. Пастернака, воплотившего в себе лучшие черты российской интеллигенции: подвижническую культуру, стремление к общественной пользе, отказ от материальных благ, верность вневременным гуманистическим идеалам. Описываются происхождение, семья Д.Д. Авдеева, процесс его профессионального становления. Исследуются быт и медицинская практика рядового провинциального врача начала XX века, в т. ч. в тяжелое время Гражданской войны и голода 1921–1922 годов в Поволжье. Подчеркивается, что воспоминания Д.Д. Авдеева об этих трагических событиях, которыми он делился в кругу писателей в период их эвакуации в Чистополь и Елабугу (1941–1943), нашли прямое и косвенное отражение на страницах романа «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. Дом Авдеевых в Чистополе в годы войны стал своеобразным писательским клубом и литературным салоном. Делается вывод, что драматический разрыв дум и мечтаний Д.Д. Авдеева (и доктора Живаго, а также, в какой-то мере, самого Б.Л. Пастернака) с действительностью постреволюционной России, их скованность рамками эпохи все же были преодолены благодаря духу творчества, посредством поиска истины в служении российскому народу. Исследование обогащает представления о судьбах и моделях поведения российской интеллигенции в переломную эпоху, может быть использовано в междисциплинарных трудах по интеллектуальной истории России XX века и литературоведению.

Ключевые слова: Дмитрий Дмитриевич Авдеев, интеллектуальная история России XX века, провинциальный врач, революция, Чистополь, эвакуация интеллигенции, Борис Леонидович Пастернак, Живаго.

*Адрес: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31, а/я 261; e-mail: sgb-79@mail.ru

**Адрес: 420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68; e-mail: fsgtkstu@yandex.ru

Для цитирования: Белов С.Г., Суслов А.Ю. Провинциальный интеллигент на изломе истории (о чистопольском враче Д.Д. Авдееве – прототипе доктора Живаго) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V150

Главный герой романа Б.Л. Пастернака доктор Живаго – это собирательный образ, олицетворяющий собой российского интеллигента¹, в начале XX века прошедшего через жернова трех революций, Первой мировой и Гражданской войн, радикально изменивших историю страны. Естественно, основным его прообразом является сам Б. Пастернак со своим сложным, трагичным внутренним миром, метаниями и противоречивым отношением к революции и советской власти. В то же время общеизвестно, что при создании исторической канвы романа и образа Живаго писателем были использованы детали судеб и черты ряда других реальных людей. Одним из них стал известный чистопольский врач Дмитрий Дмитриевич Авдеев, с семьей которого Пастернак, как и многие другие эвакуированные в годы Великой Отечественной войны в Чистополь советские писатели, тесно общался и дружил, а дом которого стал своеобразным писательским клубом и литературным салоном [1, с. 13]. Поэтому биография этого человека представляет интерес не только с литературоведческой, но и с исторической точки зрения – для изучения судеб и моделей поведения интеллигенции в эпоху социальных перемен.

Феномен писательской эвакуации и превращения на некоторое время провинциального Чистополя в центр литературной жизни Советского Союза давно привлекал внимание как литературного сообщества, так и исследователей советской культуры, краеведов, историков. Толчок более оживленному изучению этой темы дал вышедший в 1987 году сборник «Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания» (автор-составитель – Г.С. Муханов, сбор материалов – Н.С. Харитоновна) [2]. В 1990–2000-е годы количество подобных публикаций резко возросло, в т. ч. зарубежных [3, 4]. Особо нужно выделить фундаментальные работы Н.А. Громовой – ведущего научного сотрудника Государственного музея истории российской литературы имени

В.И. Даля [5–7] – и академика Академии наук Республики Татарстан Н.М. Валеева [1]. Тему писательской эвакуации в Чистополь развивают местные краеведы и ученые [8–10]. В этой мемориальной и научной литературе связь «Авдеев – Пастернак – Живаго» получила достаточно убедительное отражение.

Наряду с изучением глобальных исторических процессов в масштабе стран, народов, классов, все более актуальным становится изучение истории отдельных социальных групп, личности человека через призму подходов исторической антропологии, микроистории и мультидисциплинарности. Целью данной работы является исследование биографии Д.Д. Авдеева как яркого классического представителя российской провинциальной интеллигенции в переходный период отечественной истории.

Д.Д. Авдеев происходил из старинного мещанского (затем ставшего купеческим) рода, обосновавшегося в Чистополе не позднее конца XVIII – начала XIX веков. Все его известные предки и родственники по мужской линии, включая дядей, отца, родного и двоюродных братьев, и даже бабушка Елена Васильевна, волевая и властная женщина, прожившая более 90 лет, занимались торговлей хлебом, кирпичным производством и другими видами коммерции. Уже здесь можно увидеть некоторую аналогию с доктором Живаго, отец которого также был коммерсантом, в то время как сам Пастернак происходил из творческой семьи. К началу XX века магазины фирмы Авдеевых, уже не только в Чистополе, но и в Уфе и Челябинске, торговали фарфором и фаянсом, хрусталем, лампами, бронзовыми и мельхиоровыми изделиями, самоварами, кофейниками, подносами, эмалированной посудой, зеркалами, иконами, венской мебелью, револьверами, алмазами и прочими скобяными, гончарными и иными товарами русских и зарубежных фабрик. Также Авдеевы торговали на всех основных ярмарках Камско-Уральского региона. Дела велись

¹Мы понимаем под интеллигенцией интеллектуально-нравственную характеристику личности через призму таких качеств, как духовность, ответственность, долг, честь, совесть, рационализация и самопознание.

с большим географическим и экономическим размахом. Среди их поставщиков были, например, «Товарищество фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова» – крупнейший производитель фаянсовой и фарфоровой посуды в России и Европе, различные предприятия в Москве, Московской губернии, Туле, Царстве Польском, Сибири, Баку и даже знаменитый металлический завод Артура Круппа в Берндорфе. Оборот векселей фирмы превышал 100–150 тыс. р. в год, что говорит о ее высокой деловой репутации и стабильном финансовом положении [11]. Здания усадеб и магазинов Авдеевых сохранились в Чистополе² и Челябинске.

Интересный исторический факт был связан с Иваном Авдеевым – дядей Дмитрия Дмитриевича. Во время первой русской революции в 1907 году уфимская группа «анархистов-коммунистов-террористов», как они сами себя называли, потребовала у него 500 р. на террор и пропаганду, затем подложила к дому артиллерийский снаряд со взрывчаткой и зажженным фитилем, но проходивший мимо сторож успел отбросить его в снег и погасить горящий шнур; злоумышленников не нашли [13, с. 12–13].

Авдеевы не только играли заметную роль в экономике указанных городов, но и входили в состав городских дум, занимались благотворительностью. Например, Иван Дмитриевич (старший брат Дмитрия Дмитриевича, наследовавший семейное дело) в 1911–1917 годах был почетным смотрителем высшего начального училища и членом правления Общества попечения о начальном образовании в Челябинске, получив золотую александровскую медаль «За усердие». В 1919 году его избрали председателем Челябинской торгово-промышленной палаты. Он активно поддержал белое движение и адмирала Колчака и во время прибытия того в Челябинск лично преподнес ему хлеб-соль и произнес приветственную речь. Позже от имени торгово-промышленной палаты он выразил желание учредить стипендии имени командую-

щего колчаковской Западной армией генерала Ханжина и его супруги для учащих ремесленного училища и женской гимназии. Дальнейшая судьба Ивана Авдеева пока не известна.

Сам Д.Д. Авдеев родился в Чистополе 5 января (по старому стилю) 1879 года и был младшим в семье после сестры Прасковьи и брата Ивана. Довольно рано, в 16-летнем возрасте, остался без матери: Агрипина Степановна умерла в 48 лет, находясь в Туле. Отец – Дмитрий Тимофеевич умер от тифа и «рожистого воспаления» в сентябре 1912 года.

В 1894 году Дмитрий окончил Чистопольское духовное училище, в 1900 году – Казанскую духовную семинарию с оценками «хорошо», «очень хорошо» и «отлично». Однако он не пошел ни по наследственной купеческой, ни по духовной стезе и поступил на медицинский факультет университета в западносибирском Томске. Сложно сказать, почему Дмитрий выбрал такой удаленный вуз, а не вуз в Казани. Будучи студентом, он женился на Елене Павловне – дочери чиновника из именитого дворянского рода Рылеевых, в Томске у них родился первый сын Арсений. Подобный брак – дворянки с сыном купца, ставшим врачом, – показывает, как в обществе Российской империи все сильнее происходило размывание словесных границ.

Весной 1905 года из-за революционных брожений Томский университет закрыли, распустив всех студентов по домам. Сам Авдеев во время обучения считался политически благонадежным. В апреле того же года он вернулся в родной Чистополь и в мае по предложению земской управы занял должность заведующего VI медицинским участком уезда с центром в селе Изгары. Первоначально Авдеев числился в звании студента, «исполняющего должность врача», и только в октябре 1906 года, сдав итоговые экзамены в Томске и получив диплом (с отличием), стал полноценным врачом.

²Примечательно, что именно в нем в 1941–1943 годах в эвакуации жили семьи литераторов Леонова, написавшего здесь пьесу «Нашествие», и Сельвинского [12, с. 397].

Село Изгары (оно же – Никитино городище, Рождественское), располагавшееся в 25 верстах от Чистополя, было большим русским селением и крупным административно-хозяйственным, социально-культурным центром округи. Здесь находились волостное правление, квартиры участкового земского начальника и полицейского урядника, земская школа, церковь, т. е. в Изгарах было достаточно образованных людей из числа госслужащих, священнослужителей, учителей, с которыми могло тесно общаться семейство Авдеевых. В селе проживало 2,5 тыс. чел. – бывших крепостных крестьян (среди местных помещиков в XIX веке были даже Суворовы-Рымникские – потомки генералиссимуса Суворова).

Карьера молодого доктора начиналась в непростых условиях первой русской революции. В бывших помещичьих селах типа Изгар особенно остро ощущалось малоземелье и сильно проявлялось крестьянское недовольство. Изгарские крестьяне активно выступали против волостного начальства и владельцев местных экономий дворян Жуковых и чистопольского купца Логутова, имение которого пытались поджечь в 1906 году [14, л. 3–7].

На Авдеева, как и на всех земских врачей, легла огромная нагрузка. Руководимый им участок кроме Изгарской охватывал еще 5 волостей и был самым большим в уезде по числу населенных пунктов (52). В нем проживало свыше 50 тыс. русских, татар и чувашей – христиан, мусульман и даже язычников. Кроме больницы в Изгарах, на участке работали фельдшерские пункты в Чебоксарке и Саврушах.

О напряжении, с которым приходилось трудиться Авдееву, отчетливо свидетельствуют цифры статистики. Масштабы медицинской помощи населению при Авдееве стабильно расширялись. Распространялась информация о молодом, хорошем докторе, доверие людей увеличивалось, они преодолевали свои суеверия, страхи и предрассудки и чаще обращались за врачебной помощью, реже шли к различным знахарям, повитухам. Свыше половины приходивших к Авдееву пациентов были татарскими

и чувашскими крестьянами, зачастую почти не говорившими по-русски, поэтому он учился понимать и эти языки. Авдеев старался больше принимать пациентов сам, изживая так называемый фельдшеризм, когда подавляющее большинство пациентов в земской медицине лечили не врачи, а младший медперсонал, в массе своей окончивший школы ротных фельдшеров с низким уровнем подготовки.

Официально на прием у врача отводилось время с 9 до 13 ч. ежедневно, кроме воскресений, двенадесятых праздников, трех дней Пасхи, двух дней Рождества и Нового года. Тяжелые и экстренные больные принимались в любой день и любое время суток. В реальности же в эти часы приема уложиться было абсолютно невозможно. Например, в 1911 году Авдеев один принял амбулаторно в больнице 20 тыс. пациентов (9 тыс. – повторно) [15, с. 411], в 1914 году – почти 15 тыс. первичных и более 12 тыс. повторных больных, т. е. в сумме свыше 27 тыс., фельдшеры участка – 22 500 и 10 300 соответственно [16, с. 264]. Таким образом, ежедневно Авдеев принимал в среднем до 100 чел., а в иные дни – до 200! Кроме приемов в больнице, Авдеев выезжал к тяжелым больным в деревни и выполнял функции скорой помощи, число таких больных достигало 160–170 в год. Больница в Изгарах имела 10 основных и 5 запасных коек. Фактически же в ней одновременно лечились 20 и более чел., стационарное лечение получали до 290 чел. в год. За годы работы Авдеева смертность стационарных больных снизилась с 5 до 3 % [15–18].

При этом земский врач должен был быть универсалом, в одиночку леча десятки всех возможных взрослых и детских болезней. Также Авдеев своими руками ежегодно проводил десятки хирургических операций, по мере роста его опыта увеличивались их число (с 11 в 1907 году [17, с. 258] до 67 в 1914 году [16, с. 271]) и сложность: ампутации, удаление новообразований (раковых, глазных и др.), проколы живота при водянке, вырезание атеромы, вскрытие брюшной полости, зашивание рваных ран и открытых переломов, удаление катаракты,

резекция ребра, извлечение камней, пластика и ринопластика, стоматологические операции, удаление полипов, извлечение плода при патологии, отделение плаценты, извлечение дроби, пуль, игл, пришивание оторванных носов и ушей и др. Все это приходилось делать фактически одному, без ассистентов, анестезиологов. Также вместе с акушеркой Авдеев ежегодно принимал до нескольких десятков сложных родов. В феврале 1908 года здесь же, в Изгарской больнице, его жена Елена родила второго сына Валерия.

Во время практически ежегодных эпидемий дифтерии, скарлатины, брюшного тифа, гриппа, оспы, сибирской язвы, рожи, коклюша, крупа, кровавого поноса Авдеев выезжал в их очаги и зараженные селения. В результате борьбы с эпидемиями смертность от инфекций на его участке снижалась: в 1910 году из 1126 инфекционно-эпидемических больных умерло 87 [18, с. 294–301], в 1914 году из 1081 – только 40 [16, с. 276–285].

Кроме того, Авдеев вел санитарный надзор за учебными заведениями, водоснабжением, вакцинацией, осуществлял санитарные и медико-статистические обследования, ежегодно предоставлял земской управе и другим органам подробные отчеты, проводил судмедэкспертизу, в т. ч. вскрытие трупов, осматривал новобранцев на военную службу. Он руководил штатом Изгарской участковой земской больницы, кроме его и фельдшера включавшим санитаров, сиделку, больничного и аптечного служителей, экономку, дворника, кухарку, прачку; контролировал больничное хозяйство, заготовку и расходование припасов, медикаментов, аптеку при больнице, где бесплатно отпускали лекарства, которые он сам и готовил, контролировал фельдшерские пункты в Чебоксарке и Саврушах.

Помимо этого, Авдеев успевал активно участвовать в работе совета врачей уезда, где, в частности, предложил страховать медперсонал во время эпидемий, выплачивать семьям умерших врачей пособия и пенсии. Он принимал участие в социально-гигиеническом просвещении, земской работе с населением как лектор народных чтений по проблемам пьянства,

эпидемий, сохранения здоровья, ухода за детьми и т. д.

Непосредственно с Авдеевым связано строительство новой Изгарской земской больницы. Первый ее деревянный комплекс был построен еще до него, в 1898 году. Со временем он пришел в ветхость, из-за постоянного роста количества пациентов, проводимых операций места стало явно не хватать, поэтому Авдеев добился от земского собрания выделения средств (что показывает его авторитет) и постройки в 1912–1917 годах новых каменных зданий больницы и дома врача, деревянной прачечной. В результате число постоянных коек было увеличено вдвое – до 20 при 5 запасных, максимальное количество одновременно стационарных больных достигло в 1914 году 36 чел., превысив порог в 305 чел. в год [16, с. 269]. Авдеев вместе с земским техником Вотяковым лично контролировал проведение работ, поставки стройматериалов и т. п. Больница продолжала действовать в качестве участковой практически до недавних лет. К сожалению, ее здание, хоть и было включено в региональный реестр как памятник гражданской архитектуры в стиле рационалистического модерна с элементами классицизма [12, с. 427], в 2000-х годах было заброшено и разрушено.

При всем этом, несмотря на огромную профессиональную занятость, Авдеев еще находил время для помощи людям не только на медицинском поприще. Так, он был инициатором, организатором и первым председателем правления сельского кооператива в Изгарах, также он организовал в селе «народный дом» с библиотекой-читальней и самодеятельным театром, где выполнял функции не только председателя правления, но и кассира, артиста и режиссера. Учитывая всю описанную нагрузку, остается только удивляться, как все это мог делать один человек.

Дмитрий Авдеев не служил в армии, числясь ратником ополчения (запаса) 1-го разряда, не участвовал в Первой мировой войне. К установлению власти большевиков он отнесся лояльно. Гораздо позднее, в заявлении на вступление в компартию он писал, что с самого

начала Октябрьской революции состоял почти бессменным членом комиссии по призыву в ряды Красной армии, т. е. он принял советскую власть и продолжил работать при ней и на нее. Братья Иван и Дмитрий Авдеевы оказались по разные стороны баррикады.

Чистополь с прилегающим уездом, Изгарская волость оказались в эпицентре самых трагических событий Гражданской войны. Дважды они становились ареной кровопролитных боев красных и белых. В конце августа 1918 года все Закамье, включая Чистопольский уезд, на три месяца было занято частями Поволжской армии Комуча и чехословацкого легиона. В это время в уезде активно действовали отряды красных партизан, что отражено в романе Пастернака, где доктор Живаго был врачом в отряде. А 25 апреля 1919 года части Западной армии Колчака под командованием того самого генерала Ханжина, которого в Челябинске незадолго до этого чествовал Иван Дмитриевич Авдеев, заняли Чистополь и уезд, в т. ч. Изгарскую волость. На линии Изгары – Старое Ромашкино – Малый Толкиш – Булдырь с 23 по 25 апреля шли наиболее упорные бои. Однако уже 1 мая силы красных перешли в наступление и к 9 мая освободили территорию уезда [19; 20, с. 225].

В Изгарах Авдеев проработал до 1 апреля 1922 года, поэтому стал непосредственным очевидцем и невольным участником всех трагических событий тех лихих лет [21]. На его глазах происходили красный и белый террор, продразверстки, экспроприации, переделы земли, классовая борьба, крестьянские восстания, в т. ч. Вилочное 1920 года, в зоне которого оказались и Изгары. Он пережил страшнейший голод 1921–1922 годов, пик которого пришелся на февраль–март 1922 года, когда за зиму были окончательно истощены все запасы продовольствия, люди ели даже нефтебитуминозную глину, бросались в колодцы от мучений; в Чистопольском кантоне³ от голода умирало по

13 тыс. чел. еженедельно, только в марте 1922 года умерло 26 тыс. чел., регистрировались десятки случаев людоедства. Одновременно тысячи жизней уносила эпидемия брюшного тифа. В апреле и мае 1922 года смертность от голода снизилась, но все равно составляла 12 и 4 тыс. чел. соответственно [22, с. 26–27, 32–33, 40–41]. Таким образом, перевод в Чистополь, возможно, спас Авдеевых от голодной смерти.

Представляется вполне вероятным, что именно рассказы Авдеева обо всех этих трагических событиях нашли прямое и косвенное отражение на страницах романа «Доктор Живаго», посвященных революционным событиям 1917 года и Гражданской войне.

После перевода в 1922 году постановлением кантисполкома на работу в Чистополь Авдеев в разные годы заведовал лечебным отделом кантздрава, кантздравотделением, роддомом, заразным (инфекционным) корпусом 1-й Советской больницы им. М. Вахитова, трудился судмедврачом, врачом дома младенца и амбулаторным врачом. Будучи заведующим кантонным здравотделением, стал одним из главных инициаторов создания и организаторов Берсутского дома отдыха, который продолжает оздоравливать людей и сегодня. Также по его инициативе в Чистополе была открыта городская общественная баня. В апреле 1928 года его назначили заведующим инфекционным отделением 1-й Советской больницы. Авдеев неоднократно временно исполнял обязанности главного врача больницы.

Ситуация с инфекциями в ТАССР в целом и Чистопольском районе в частности оставалась напряженной. Частыми были эпидемии скарлатины, брюшного тифа, дизентерии, дифтерии. При этом инфекционное отделение, которое принял Дмитрий Дмитриевич, было в запущенном состоянии, и работать приходилось в условиях нехватки персонала, белья, растворов и приспособлений для дезинфекции, помещений, отсутствия систем дезинфекции, возможности

³Кантон – административно-территориальная единица в Татарской Автономной Советской Социалистической Республике (ТАССР) в 1920–1930 годах.

нормальной санитарной обработки поступающих больных, прививок, лечебной сыворотки, при слабой лабораторной базе [23, л. 388–390].

На рубеже 1920–1930-х годов советская медицина функционировала по классовому принципу – в первую очередь и бесплатно обслуживали батраков, бедняков, колхозников и т. д. (в составе выездных бригад Авдеев регулярно выезжал в села во время посевной кампании). Кулаков же и иные «нетрудовые элементы» лечили только за деньги по установленной таксе. Так, однажды в марте 1930 года Авдеев с амбулаторного приема направил в заразное отделение больного брюшным тифом по фамилии Гагарин. А вскоре из местного уголовного розыска пришел запрос: «...на основании определения какого врача лишенец из д. Лебяжье Алексеевской волости Гагарин Семен был принят в больницу, взималось ли с него денег как с нетрудового элемента за прохождение комиссии и за лечение» [23, л. 121].

После открытия в апреле 1937 года отдельной инфекционной больницы Авдеев, как инфекционист с уже большим опытом, перешел туда сначала на должность заведующего отделением, а в октябре того же года был назначен главврачом. Объем работы врачей, в особенности инфекционных, по объективным причинам резко вырос в годы Великой Отечественной войны. В основном за счет приезжих и эвакуированных, в 1942 году количество случаев сыпного тифа в Чистополе по сравнению с 1941 годом увеличилось в 10 раз. В среднем ежемесячно регистрировалось до 15 случаев дифтерии. Росла завшивленность, т. к. из-за холода приходилось учиться и работать в верхней одежде, не хватало мыла [24, л. 43]. Это увеличило нагрузку на инфекционную больницу.

Благодаря слаженной совместной работе местных медиков и эвакуированных врачей в городской чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемическими заболеваниями, в состав которой вошел и Авдеев (и находился в гуще всей работы), в Чистополе, в отличие от Казани, Зеленодольска, Бондюги и Бугульмы, больших эпидемий, массовых пищевых отравлений удалось избежать.

Авдеева, как и прежде, отличала активная жизненная позиция, он продолжал вести широкую общественную деятельность: читал лекции в совпартшколе, фельдшерско-акушерской школе, на курсах сестер Общества Красного Креста. Дважды избирался депутатом Чистопольского городского Совета трудящихся, в котором возглавлял медицинскую секцию. Он председательствовал в правлении профсоюза работников медсантруда, затем был председателем бюро его врачебной секции, членом научной секции. В 1943 году, уже в более чем зрелом возрасте, вступил во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков.

При этом Д.Д. Авдеев был человеком высочайшей культуры и художественных дарований, что позволило ему близко сойтись с корифеями отечественной литературы. Многие он передал своим сыновьям: Арсению (1901–1966) – искусствоведа и театроведа, кандидату исторических наук, сотруднику Института этнографии Академии наук СССР; Валерию (1908–1981) – геоботанику, доктору биологических наук.

Авдеев, как чуткий, отзывчивый, подлинно народный доктор, всегда пользовался большой любовью населения, авторитетом у коллег, передавал свой опыт молодым врачам. Его профессиональные и общественные заслуги не раз отмечались, он удостоен государственных наград.

Д.Д. Авдеев скончался в 1952 году. Скромные могилы его и его жены на старом городском кладбище Чистополя символично расположены рядом с величавыми мраморными монументами его предков-купцов.

В подшито к студенческому делу Авдеева «Факультетском обещании» есть такие строки: «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать... прибегающим к моему пособию страждущим... продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми своими силами ее процветанию... быть справедливым к своим

товарищам врачам...» [25, л. 27 об.]. Без преувеличения, эти обещания стали главными принципами Авдеева, которым он неукоснительно следовал всю свою жизнь.

Таким образом, личность Дмитрия Дмитриевича Авдеева представляет собой типичный пример классической дореволюционной народной интеллигенции, которая, несмотря на радикальную смену политического строя и тяжелую обстановку, всю жизнь продолжала самоотверженно служить людям. Александр Фадеев записал в своих дневниках: «Не могу я с интересом читать про чеховских интеллигентов. Если я знаю такого врача, как чистопольский Дмитрий Дмитриевич Авдеев, который в невыносимых условиях проработал среди чистопольских крестьян-татар. Большой, красивый, сильный человек, который так же далек по незаурядной биографии своей, по могучей

индивидуальности своей от чеховских героев, как король Лир от Чебутыкина» (цит. по: [7, с. 130]). Писатель Петр Павленко видел в Дмитрие Дмитриевиче Авдееве «человека весьма замечательного, достойного изучения и описания, отличнейшего советского интеллигента» (цит. по: [10]).

Насыщенная, драматическая биография Авдеева тесно переплеталась с драматическими историческими событиями и процессами первой половины XX века в России. Его жизнь ставит вечные вопросы отечественной интеллигенции: о разрыве между думами и мечтами ее представителей и действительностью, проблеме нравственного выбора, самоотречения. Она сама может служить сюжетом романа-эпопеи. При дальнейшем внимательном изучении биографии Д.Д. Авдеева наверняка будет обнаружено еще много параллелей с образом доктора Живаго.

Список литературы

1. Валеев Н.М., Сарчин Р.Ш. Чистополь литературный: энцикл. Казань: Заман, 2017. 560 с.
2. Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания / [сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г.С. Муханов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 351 с.
3. Zharkynbayeva R. The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War // J. Slav. Mil. Stud. 2020. Vol. 33, № 3. P. 403–419. DOI: [10.1080/13518046.2020.1824110](https://doi.org/10.1080/13518046.2020.1824110)
4. Manley R. To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 282 p.
5. Громова Н.А. «Дальний Чистополь на Каме...»: Писательская колония: Москва–Чистополь–Елабуга–Москва. М.; Елабуга: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. 234 с.
6. Громова Н.А. Эвакуация идет... 1941–1944: Писательская колония. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008. 411 с.
7. Громова Н.А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: АСТ, Corpus, 2019. 649 с.
8. Кондрашин Д.В., Печёнкин А.В., Печёнкина О.Ю. Литературный Чистополь. М.: Перо, 2015. 263 с.
9. Белов С.Г., Суслов А.Ю. Писательская эвакуация в Чистополь и Елабугу в годы Великой Отечественной войны (1941–1943): проблемы современного восприятия // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН. Новосибирск: Параллель, 2020. С. 69–76.
10. Чикрина В.А. Обитель гениев пера: Л.М. Леонов в Чистополе // Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник. URL: <https://chisto-muzei.ru/2014/03/obitel-geniev-pera-l-m-leonov-v-chistopole/> (дата обращения: 27.09.2021).
11. Гос. арх. Респ. Татарстан (ГАРТ). Ф. 51. Оп. 5. Д. 1129.
12. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Т. 1: Административные районы. Казань: Мастер Лайн, 1999. 458 с.

13. После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сб. док. / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2002. 84 с.
14. ГАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 680.
15. Отчет о действиях Чистопольской уездной земской управы Казанской губернии за 1911 год. Чистополь, 1912. 578 с.
16. Хозяйственный отчет Чистопольской уездной земской управы, Казанской губернии, за 1914 год, 51-му очередному уездному земскому собранию. Казань, 1916. 441 с.
17. Отчет о действиях Чистопольской уездной земской управы Казанской губернии с 1 июля 1907 года по 1 июля 1908 года. Казань, 1908. 395 с.
18. Отчет о действиях Чистопольской уездной земской управы Казанской губернии за 1910 год. Казань, 1911. 419 с.
19. *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 280 p.
20. *Мухарямов М.К.* Гражданская война в Татарии (1918–1919). Казань: Таткнигоиздат, 1969. 300 с.
21. *Недорезов М.В.* Хроника Великой российской революции в Чистополе // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3/4. С. 84–91.
22. *Ахметова М.А.* Голод в ТАССР: Чистополь в 1920-е гг. Историко-документальные хроники. Казань: Изд-во АН РТ, 2019. 52 с.
23. ГАРТ. Ф. Р-2087. Оп. 1. Д. 5.
24. ГАРТ. Ф. Р-4330. Оп. 2. Д. 26.
25. Гос. арх. Томск. обл. Ф. 102. Оп. 2. Д. 20.

References

1. Valeev N.M., Sarchin R.Sh. *Chistopol' literaturnyy* [The Literary Chistopol]. Kazan, 2017. 560 p.
2. Mukhanov G.S. (comp.). *Chistopol'skie stranitsy: Stikhi, rasskazy, povesti, dnevniki, pis'ma, vospominaniya* [Chistopol Pages: Poems, Stories, Novellas, Diaries, Letters, Memoirs]. Kazan, 1987. 351 p.
3. Zharkynbayeva R. The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War. *J. Slav. Mil. Stud.*, 2020, vol. 33, no. 3, pp. 403–419. DOI: [10.1080/13518046.2020.1824110](https://doi.org/10.1080/13518046.2020.1824110)
4. Manley R. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, 2009. 282 p.
5. Gromova N.A. "Dal'niy Chistopol' na Kame...": *Pisatel'skaya koloniya: Moskva – Chistopol' – Elabuga – Moskva* [The Far Chistopol on the Kama: The Writers' Colony: Moscow – Chistopol – Yelabuga – Moscow]. Moscow, 2005. 234 p.
6. Gromova N.A. *Evakuatsiya idet... 1941–1944: Pisatel'skaya koloniya. Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata* [The Evacuation Proceeds... 1941–1944: The Writers' Colony: Chistopol. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata]. Moscow, 2008. 411 p.
7. Gromova N.A. *Noev kovcheg pisateley. Evakuatsiya 1941–1945. Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata* [The Noah's Ark of Writers. 1941–1945 Evacuation. Chistopol. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata]. Moscow, 2019. 649 p.
8. Kondrashin D.V., Pechenkin A.V., Pechenkina O.Yu. *Literaturnyy Chistopol'* [The Literary Chistopol]. Moscow, 2015. 263 p.
9. Belov S.G., Suslov A.Yu. *Pisatel'skaya evakuatsiya v Chistopol' i Elabugu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1943): problemy sovremennogo vospriyatiya* [The Writers' Evacuation to Chistopol and Yelabuga During the Great Patriotic War (1941–1943): Problems of Modern Perception]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naroda: izuchenie, interpretatsiya, uroki proshlogo* [The Great Patriotic War in the Nation's Historical Memory: Study, Interpretation, Lessons of the Past]. Novosibirsk, 2020, pp. 69–76.
10. Chikrina V.A. *Obitel' geniev pera: L.M. Leonov v Chistopole* [Abode of Geniuses of the Pen: L.M. Leonov in Chistopol]. *Chistopol State Historical, Architectural and Literary Museum Reserve*. Available at: <https://chisto-muzei.ru/2014/03/obitel-geniev-pera-l-m-leonov-v-chistopole/> (accessed: 27 September 2021).
11. *State Archives of the Republic of Tatarstan (SART)*. Coll. 51. Inv. 5. Fol. 1129 (in Russ.).

12. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Tatarstan. T. 1: Administrativnye rayony* [Collection of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Tatarstan. Vol. 1: Administrative Districts]. Kazan, 1999. 458 p.
13. Rodnov M.I. (comp.). *Posle revolyutsii (dokumenty po istorii antipravitel'stvennogo dvizheniya i deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov v Ufimskoy gubernii v kontse 1907 – pervoy polovine 1914 godov)* [After the Revolution (Documents on the History of the Anti-Government Movement and the Activities of Law Enforcement Bodies in the Ufa Province in the Late 1907 – First Half of 1914)]. Ufa, 2002. 84 p.
14. *SART*. Coll. 41. Inv. 4. Fol. 680 (in Russ.).
15. *Otchet o deystviyakh Chistopol'skoy uездной земской управы Kazanskoy gubernii za 1911 god* [Report on the Actions of the Chistopol District Council of the Kazan Province for 1911]. Chistopol, 1912. 578 p.
16. *Khozyaystvennyy otchet Chistopol'skoy uездной земской управы, Kazanskoy gubernii, za 1914 god, 51-mu ocherednomu uездному земскому собранию* [Economic Report of the Chistopol District Council, Kazan Province, for 1914, to the 51st Regular District Assembly]. Kazan, 1916. 441 p.
17. *Otchet o deystviyakh Chistopol'skoy uездной земской управы Kazanskoy gubernii s 1 iyulya 1907 goda po 1 iyulya 1908 goda* [Report on the Activities of the Chistopol District Council of the Kazan Province from 1 July 1907 to 1 July 1908]. Kazan, 1908. 395 p.
18. *Otchet o deystviyakh Chistopol'skoy uездной земской управы Kazanskoy gubernii za 1910 god* [Report on the Activities of the Chistopol District Council of the Kazan Province for 1910]. Kazan, 1911. 419 p.
19. Badcock S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge, 2007. 280 p.
20. Mukharyamov M.K. *Grazhdanskaya voyna v Tatarii (1918–1919)* [The Civil War in Tatarstan (1918–1919)]. Kazan, 1969. 300 p.
21. Nedorezov M.V. *Khronika Velikoy rossiyskoy revolyutsii v Chistopole* [The Chronicle of the Great Russian Revolution in Chistopol]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2017, no. 3/4, pp. 84–91.
22. Akhmetova M.A. *Golod v TASSR: Chistopol' v 1920-e gg. Istoriko-dokumental'nye khroniki* [Famine in the TASSR: Chistopol in the 1920s. Historical and Documentary Chronicles]. Kazan, 2019. 52 p.
23. *SART*. Coll. R-2087. Inv. 1. Fol. 5 (in Russ.).
24. *SART*. Coll. R-4330. Inv. 2. Fol. 26 (in Russ.).
25. *State Archives of the Tomsk Region*. Coll. 102. Inv. 2. Fol. 20 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V150

Sergey G. Belov

Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences;
Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences;
ul. Lobachevskogo 2/31, a/ya 261, Kazan, 420111, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6629-330X> e-mail: sgb-79@mail.ru

Aleksey Yu. Suslov

Kazan National Research Technological University;
ul. Karla Marksa 68, Kazan, 420015, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102> e-mail: fsgtkstu@yandex.ru

A PROVINCIAL INTELLECTUAL AT THE BREAKING POINT OF HISTORY (on the Chistopol Doctor D.D. Avdeyev, the Prototype of Doctor Zhivago)

This article dwells on the biography of the provincial doctor Dmitry D. Avdeyev (1879–1952) unfolding during the dramatic events in 20th-century Russia. The methods of intellectual history and micro-historiography allow us to create a certain “portrait of a provincial doctor against the

For citation: Belov S.G., Suslov A.Yu. A Provincial Intellectual at the Breaking Point of History (on the Chistopol Doctor D.D. Avdeyev, the Prototype of Doctor Zhivago). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V150

background of the era”, who had to make cultural choices. The paper analyses the impact of Avdeyev’s life on the image of Doctor Zhivago, the protagonist in Boris Pasternak’s famous novel, who embodied the best features of the Russian intelligentsia: selfless devotion, action for the common good, disregard of material wealth, and commitment to the timeless humanistic ideals. Avdeyev’s origin and family as well as his professional path are described. Further, the paper studies the everyday life and practice of the ordinary provincial doctor in the early 20th century, including the period of the Civil War and famine of 1921–1922 in the Volga region. It is emphasized here that Avdeyev’s reminiscences of these tragic events, which he had shared with writers evacuated to Chistopol and Yelabuga (1941–1943), were directly and indirectly reflected in *Doctor Zhivago*. During the war, the doctor’s house in Chistopol became a kind of a writers’ club and a literary salon. It is concluded that the dramatic clash between Avdeyev’s (and Doctor Zhivago’s and, to some extent, Pasternak’s) thoughts and dreams and the reality of post-revolutionary Russia, as well as their being fettered by the actualities of the epoch were, nevertheless, overcome through the spirit of creativity and due to finding meaning in serving the Russian people. This paper provides deeper insights into the lives and behavioural patterns of Russian intellectuals during this landmark period and can be used in interdisciplinary research on the intellectual history of 20th-century Russia and in literary studies.

Keywords: *Dmitry Avdeyev, intellectual history of 20th-Century Russia, provincial doctor, revolution, Chistopol, evacuation of the intelligentsia, Boris Pasternak, Zhivago.*

Поступила 04.10.2021

Принята 14.01.2022

Received 4 October 2021

Accepted 14 January 2022

УДК [327.323.31:94(44).083]:94(4)"1921/1925"

DOI: 10.37482/2687-1505-V151

*БЕСПАЛОВА Ксения Андреевна, младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 15 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8391-8017>

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТОВ КОМИНТЕРНА В ЕВРОПЕ В 1921–1925 годах (по материалам французских архивов)¹

Статья посвящена малоизученному в зарубежной и отечественной историографии сюжету об агентурной работе иностранцев в странах Европы в пользу Коммунистического интернационала. К исследованию привлечены документы Исторической службы Министерства обороны Франции и Национального архива Франции, в частности судебные дела трех французских активистов (Ж. Садуля, А. Гильбо и Р. Пети). Материалы судебных дел формировались за счет сбора французской разведкой сведений об активности указанных персон в странах Европы. Автор статьи, анализируя эти судебные дела, определяет хронологические рамки данной деятельности (1921–1925 годы) и выделяет 6 направлений работы большевистских агентов по развитию коммунистического движения в странах Европы: агитационная работа посредством организации и распространения советской прессы за рубежом; восстановление культурных связей между странами Западной Европы и Советской Россией; пропагандистские меры на оккупированных территориях Германии; установление дополнительных контактов с представителями Французской коммунистической партии; деятельность по активизации коммунистического движения в Чехословакии и Турции; установление связи между Коминтерном и итальянскими и швейцарскими коммунистами. Автор приходит к выводу, что деятельность агентов в рамках указанных направлений имела положительные результаты. Изученный пример сотрудничества европейских коммунистов и лидеров Коминтерна через французских агентов открывает новую страницу в истории коммунизма: он демонстрирует взаимодействие большевиков с представителями оппозиционных партий Франции, Германии, Италии и Швейцарии при активном посредничестве французских граждан и персонифицирует этот аспект развития мирового коммунистического движения.

Ключевые слова: *Коминтерн, Анри Гильбо, Жак Садуль, Робер Пети, агентурная деятельность, революционная пропаганда, оккупация Рейна, Рурский конфликт.*

*Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: ksenia.bespalova@urfu.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

Для цитирования: Беспалова К.А. Направления деятельности агентов Коминтерна в Европе в 1921–1925 годах (по материалам французских архивов) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 16–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V151

Коммунистический интернационал (Коминтерн), основанный для распространения идей революционного интернационального социализма, недавно отметил свой 100-летний юбилей. В связи с годовщиной создания Коминтерна современные историки вновь обратились к изучению его деятельности. В своих трудах исследователи касались вопросов, посвященных организационным основам Коминтерна, несостоятельности коммунистического движения [1], анализировали первые конгрессы Коминтерна [2] и характеризовали политику, проводимую этой международной организацией [3]. Ученые уделяли внимание ряду персон, в т. ч. и иностранцам, чьи усилия были направлены на распространение сетей Коминтерна. Это, без сомнений, позволило персонифицировать и дополнить историю мирового коммунистического движения. Однако в данной статье нам бы хотелось представить некоторых французских деятелей Коминтерна, чья роль была второстепенна при данной организации, но тем не менее заметна.

Лидеры большевиков прилагали разного рода усилия для привлечения иностранных социалистов к вступлению в новый Интернационал. В начале 1920-х годов в ряде стран Европы формировались коммунистические партии и организации. При них нередко находились наблюдатели от Коминтерна для контроля за деятельностью местных коммунистов. Роль наблюдателей зачастую выполняли иностранцы, которые являлись свидетелями Октябрьского переворота в России. Примкнув к большевикам, эти иностранцы в период Гражданской войны занимались агитационной деятельностью среди своих compatriots, проживающих на территории бывшей царской России. На данном поприще многие из них проявили себя как способные агитаторы и стали для большевистского правительства особо ценными кадрами.

Эти специалисты влияли на взгляды своих соотечественников и стимулировали развитие революционных настроений в своих родных странах.

К примеру, такими специалистами стали трое французов: Жак Садуль (1881–1952), Робер Пети (1893–1953) и Анри Гильбо (1884–1938). В Россию они прибыли в разное время и при разных обстоятельствах. Жак Садуль, член Французской секции Рабочего интернационала (СФИО), был прикомандирован ко Французской военной миссии (ФРАМИС) в чине капитана и приехал в Россию в 1917 году. Рядовой Робер Пети также прибыл в Россию в составе ФРАМИС в 1917 году. Третий француз, Анри Гильбо, еще до приезда в Россию был довольно известным французским левым поэтом, публицистом и создателем журнала «*Demain*»². В отличие от Ж. Садуля и Р. Пети, А. Гильбо еще до Октябрьского переворота, в 1916–1919 годах сотрудничал с русскими революционерами и в 1919 году был ими приглашен принять участие в Первом конгрессе Коминтерна. По воспоминаниям современников, в Россию он прибыл накануне последнего дня конгресса (5 марта 1919 года) [4, с. 28; 5, с. 223].

Прибыв в Москву, трое указанных нами персон вступили в разное время во Французскую коммунистическую группу Москвы³, в рядах которой в 1918–1920 годах они занимались пропагандистской деятельностью среди своих compatriots на территории охваченной Гражданской войной России. Отметим, что к 1919 году каждый из них был заочно приговорен к смертной казни на родине, во Франции: А. Гильбо был обвинен в госизмене [6, л. 3] за его революционную деятельность в Европе в 1915–1919 годах; Ж. Садуль и Р. Пети были обвинены в дезертирстве за их отказ вернуться с ФРАМИС во Францию [7, с. 103; 8, с. 692]. Таким образом, проникнув в революционными

²«*Demain*» («Завтра») – пацифистский журнал, издававшийся в Швейцарии в 1916–1918 годах.

³Французская коммунистическая группа Москвы – интернациональная группа, созданная в 1918 году и функционирующая при РКП(б). Сотрудники группы занимались агитационно-пропагандистской работой среди проживающих в Советской России французов.

идеями и не имея возможности вернуться на родину, Ж. Садуль, Р. Пети и А. Гильбо остались на службе при большевиках после распада Французской коммунистической группы Москвы. Благодаря своим личным качествам и агитаторским способностям, эти трое французов в 1921–1922 годах были направлены в Веймарскую Германию от Французской секции Коминтерна. Цель данной статьи – продемонстрировать, какие задачи в европейских странах выполняли подобные иностранные агенты.

Жизненного пути и судеб указанных нами деятелей касались многие отечественные и зарубежные исследователи по истории коммунистического движения. Судьба капитана Садуля и его миссия в России были изучены французскими исследователями А. Перо, Ж. Раймоном и Н. Расин [9, 10], а также отечественными историками Ю.М. Галкиной и автором данной статьи [11, 12]. Биография Р. Пети подробно рассмотрена в работах французского историка П. Виль [13] и отражена в ее докторской диссертации, посвященной деятельности французских коммунистических групп в России [8]. Кроме того, ряд историков изучали основные вехи биографии А. Гильбо [14, 15] и уделяли особое внимание анализу его публицистических трудов [16–19].

Отметим, что на сегодняшний день наиболее изученной является осуществляемая вышеназванными лицами в 1918–1920 годах пропагандистская деятельность от имени Французской коммунистической группы Москвы. Данному аспекту уделили внимание такие ученые, как Л.М. Зак [20, с. 156; 21, с. 32], С.А. Цвилюк, А.И. Гуляк [22], Л.В. Слуцкая [23] и С. Кёре [24]. Однако как отечественные, так и зарубежные исследователи практически не касались в своих трудах активности данных персон после распада Французской коммунистической группы Москвы, а именно их деятельности в Европе от имени Коминтерна. Настоящее исследование актуализирует их судебные дела, хранящиеся в фондах архива Исторической службы Министерства обороны Франции в Париже. В этих делах содержатся собранные французской разведкой сведе-

ния об агентурной работе Ж. Садуля, Р. Пети и А. Гильбо в европейских странах. Данные материалы представляют собой заметки, рапорты и листы информирования об их перемещениях и деятельности на территории Европы. Анализ этих документов позволяет нам определить хронологические рамки проводимой данными агентами работы – с 1921 (их отправка в Европу и начало деятельности) по 1925 год (этим годом датированы последние данные французской разведки).

Итак, Ж. Садуль, Р. Пети и А. Гильбо были направлены в столицу Веймарской Германии – Берлин с целью подготовки почвы для будущей революции и создания в Германии центра агитационной работы. Анализ их судебных дел позволил выявить несколько направлений их деятельности: а) агитационная работа посредством организации и распространения советской прессы за рубежом; б) восстановление культурных связей между странами Западной Европы и Советской Россией; в) пропагандистские меры на оккупированных территориях Веймарской Германии; г) установление дополнительных контактов с представителями Французской коммунистической партии (ФКП); д) деятельность по активизации коммунистического движения в Чехословакии и Турции; е) установление связи Коминтерна с коммунистами Италии и Швейцарии.

Для реализации первого направления – *агитационной деятельности* в 1921 году Исполнительный комитет Третьего Интернационала утвердил пост комиссара советской прессы за границей. Этот пост занял Жак Садуль, направленный в Берлин. Причина, по которой такая должность была утверждена, состояла в том, что именно посредством печатных изданий в Европе распространялись коммунистические идеи. Контроль за издаваемой за рубежом литературой и периодическими изданиями был крайне важен, поскольку, по мнению правительства Советов, «зарубежные советские органы проводили ложную пропаганду и часто расходились с политикой коммунизма» [7, с. 293]. Именно поэтому присутствие агента, способного контролировать советскую заграничную

прессу и издаваемые ею материалы, было необходимо. Кроме того, материалы французской разведки свидетельствуют о том, что в Германию Ж. Садуль был направлен, «чтобы взять на себя руководство немецким коммунистическим движением» [7, с. 329]. Однако нужно заметить, что это заявление явно преувеличено и отражает малую степень осведомленности сотрудников французских спецслужб о миссии Ж. Садуля в Германии. На деле же лидеры большевиков поручили ему организовать пропаганду в прессе.

Для выполнения поставленной задачи, в первую очередь, была необходима ревизия имеющихся проблем с изданием и распространением пропагандистских материалов. Для сбора сведений о проводимой пропаганде Ж. Садуль совершил поездки в ряд европейских городов, например в Ригу, Ревель [7, с. 293] и Вену [7, с. 224]. После он направился в Москву, где представил отчет о состоянии советской прессы в Западной Европе [7, с. 276]. На основе данного отчета было принято решение об организации службы революционной пропаганды. Такая служба была создана в Берлине и включала в себя секции, одна из которых занималась пропагандой в странах Европы. Эту секцию возглавил Ж. Садуль [7, с. 241], который, в связи с этим, «имел практически полную свободу действий при условии исполнения приказов Исполкома Третьего Интернационала и советского правительства» [7, с. 278–279]. Здесь также стоит отметить, что эта точка зрения французских спецслужб не отражала реального положения дел. Даже при условии того, что Ж. Садуль занимал указанный пост, позволяющий ему свободно принимать решения по вопросам пропаганды в Западной Европе, это не отменяло того факта, что Народный комиссариат иностранных дел РСФСР сохранял за собой право наблюдения за функционированием пропагандистских служб за границей. Соответственно, французскими спецслужба-

ми был явно преувеличен размах полномочий Ж. Садуля.

Организованная служба пропаганды осуществляла свою деятельность посредством агитационной литературы. Для подготовки печатных изданий, которые впоследствии распространялись среди европейского пролетариата, в Берлин как центр агитационной работы в том же 1921 году прибыл другой большевистский агент-агитатор Р. Пети. Он вместе с революционером, писателем Виктором Сержем и Юлием⁴ основал в Берлине журнал «Импрекор» («Imprekor»). В этом журнале публиковались статьи для европейских рабочих на английском, французском и немецком языках [13]. Кроме того, Р. Пети работал редактором в журнале «Интернациональная корреспонденция», редакция которого находилась сначала в Берлине, а затем в Цюрихе [8, с. 691]. Деятельность этих изданий контролировалась службой пропаганды, на их страницах печатались проверенные и одобренные службой агитационные тексты.

Однако, несмотря на усилия Ж. Садуля и Р. Пети по налаживанию работы службы пропаганды, редакции, распространению агитационных материалов и созданию новых коммунистических изданий, подобного рода агитационная деятельность имела незначительные результаты. Уже через год, летом 1922 года в Берлин приехал другой французский агент – А. Гильбо [7, с. 149]. Исходя из отчета французской разведки о его деятельности, он, прибыв в Германию и проведя проверку работы службы пропаганды, заключил, что коммунистическая пропаганда в Европе была очень слабо развита [25, с. 538]. Соответственно, реализация французскими агентами данного направления деятельности была неудачной, хотя отметим, что в период Гражданской войны они проводили агитацию среди компатриотов в первую очередь посредством агитационной литературы [26, с. 324–325]. Тем не менее, несмотря на незначительные результаты, агитация через печатные издания продолжала вестись, и, в частности, Р. Пети работал в журнале «Интернациональ-

⁴Юлий – это псевдоним социалистического журналиста Марка Рейна.

ная корреспонденция» до 1926 года [8, с. 691]. Что касается Ж. Садуля и А. Гильбо, то они были сосредоточены на новых задачах.

Вторым направлением деятельности агентов стала работа по *восстановлению культурных связей между странами Западной Европы и Советской Россией*. Прибывшему в 1922 году в Берлин А. Гильбо предстояло наладить эти контакты [8, с. 702–707]. Он являлся политическим корреспондентом газеты «L'Humanité» и, согласно данным французской разведки, поддерживал переписку с главными персонами французского революционного движения [25, с. 487], в частности с В. Сержем (он же – сотрудник и другого коммунистического издания «Clarté»), П. Вайяном-Кутюрье и А. Треном. Кроме того, А. Гильбо вел рубрику «Иностранная жизнь» в коммунистической газете «Накануне», которая издавалась на русском языке в Берлине. Рубрика публициста была посвящена современной литературе и включала в себя анализ разных социалистических и коммунистических трудов [25, с. 480].

А. Гильбо также занимался подготовкой к изданию брошюр, небольших газет и листовок, которые должны были заинтересовать французскую молодежь антивоенными и коммунистическими идеями. Пересылка этих работ во Францию осуществлялась через Швейцарию или Голландию [25, с. 576]. К тому же, прекрасно владея немецким языком, А. Гильбо в 1922–1925 годах организовывал в крупных городах Веймарской республики конференции по разным литературным сюжетам, тематика которых была положительно оценена лидерами Коминтерна [25, с. 480].

В 1925 году А. Гильбо пытался создать в Берлине объединение иностранных журналистов, которые бы занимались пропагандой советского строя [25, с. 335], однако эта затея провалилась, поскольку, как сообщала французская разведка, «среди иностранных журналистов А. Гильбо пользовался лишь посредственным уважением: многие журналисты отказывались иметь с ним какие-либо отношения» [25, с. 296]. Эта точ-

ка зрения сформировалась у французских спецслужб неспроста: среди европейских публицистов А. Гильбо имел славу непростого человека в силу своей революционной активности, проводимой в 1915–1919 годах в Европе. За эту деятельность в 1918 году он был выслан из Швейцарии и признан нежелательной персоной в Германии [25, с. 204–206]. В связи с этим европейские публицисты боялись иметь с ним дело, чтобы не попасть под наблюдение органов правопорядка. Кроме того, заметим, что в воспоминаниях современников об А. Гильбо трудно найти хотя бы несколько лестных комментариев о нем. Очевидно, писатель обладал скверным характером и плохой репутацией.

Третьим направлением деятельности для французских агитаторов стало *принятие мер пропагандистского характера на оккупированных немецких территориях*. Напомним, что в 1922–1923 годах в Рурской области разгорелся военно-политический конфликт между Веймарской республикой и франко-бельгийскими оккупационными войсками. Из-за невыполнения Германией репарационных обязательств правительство Франции ввело на данную территорию войска. Руководство Коминтерна решило воспользоваться сложившейся ситуацией и попыталось организовать вооруженное восстание с целью захвата власти немецкими коммунистами. Ж. Садулю советское правительство поручило организовать немецкие коммунистические силы в оккупированном Руре и в промышленных районах Германии и создать там секретную службу революционной пропаганды [7, с. 329], а также позаботиться о развитии анти-милитаристской пропаганды среди французских войск [27]. Его коллега А. Гильбо тоже был привлечен к этой деятельности и направился инкогнито на оккупированные территории [25, с. 537], в частности в Рейн, где ему было поручено собрать сведения о том, как складываются отношения между оккупационными властями и французскими войсками [25, с. 538]. Кроме того, А. Гильбо должен был заниматься коммунистической пропагандой среди французских

войск в Руре [25, с. 521] и в целом отвечал за коммунистическую агитацию [25, с. 576].

Ко всему прочему, французские агитаторы занимались организацией переговоров немецких и французских коммунистов о совместных действиях для эффективной борьбы против оккупационных властей. Несколько таких встреч состоялось, в частности, в Берлине в 1923 году. В ходе одной из встреч через посредничество А. Гильбо удалось убедить Центральный комитет ФКП выделить сумму в 600 000 марок на поддержку забастовки рабочих в немецком Людвигсхафене [25, с. 538]. Однако усилия французских агентов были напрасны, поскольку руководство Коммунистической партии Германии (КПГ) решило отказаться от восстания [28, с. 272].

Четвертое направление деятельности французских агентов заключалось в *установлении дополнительных контактов большевиков с представителями ФКП*. В 1923 году лидеры большевиков внимательно следили за внутривнутрипартийной борьбой в ФКП, разгоревшейся после отставки генерального секретаря партии Л.-О. Фроссара. Разногласия между членами ФКП возникали по вопросам о выборе дальнейшего пути развития французского коммунистического движения. Указанные нами французские агенты привлекались в качестве дополнительного канала связи Коминтерна с французскими коммунистами. Так, к примеру, работа Р. Пети в Берлине представляла собой выполнение роли связующего звена между руководством ФКП и Коминтерном [13]. Для этого он совершал поездки в Москву, в частности во время конгрессов Коминтерна [8, с. 691]. К этой деятельности были привлечены и его коллеги Ж. Садуль и А. Гильбо: они встречались в Швейцарии с представителями французской компартии для передачи им директив Коминтерна [7, с. 214; 25, с. 328]. Кроме того, перед А. Гильбо была поставлена задача регулярно контактировать с французскими коммунистами, дабы «примирять их внутренние ссоры» [25, с. 538]. Для этого он часто бывал в Аахене, где встречался с некоторыми представителями ФКП, в частности с А. Треном, который занял пост генераль-

ного секретаря партии. Некоторое время спустя, в преддверии парламентских выборов во Франции в 1924 году А. Гильбо следил за коммунистическим движением во Франции и сообщал о своих наблюдениях в Коминтерн [25, с. 480]. Таким образом, мы видим, что привлечение французских агентов для установления дополнительной связи Коминтерна с представителями ФКП дало определенные результаты, поскольку имели место встречи с французскими коммунистами и удавалось добывать необходимые сведения о положении компартии во Франции.

Пятым направлением деятельности французских агитаторов стали *попытки активизации коммунистического движения в Чехословакии и Турции*. Материалы судебного дела Ж. Садуля сообщают о двух подобных попытках. Первая попытка была в 1921 году, когда агент был направлен в Центральную Европу по поручению Третьего Интернационала, в частности К. Радека и Л. Троцкого, «чтобы централизовать в Праге все большевистские военные организации и осенью начать революционное движение» [7, с. 280–281]. Очевидно, что имеется в виду встреча Ж. Садуля с представителями Чехословацкой социал-демократической рабочей партии по вопросам ее присоединения к Коминтерну и помощи лидерам партии в организации революционных выступлений в стране. Источники умалчивают, чем закончилась эта поездка, но, как известно, ряд выступлений трудящихся в крупных городах страны все же состоялся.

Осенью 1922 года Ж. Садуль был направлен в Турцию, чтобы «организовать и возглавить Конгресс коммунистов Турции». Данная задача предполагала, что ему удастся оказать помощь турецким коммунистам в развитии коммунистического движения в этой стране. Однако данная поездка не увенчалась успехом, поскольку турецкие власти не только запретили созывать коммунистический съезд, но и полностью изолировали Ж. Садуля от всех внешних контактов [7, с. 185]. Следовательно, мы можем заключить, что с поставленной задачей по активизации революционного движения в Чехословакии и Турции Ж. Садуль не справился.

Однако стоит отметить, что неудача была связана скорее со слабым положением компартий, нежели с недостаточными усилиями агента.

Шестым направлением деятельности большевистских агентов являлось *установление связи Коминтерна с итальянскими и швейцарскими коммунистами*. Так, известно, что Ж. Садуля в 1922 году осуществил поездки в Тичино⁵, где собирал сведения о коммунистическом движении во Франции и Италии, после чего отчитался перед Москвой [7, с. 214]. Эти сведения были необходимы лидерам большевиков при подготовке к Генуэзской конференции [29, с. 156–157]. Его коллега А. Гильбо в 1923 году в Базеле вел переговоры с главами швейцарских коммунистов по вопросу об организации в этом городе центра революционной агитации. Предполагалось, что в случае одновременного революционного движения в двух странах этот центр будет гарантировать связь между немецкими и французскими коммунистами [25, с. 527]. Следовательно, данные переговоры были необходимы для получения согласия швейцарских коммунистов поспособствовать расширению революционного движения в случае революций в Германии и Франции.

Итак, ранее хорошо зарекомендовавшие себя в агитационной работе в Советской России французские агитаторы были направлены в Германию, где, исходя из сведений, собранных французской разведкой, с 1921 по 1925 годы привлекались лидерами Коминтерна к деятельности по развитию коммунистического движения в Европе. Материалы судебных дел Ж. Садуля, Р. Пети и А. Гильбо позволили нам выделить несколько направлений деятельности этих большевистских агентов в странах Европы.

Так, например, первостепенная задача, поставленная перед данными агентами в 1921–1922 годах, представляла собой агитационную работу через создание службы пропаганды, под чьим контролем находился выпуск и распространение советской прессы за рубежом.

Однако, несмотря на усилия Ж. Садуля и Р. Пети, данный способ пропаганды имел незначительный эффект. Это было отмечено в том числе и их коллегой А. Гильбо, который спустя год после создания службы пропаганды провел ее ревизию. Тем не менее эта деятельность продолжала вестись Р. Пети до 1926 года.

А. Гильбо занимался восстановлением культурных связей между странами Западной Европы и Советской Россией. Он поддерживал контакты с публицистами и организовывал литературные встречи, посвященные современным произведениям и анализу разных социалистических и коммунистических трудов. Однако на примере неудачной попытки организации А. Гильбо объединения иностранных журналистов в Берлине можно заключить, что решение поставить именно перед ним эту задачу было стратегической ошибкой лидеров большевиков, которые не учли прошлое этого революционера и его репутацию в Европе. Несмотря на это, культурные контакты между Советской Россией и, в частности, Францией продолжали крепнуть посредством взаимодействия с сотрудниками ряда коммунистических изданий, в т. ч. и за счет усилий А. Гильбо.

Говоря об активности большевистских агентов на оккупированных территориях Германии, отметим, что объективно оценить их действия трудно, поскольку руководством КПП было принято решение отказаться от революционного восстания. Однако все же подчеркнем, что силами Ж. Садуля и А. Гильбо удалось организовать ряд встреч немецких и французских коммунистов по вопросам совместных действий на оккупированных территориях. Кроме того, данными агентами проводилась пропаганда среди французских военнослужащих, чтобы вызвать брожение в войсках, а также им удавалось добывать для лидеров Коминтерна сведения об обстановке на оккупированных территориях.

Наряду с этим, эффективной, на наш взгляд, была деятельность агентов по установлению

⁵Италоязычный кантон на юге Швейцарии.

дополнительных контактов Коминтерна с коммунистами Франции, Турции, Чехословакии, Италии и Швейцарии. Агенты встречались с представителями компартий указанных стран, передавали им директивы Коминтерна и добывали ценные сведения для лидеров большевиков. Данная активность Ж. Садуля, Р. Пети и А. Гильбо делала их своего рода связующим звеном между Москвой и компартиями ряда европейских стран для осуществления руководства Коминтерном коммунистическим

движением. Данный пример сотрудничества европейских коммунистов и лидеров Коминтерна через французских агентов закрывает одну из лакун истории коммунизма. Он демонстрирует сотрудничество большевиков с представителями оппозиционных партий Франции, Германии, Италии и Швейцарии при активном посредничестве вдохновленных коммунистическими идеями французских граждан и персонифицирует этот аспект развития мирового коммунистического движения.

Список литературы

1. *Фирсов Ф.И.* Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М.: АИРО-XXI, 2019. 672 с.
2. *Ватлин А.Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М.: Полит. энцикл., 2019. 173 с.
3. *Суздальцев И.А.* Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. 206 с.
4. *Pascal P.* En communisme. Mon journal de Russie. 1918–1921. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1977. 226 p.
5. *Балабанова А.И.* Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М.: Центрполиграф, 2007. 335 с.
6. Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 270. Д. 2139. Л. 3.
7. Service historique de la Défense / Terre (SHD/T). 7 NN 2013.
8. *Ville P.* Les groupes communistes français dans la Russie révolutionnaire et la naissance de l'idéologie communiste en France (1916–1921). Thèse de doctorat. Université de Paris X-Nanterre. Vol. III. 850 p.
9. *Perraud A.* Jacques Sadoul, un bolchévique caméléon et carriériste // Des vies en révolution. Ces destins saisis par octobre-17. Don Quichotte, 2017. P. 113–132.
10. *Raymond J., Racine N.* Sadoul Jacques, Numa // Le Maitron. URL: https://maitron.fr/spip.php?article130_197 (дата обращения: 23.09.2021).
11. *Галкина Ю.М., Беспалова К.А.* «Дело Садуля»: новый источник о революции 1917 года // Фр. ежегодник. 2017. Т. 2017. С. 354–369.
12. *Беспалова К.А.* Игра на два фронта: миссия капитана Садуля в России (1917–1924 гг.) // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2020. Т. 11, вып. 4(90). DOI: [10.18254/S207987840009141-4](https://doi.org/10.18254/S207987840009141-4)
13. *Ville P.* Petit Robert, Gaston, Gustave // Le Maitron. URL: <https://maitron.fr/spip.php?article125903> (дата обращения: 05.05.2021).
14. *Racine N., Davranche G.* Guilbeaux Henri, Louis, Émile // Le Maitron. URL: <https://maitron.fr/spip.php?article154931> (дата обращения: 01.10.2021).
15. *Racine N.* Guilbeaux Henri, Louis, Émile. Pseudonymes: James Burkley, Cartigny, Cobrat, Dalou, André Sastor, Wolf // Le Maitron. URL: <https://maitron.fr/spip.php?article114483/> (дата обращения: 07.09.2021).
16. *Слуцкая Л.В.* Анри Гильбо и Владимир Маяковский: «большевик искусства» глазами французского левого поэта // Новейшая история России. 2014. № 2(10). С. 106–116.
17. *Слуцкая Л.В.* «Из Кремля в Шерш-миди»: неизвестные мемуары французского левого интеллектуала // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 790–797.

18. Слуцкая Л.В. Французский интеллектуал о новых тенденциях в искусстве начала XX века // Россия и Франция. XVIII–XX века / Ин-т всеобщей истории РАН / отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. Вып. 11. М.: Весь Мир, 2014. С. 226–234.
19. Краева Т.В. Французские левые интеллектуалы и Советский Союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2013. Вып. 2(22). С. 97–106.
20. Зак Л.М. Деятельность французской коммунистической группы РКП(б) в 1918–1919 годах // Вопр. истории. 1960. № 2. С. 152–166.
21. Зак Л.М. Славные традиции солидарности: борьба французского народа против интервенции в Советскую Россию в 1918–1920 гг. М.: Госполитиздат, 1962. 128 с.
22. Цвилюк С.А., Гуляк А.И. Деятельность французских коммунистов на Украине в 1919 г. // Укр. ист. журн. 1970. № 12. С. 106–110.
23. Слуцкая Л.В. Неизвестные страницы французского присутствия в России (1916–1921 гг.) // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Ф.А. Гайда, И.В. Дубровский, М.А. Колеров, Б. Меннинг, А.Ю. Полунов, П. Чейсти. Т. XXVIII. Гражданская война и интервенция в России. М.: Модест Колеров, 2020. С. 213–239.
24. Coeuré S. La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique 1917–1939. Paris: Editions du Seuil, 1999. 358 p.
25. SHD/T. 7 NN 2191.
26. Беспалова К.А. Французская коммунистическая группа в Москве: создание и деятельность (1918–1920) // Науч. диалог. 2020. № 8. С. 320–333. DOI: [10.24224/2227-1295-2020-8-320-333](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-320-333)
27. Archives Nationales (AN). AJ.9.5609. A. Berne, 29 avril 1923.
28. Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
29. Sadoul Y. Tels qu'en mon souvenir. Paris: Bernard Grasset, 1978. 256 p.

References

1. Firsov F.I. *Komintern: pogonya za prizrakom. Pereosmyslenie* [The Comintern: Chasing a Ghost. Reexamination]. Moscow, 2019. 672 p.
2. Vatlin A.Yu. *Vtoroy kongress Kominterna: tochka otscheta istorii mirovogo kommunizma* [Second Congress of the Comintern: A Starting Point in the History of World Communism]. Moscow, 2019. 173 p.
3. Suzdal'tsev I.A. *Bol'sheviki i politika Kominterna v 1919–1924 gg.* [The Bolsheviks and the Politics of the Comintern in 1919–1924: Diss.]. Mytishchi, 2019. 206 p.
4. Pascal P. *En communisme. Mon journal de Russie. 1918–1921*. Lausanne, 1977. 226 p.
5. Balabanova A.I. *Moya zhizn' – bor'ba. Memuary russkoy sotsialistki. 1897–1938* [My Life Is a Struggle. Memoirs of a Russian Socialist. 1897–1938]. Moscow, 2007. 335 p.
6. *Russian State Archives of Socio-Political History*. Coll. 495. Inv. 270. Fol. 2139. F. 3 (in Russ.).
7. *Service historique de la Défence/Terre (SHD/T)*. 7 NN 2013.
8. Ville P. *Les groupes communistes français dans la Russie révolutionnaire et la naissance de l'idéologie communiste en France (1916–1921)*. Thèse de doctorat. Université de Paris X-Nanterre. Vol. III. 850 p.
9. Perraud A. Jacques Sadoul, un bolchévique caméléon et carriériste. *Des vies en révolution. Ces destins saisis par octobre-17*. Don Quichotte, 2017, pp. 113–132.
10. Raymond J., Racine N. Sadoul Jacques, Numa. *Le Maitron*. Available at: <https://maitron.fr/spip.php?article130197> (accessed: 23 September 2021).
11. Galkina Yu.M., Беспалова К.А. “Delo Sadulya”: novyy istochnik o revolyutsii 1917 goda [Dossier of Jacques Sadoul: New Documents on the Revolution of 1917]. *Frantsuzskiy ezhegodnik*, 2017, vol. 2017, pp. 354–369.
12. Беспалова К. A Game on Two Fronts: The Mission of Captain Sadoul in Russia (1917–1924). *Istoriya*, 2020, vol. 11, no. 4 (in Russ.). DOI: [10.18254/S207987840009141-4](https://doi.org/10.18254/S207987840009141-4)

13. Ville P. Petit Pobert, Gaston, Gustave. *Le Maitron*. Available at: <https://maitron.fr/spip.php?article125903> (accessed: 5 May 2021).
14. Racine N., Davranche G. Guilbeaux Henri, Louis, Émile. *Le Maitron*. Available at: <https://maitron.fr/spip.php?article154931> (accessed: 1 October 2021).
15. Racine N. Guilbeaux Henri, Louis, Émile. Pseudonymes: James Burkley, Cartigny, Cobrat, Dalou, André Sastor, Wolf. *Le Maitron*. Available at: <https://maitron.fr/spip.php?article114483> (accessed: 7 September 2021).
16. Slutskaia L.V. Anri Gil'bo i Vladimir Mayakovskiy: "bol'shevik iskusstva" glazami frantsuzskogo levogo poeta [Henri Guilbeaux and Vladimir Mayakovsky: "Bolshevik of Art" as Seen by the French Left-Wing Poet]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2014, no. 2, pp. 106–116.
17. Slutskaia L.V. "Iz Kremlya v Shersh-midi": neizvestnye memuary frantsuzskogo levogo intellektuala ["From the Kremlin to the Cherche-Midi": Unknown Memoirs of a French Left Intellectual]. Gal'tsova E.D. (ed.). *Postizhenie Zapada. Inostrannaya kul'tura v sovetskoy literature, iskusstve i teorii. 1917–1941 gg. Issledovaniya i arkhivnye materialy* [Comprehending the West. Foreign Culture in Soviet Literature, Art and Theory. 1917–1941. Research and Archival Materials]. Moscow, 2015, pp. 790–797.
18. Slutskaia L.V. Frantsuzskiy intellektual o novykh tendentsiyakh v iskusstve nachala XX veka [A French Intellectual on New Trends in Early 20th-Century Art]. Cherkasov P.P. (ed.). *Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka* [Russia and France. 18th–20th Centuries]. Iss. 11. Moscow, 2014, pp. 226–234.
19. Kraeva T.V. Frantsuzskie levye intellektualy i Sovetskii Soyuz: mekhanizmy vzaimodeystviya i literaturnye kontakty v 1920-kh – seredine 1930-kh gg. [French Left Intellectuals and the Soviet Union: Mechanisms of Interaction and Literary Contacts in the 1920s and Mid-1930s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2013, no. 2, pp. 97–106.
20. Zak L.M. Deyatel'nost' frantsuzskoy kommunisticheskoy gruppy RKP(b) v 1918–1919 godakh [Activities of the French Communist Group of the Russian Communist Party (Bolsheviks) in 1918–1919]. *Voprosy istorii*, 1960, no. 2, pp. 152–166.
21. Zak L.M. *Slavnye traditsii solidarnosti: bor'ba frantsuzskogo naroda protiv interventsii v Sovetskuyu Rossiyu v 1918–1920 gg.* [The Glorious Traditions of Solidarity: French People's Struggle Against the Intervention in Soviet Russia in 1918–1920]. Moscow, 1962. 128 p.
22. Tsvilyuk S.A., Gulyak A.I. Deyatel'nost' frantsuzskikh kommunistov na Ukraine v 1919 g. [Activities of the French Communists in Ukraine in 1919]. *Ukrainskiy istoricheskiy zhurnal*, 1970, no. 12, pp. 106–110.
23. Slutskaia L.V. Neizvestnye stranitsy frantsuzskogo prisutstviya v Rossii (1916–1921 gg.) [Unknown Pages of the French Presence in Russia (1916–1921)]. Ayrapetov O.R., Gayda F.A., Dubrovskiy I.V., et al. (eds.). *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. T. XXVIII. Grazhdanskaya voyna i interventsiya v Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia. Vol. 28. Civil War and Intervention in Russia]. Moscow, 2020, pp. 213–239.
24. Coeuré S. *La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique, 1917–1939*. Paris, 1999. 358 p.
25. *SHD/T*. 7 NN 2191.
26. Bespalova K.A. Frantsuzskaya kommunisticheskaya gruppa v Moskve: sozdanie i deyatelnost' (1918–1920) [French Communist Group in Moscow: Formation and Activities (1918–1920)]. *Nauchnyy dialog*, 2020, no. 8, pp. 320–333. DOI: [10.24224/2227-1295-2020-8-320-333](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-320-333)
27. *Archives Nationales (AN)*. AJ.9.5609. A. Berne, 29 avril 1923.
28. Vinkler G.A. *Veymar 1918–1933: istoriya pervoy nemetskoy demokratii* [Weimar 1918–1933: The History of the First German Democracy]. Moscow, 2013. 878 p.
29. Sadoul Y. *Tels qu'en mon souvenir: Renan, Jaurès, Lénine et tant d'autres*. Paris, 1978. 256 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V151

Kseniya A. BespalovaUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
ul. Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8391-8017> e-mail: ksenia.bespalova@urfu.ru**AREAS OF ACTIVITY OF THE AGENTS OF THE COMINTERN IN EUROPE
IN 1921–1925 (Based on the Materials from French Archives)**

This article dwells on the topic little studied in Russian and foreign historiography, namely, the intelligence work of foreigners in European countries in favour of the Communist International. The research involved documents from the Historical Service of the French Ministry of Defence and the French National Archives, in particular, the court cases of three French activists (J. Sadoul, A. Guilbeaux and R. Petit). The materials of the court cases were formed on the basis of the information gathered by the French intelligence about the activities of these people in European countries. The author of the paper, having analysed the above court cases, determined the chronological framework of this activity (1921–1925) and identified six areas of the Bolshevik agents' work aimed to promote the communist movement in European countries. These areas included campaigning through organization and distribution of the Soviet press abroad; restoration of the cultural ties between the countries of Western Europe and Soviet Russia; propaganda measures in the occupied territories of Germany; establishment of additional contacts with representatives of the French Communist Party; attempts to revitalize the communist movement in Czechoslovakia and Turkey; and establishment of a link between the Comintern and the Italian and Swiss communists. The author comes to the conclusion that the agents' activities in these areas had positive results. This example of cooperation between the European communists and leaders of the Comintern through French agents is a new page in the history of communism. It demonstrates the collaboration between the Bolsheviks and representatives of the opposition parties in France, Germany, Italy and Switzerland, actively mediated by French citizens, and personifies this aspect of the development of the world communist movement.

Keywords: Comintern, Henri Guilbeaux, Jacques Sadoul, Robert Petit, intelligence activities, revolution propaganda, occupation of the Rhineland, occupation of the Ruhr.

Поступила 22.09.2021

Принята 14.01.2022

Received 22 September 2021

Accepted 14 January 2022

For citation: Bespalova K.A. Areas of Activity of the Agents of the Comintern in Europe in 1921–1925 (Based on the Materials from French Archives). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 16–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V151

УДК 94(44)087"2006/2019"+314.74+331.538

DOI: 10.37482/2687-1505-V152

ЖОЛУДЕВА Наталья Романовна, аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Автор 7 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9456-0951>

ВАСЮТИН Сергей Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Автор 237 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий (в т. ч. коллективных)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8707-0586>

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН ВО ФРАНЦИИ (на примере Парижа). Часть 2¹

Во второй части статьи авторы фокусируются на состоянии проблемы трудоустройства мигрантов-мусульман во Франции в последние 15 лет. Отмечено, что современная Франция нуждается в трудовой миграции, особенно в квалифицированных специалистах технической направленности. Однако при трудоустройстве мусульмане-мигранты сталкиваются с дискриминацией, языковыми и культурными барьерами, необходимостью подтверждения подлинности документов об образовании и квалификации, а также с другими проблемами. Занятость этой категории людей часто зависит от помощи родственников и знакомых. Особое внимание в статье уделено анализу сфер занятости и видов трудовой деятельности мигрантов-мусульман на основе статистических данных по Парижу. По результатам исследования определены уровень занятости мигрантов-мусульман (чуть выше 50 %), сферы их деятельности, а также наиболее распространенные профессиональные группы (рабочие и сотрудники). Статистический анализ установил, что доля мусульман-мигрантов в престижных профессиональных группах заметно ниже доли других мигрантов и французов. Исследования и эксперименты, проводившиеся в 2006, 2009, 2015 и 2017 годах, показали, что мусульмане-мигранты испытывают сложности и ограничения при трудоустройстве. Дискриминация чаще всего связана с приверженностью исламу, национальностью, плохим знанием французского языка, проживанием в неблагополучных районах, где преобладают мигранты из мусульманских стран, другими причинами. В результате исследования авторы пришли к выводу о наличии дискриминации при трудоустройстве

*Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6; e-mail: natascha.1994@mail.ru

**Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6; e-mail: vasutin2012@list.ru

¹Статья подготовлена в рамках гранта Erasmus+Jean Monnet Chair «Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations» / «Россия и ЕС: вопросы партнерства и конкуренции в международных отношениях» (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). Поддержка Европейской комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения ее содержания. Публикация отражает только точку зрения авторов, Европейская комиссия не несет ответственность за любое использование содержащейся в ней информации.

Для цитирования: Жолудева Н.Р., Васютин С.А. Проблемы занятости мигрантов-мусульман во Франции (на примере Парижа). Ч. 2 // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 27–35. DOI: 10.37482/2687-1505-V152

мигрантов мусульманского происхождения во Франции (хотя бóльшая часть французов осуждает любое проявление дискриминации), в основном заключающейся в ограничении их доступа к руководящим должностям, интеллектуальным профессиям и образованию.

Ключевые слова: иммиграция во Францию, мусульмане, Париж, трудоустройство мигрантов, структура занятости мигрантов, дискриминация мигрантов.

Исследования возможности трудоустройства мигрантов-мусульман. Трудоустройство мусульманских мигрантов и их потомков во Франции осложнено разными обстоятельствами. Это подтвердили специальные исследования, проводившиеся в последние 15 лет.

В 2006 году прошел эксперимент на территории Иль-де-Франс, цель которого состояла в определении степени влияния места жительства, национальности, происхождения, имени и фамилии на трудоустройство на должность бухгалтера [1, с. 6–9]. Данный эксперимент состоял в отправке фиктивных резюме, которые отличались друг от друга только именем и фамилией кандидата при остальных одинаковых характеристиках. Было создано три пары кандидатов одного пола и возраста, с одинаковыми опытом и квалификацией. В первой паре оба кандидата были марокканцами, с марокканскими именами и фамилиями, но один из них являлся французским гражданином. Во второй паре оба кандидата были гражданами Франции, оба имели марокканские фамилии, один – марокканское имя, другой – французское. В третьей паре оба кандидата были французами по национальности и имели французские имена, только один кандидат имел марокканскую фамилию, другой – французскую.

В эксперименте учитывался только отклик рекрутеров на резюме и приглашение кандидатов на собеседования, сами собеседования кандидаты не проходили. Отсутствие ответа или прямой отказ рекрутера оценивались как отрицательный результат. В ходе эксперимента было послано 1097 резюме на 140 вакансий с октября по ноябрь 2006 года.

Результаты оказались ожидаемыми: возможность найти работу намного выше у кан-

дидатов французской национальности, с французскими именем и фамилией. Кандидатам марокканского происхождения или имеющим марокканские имя и фамилию, чтобы получить такое же количество приглашений на собеседование, как у французских кандидатов, необходимо было направить в среднем в 10 раз больше резюме [1, с. 22].

Целью другого исследования, проводившегося в 2009 году, было определение «мусульманского эффекта», или оценка степени влияния мусульманской религии на возможность трудоустройства [2]. Для эксперимента были созданы три женских резюме, два из которых принадлежали женщинам с сенегальской фамилией Диуф, но одно с именем Мари (известное христианское имя), другое – с именем Хадиджа (известное мусульманское имя). Третье резюме содержало полностью французские имя и фамилию – Орели Менар. Религиозными маркерами выступала информация в резюме об участии в волонтерской деятельности. Хадиджа Диуф участвовала в Secours Islamique и Scouts Musulmans de France, Мари Диуф – в Secours Catholique и Scoutset Guides de France, резюме Орели Менар не имело религиозных маркеров. Остальные характеристики были идентичны: французское гражданство, возраст 24 года, аналогичные образование и опыт.

Результат был следующим: Мари Диуф и Орели Менар получили примерно одинаковое количество положительных ответов от работодателей – на 21 % отправленных резюме, а Хадиджа Диуф – 8 % положительных ответов [2]. Это исследование наглядно демонстрирует наличие дискриминации по религиозному признаку. Так,

вероятность получить приглашение на собеседование у кандидата-мусульманина в 2,5 раза ниже, чем у кандидата-христианина, при остальных идентичных характеристиках.

Подобные исследования проводились и позже, в т. ч. в 2015 и 2017 годах, однако результат оставался таким же. В 2015 году кандидат-мусульманин получил отклик в 10,4 % случаев, а кандидат-христианин – в 20,8 %, в 2017 году – в 11,7 и 18,4 % соответственно. Разрыв немного сократился, но общая тенденция осталась прежней. Мари-Энн Вальфор подчеркивает, что уровень отклика на резюме женщин-христианок на 40 % выше, чем женщин-мусульманок, у мужчин-христиан количество откликов на резюме в 4 раза выше, чем у мужчин-мусульман [3].

Дискриминация основывается на культурном различии и непонимании, которое присутствует с обеих сторон, а также на стереотипах. Работодатели воспринимают мусульман как культурную угрозу – угрозу традиционным европейским принципам: секуляризму и гендерному равенству [4; 5, с. 55–56, 63–65; 6, с. 15–25].

Статистическое исследование структуры занятости мигрантов-мусульман в Париже. Чтобы определить доли занятости иммигрантов, граждан Франции и выходцев из мусульманских стран, их приоритетные сферы деятельности и преобладающие профессии, нами было проведено собственное исследование. Материалом послужили статистические данные Национального института статистики и экономических исследований Франции (Institut national de la statistique et des études économiques, INSEE).

Были изучены данные по Парижу – представленность мигрантов и коренных французов в различных сферах деятельности и профессиональных группах. Для статистического исследования категория мусульман-мигрантов была выделена по территориальному принципу – по округам Парижа, считающимся мусульманскими (10-й, 11-й, 19-й, 20-й округа), где доля исповедующего ислам населения может превышать 70 %.

Согласно определению Высшего совета по интеграции, иммигрантом считается иностранное лицо, родившееся за рубежом и проживающее во Франции². Иностранцем считается лицо, не имеющее французского гражданства.

В статистических данных INSEE выделяются следующие профессиональные группы:

1. Фермеры – лица, которые профессионально занимаются сельским хозяйством. В эту категорию входят только самостоятельные независимые фермеры, не получающие заработную плату.

2. Мелкие предприниматели – владельцы малого бизнеса с количеством работников до 9 чел. в различных сферах: строительство, техническое обслуживание, ремонт, транспорт, косметические процедуры, образование, здравоохранение, торговля, общественное питание, административные услуги и др.

3. Представители интеллектуальных профессий и руководители – преподаватели и научные сотрудники, деятели культуры и искусства, работники СМИ, руководители компаний, инженеры и технические директоры, государственные служащие.

4. Представители промежуточных профессий (между руководителем и рабочим) – учителя школ, медсестры, социальные работники и т. д.

5. Сотрудники – представители неопределенных профессий: секретари, клерки, продавцы, работники больниц и др.

6. Рабочие – сельскохозяйственные или промышленные рабочие, повара, водители, разнорабочие и т. д.

7. Пенсионеры – лица в возрасте от 53 лет и выше, которые не имеют работы, но не считаются безработными, ранее работавшие.

8. Безработные и неактивное население.

По видам деятельности в категорию «безработные и неактивное население», согласно данным INSEE, входят: безработные – люди, не имеющие работу, но ищущие ее; студенты – студенты, получающие высшее образование,

²Immigré. Définition // INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1328> (дата обращения: 25.05.2021).

и стажеры, чей труд не оплачивается; домохозяйки и домохозяйка; другие незанятые.

Результаты анализа статистических данных показали (табл. 1), что среди мужчин-мигрантов преобладают представители интеллектуальных профессий (20,32 %), пенсионеры (17,21 %), а также безработные и неактивное население (16,6 %). Среди женщин-мигранток наиболее многочисленными группами являются сотрудники (26,06 %) и безработное и неактивное население (25,7 %), а также представители интеллектуальных профессий (эта группа по численности «отстает» примерно на 10 %).

Что касается мигрантов-мусульман, у женщин наиболее многочисленными являются группы сотрудников (27,72 %), а также безработных и неактивного населения (25,09 %), у мужчин – группы рабочих и пенсионеров

(19,23 и 19,12 % соответственно), а также представителей интеллектуальных профессий (15,86 %).

Среди французов преобладают безработные и неактивное население, а также представители интеллектуальных профессий: у мужчин – 31,07 и 29,53 % соответственно, у женщин – 30,79 и 23,34 % соответственно.

Самыми малочисленными профессиональными группами у всех категорий жителей Парижа остаются фермеры и мелкие предприниматели, однако среди французов неустраиваемой является еще и профессия рабочего. Низкая доля фермеров во всех категориях жителей может объясняться тем, что использовались данные только по городу.

Следует обратить внимание на то, что женщины-мигрантки, в т. ч. мусульманки, чаще принадлежат к профессиональной группе

Таблица 1

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖИТЕЛЕЙ ПАРИЖА
ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ГРУППАМ, %**

**DISTRIBUTION OF DIFFERENT CATEGORIES OF RESIDENTS OF PARIS
BY OCCUPATION GROUPS, %**

Профессиональная группа	Мигранты		Французы		Мусульманские мигранты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Фермеры	0,02	0,01	0,02	0,02	0,02	0
Мелкие предприниматели	6,35	2,18	3,88	1,68	5,92	2,02
Представители интеллектуальных профессий, руководители	20,32	16,33	29,53	23,34	15,86	12,69
Представители промежуточных профессий	11,20	12,08	11,49	14,18	11,71	12,27
Сотрудники	12,22	26,06	6,92	10,00	13,35	27,72
Рабочие	16,08	4,31	3,91	1,03	19,23	5,78
Пенсионеры	17,21	13,33	13,18	18,96	19,12	14,43
Безработные и неактивное население	16,60	25,70	31,07	30,79	14,79	25,09

Примечание. Таблица составлена Н.Р. Жолудевой на основе статистических данных INSEE³.

³IMG3A – Population par sexe, situation quant à l'immigration et catégorie socioprofessionnelle en 2016 // INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4177170?sommaire=4177618&geo=ARR-231> (дата обращения: 07.05.2020).

сотрудников и входят в число безработного и неактивного населения. В то же время мужчины-мигранты и мигранты-мусульмане практически не выделяются на фоне мужчин и женщин французского происхождения.

Анализ видов деятельности жителей Парижа установил (табл. 2), что преобладающей группой во всех категориях являются занятые.

соответственно), в то время как у мужчин этот показатель варьирует от 0,50 до 0,58 %, у французов он составляет 0,18 % (у мужчин) и 3,17 % (у женщин).

Таким образом, наиболее распространенными группами по виду деятельности как среди женщин, так и среди мужчин из числа мусульманских мигрантов можно назвать следующие: занятые, безработные и пенсионеры;

Таблица 2

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖИТЕЛЕЙ ПАРИЖА
ПО ВИДАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, %**

**DISTRIBUTION OF DIFFERENT CATEGORIES OF RESIDENTS OF PARIS
BY TYPES OF ACTIVITY, %**

Вид деятельности	Мигранты		Французы		Мусульманские мигранты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Занятые	58,52	52,81	61,65	54,00	56,28	50,51
Безработные	11,03	11,70	7,24	6,18	12,58	13,48
Пенсионеры	17,73	13,69	16,13	22,54	19,59	14,78
Студенты	5,81	7,19	11,40	11,44	3,96	4,92
Домохозяйки и домохозяйева	0,58	8,86	0,18	3,17	0,50	9,49
Другие незанятые	6,33	5,75	3,40	2,67	7,09	6,82

Примечание. Таблица составлена Н.Р. Жолудевой на основе статистических данных INSEE⁴.

Безработные среди мигрантов и мигрантов-мусульман находятся на втором месте после занятых и составляют от 11,03 до 13,48 %, в то время как среди французов этот показатель равен 6,18–7,24 %. Студентов среди французов больше (11,4 %), чем среди мигрантов (5,81–7,19 %) и мигрантов-мусульман (3,96–4,92 %). Пенсионеры составляют значительную часть среди всех категорий – от 13,69 до 22,54 %.

Домашним хозяйством занимаются в большей степени женщины-мигранты и женщины-мигранты мусульманского происхождения (8,86 и 9,49 %

наименее представлены студенты, домохозяйева/домохозяйки, другие незанятые. У женщин-мигрантов мусульманского происхождения наиболее представлены профессиональные группы сотрудников, безработных и пенсионеров, наименее – фермеров, мелких предпринимателей и рабочих. Что касается мужчин из числа мусульманских мигрантов, наиболее распространены профессиональные группы рабочих, пенсионеров и представителей интеллектуальных профессий, наименее – фермеров, мелких предпринимателей и представителей промежуточных профессий.

⁴IMG2A V2 – Population de 15 ans ou plus par sexe, âge, situation quant à l'immigration et type d'activité en 2016 // INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4177166?sommaire=4177618&geo=DEP-88> (дата обращения: 07.05.2020).

Анализ современной обстановки с трудоустройством мигрантов-мусульман во Франции. Мигранты-мусульмане из стран Северной Африки и Ближнего Востока занимают довольно значимую долю населения Франции. По разным оценкам, легальные мигранты и получившие французское гражданство выходцы из разных исламских стран составляют от 8 до 10 % населения [7, с. 98]. Также значительна доля нелегальных мигрантов и беженцев. В связи с этим важными задачами для французского общества являются адаптация и трудоустройство мусульманского населения Пятой республики.

Результаты исследований французских и отечественных специалистов показывают, что мусульмане-мигранты, приехавшие во Францию в последние два десятилетия, довольно трудно адаптируются к образу жизни французов (необходимость знания французского языка, принятия социальных и правовых норм, интеграции культурных традиций и т. д.) и испытывают большие сложности при трудоустройстве. Выше было продемонстрировано, что в одной из самых демократичных стран Европейского сообщества присутствует дискриминация при приеме на работу по причине плохого знания государственного языка, религиозным убеждениям, из-за неевропейских имен и фамилий, отсутствия французского образования или переквалификации, этнонациональной принадлежности, неприемлемой социокультурной среды (проживание в неблагополучных районах) [8, с. 4, 6; 9, с. 164–167; 10, с. 105–107].

На примере Парижа заметны определенная маргинализация мусульманских кварталов, стремление городских и муниципальных властей не допустить их превращения в гетто. Эти процессы во многом определяются тем, что среди мусульман-мигрантов высока доля безработных (особенно среди молодежи), довольствующихся пособиями, пенсиями и помощью родственников [11, 12]. Проведенные нами статистические исследования структуры занятости мигрантов, мигрантов-мусульман и французов с фиксацией отдельных показателей по мужчинам и женщинам дают основание

говорить, что мужчины-мусульмане имеют прочные позиции в малом предпринимательстве (5,92 %), различных сферах, которые обозначены INSEE как промежуточные профессии (начальники цехов и конструкторских бюро, заведующие отделами рекламы, продаж, директора начальных школ и др. [3, с. 196–197] – 11,71 %), в группах «сотрудники» (13,35 %) и «рабочие» (19,23 %). В таких профессиональных группах, как малые предприниматели, представители промежуточных профессий и сотрудники, доля занятых мусульман-мигрантов выше, чем у французов, и близка к показателям других мигрантов. В сфере интеллектуальных профессий и менеджмента мусульмане-мигранты (15,86 %) значительно уступают французам (29,53 %) и другим мигрантам (20,32 %). По трудоустройству на места рабочих мусульмане-мигранты занимают первое место (19,23 %), за ними идут по занятости другие мигранты (16,08 %), в то время как для французов данные профессии – это большая редкость (3,91 %).

Наибольшая занятость женщин-мусульманок связана с такими профессиональными группами, как представители промежуточных профессий (12,27 %) и сотрудники (27,72 %). Причем занятость мусульманок в качестве сотрудников превосходит занятость представительниц других мигрантов (26,06 %) и особенно француженок (10,00 %), поскольку, как уже отмечалось выше, многие профессии данной группы не требуют высокой квалификации. В таких группах, как малые предприниматели и представители промежуточных профессий, доля занятых мусульманок близка к другим мигрантам и француженкам. Существенно уступает доля трудоустроенных мусульманок (12,69 %) доли француженок (23,34 %) в профессиональной группе «представители интеллектуальных профессий и руководители».

В распределении по видам деятельности заметно, что доля трудоустроенных мужчин (56,28 %) и женщин (50,51 %) мусульманского происхождения ниже соответствующего показателя у других мигрантов (58,52 и 52,81 %) и французов (61,65 и 54,00 %). В составе незанятых

мусульман больше всего безработных (у мужчин – 12,58 %, у женщин – 13,48 %), пенсионеров (19,59 и 14,78 %) и других незанятых (7,09 и 6,82 %). Наименьшая доля мусульман – в группе студентов (3,96 % у мужчин и 4,92 % у женщин), в то время как у других мигрантов их соответственно 5,81 и 7,19 %, а у французов – по 11,4 %.

В исторической ретроспективе отчетливо видно, что экономические спады, рост безработицы, социальная и политическая напряженность из-за беспорядков и терактов способствовали дискриминации в отношении мигрантов и натурализованных граждан, исповедующих ислам. Работодатели обеспокоены безопасностью на своих предприятиях и при трудоустройстве нередко предпочитают не рисковать, делая выбор в пользу, как им кажется, более оптимального варианта – французского гражданина с христианскими или атеистическими убеждениями. При этом, конечно же, общая ситуация такова, что серьезных препятствий при трудоустройстве мусульман во Франции нет, а большая часть французского общества осуждает дискриминацию. Мусульмане-мигранты, как и граждане Франции, получают образование, реализуют себя в разных профессиях, занимаются бизнесом, делают спортивную карьеру, входят в состав интеллектуальных элит и пр.

Стоит также обратить внимание на связь сокращения количества мигрантов, въехавших во Францию в 2017–2020 годах, и постепенного

снижения доли безработных в Пятой республике в эти годы. Аналогичные явления прослеживались и в начале 2000-х годов.

Таким образом, благоприятная обстановка (сравнительно низкий поток мигрантов, экономический подъем, отсутствие терактов и социально-политических эксцессов с участием мусульманских жителей Франции) способствовала более успешному трудоустройству мигрантов и натурализованных граждан, исповедующих ислам. Подобная ситуация отмечалась в Пятой республике во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов, когда на смену политике «промышленной переориентации», сыгравшей важную роль в перестройке французской экономики и способствовавшей внедрению технологических инноваций, пришли либеральные реформы, обеспечившие денационализацию, развитие рынка, рост внутреннего валового продукта и уровня жизни населения Франции, появление новых рабочих мест, что создавало условия для трудовой иммиграции. Однако последние 25 лет существования Пятой республики осложнены разнообразными неблагоприятными факторами, которые ведут к росту социальной напряженности, конфликтности, противоречиям, утрате веры в органичное мультикультурное сообщество, что особенно заметно в столице Франции – Париже и находит выражение в определенной дискриминации французских мусульман при трудоустройстве на работу.

Список литературы

1. Duguet E., Leandri N., L'Horty Y., Petit P. Are Young French Jobseekers of Ethnic Immigrant Origin Discriminated Against? A Controlled Experiment in the Paris Area. 2009. 33 p. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00809665/document> (дата обращения: 05.05.2020).
2. Adida C.L., Laitin D.D., Valfort M.-A. Identifying Barriers to Muslim Integration in France // PNAS. 2010. Vol. 107, № 52. P. 22384–22390. DOI: [10.1073/pnas.1015550107](https://doi.org/10.1073/pnas.1015550107)
3. Zine Gh. Embauche en France: Les musulmans doivent postuler 1,6 fois plus afin d'être rappelés // Yabiladi. 2018. 9 avril. URL: <https://www.yabiladi.com/articles/details/63703/embauche-france-musulmans-doivent-postuler.html> (дата обращения: 07.05.2020).
4. Valfort M.-A. Musulmans: la réalité des discriminations au travail // La Tribune. 2015. 9 avril. URL: <https://www.latribune.fr/opinions/tribunes/musulmans-la-realite-des-discriminations-au-travail-467384.html> (дата обращения: 12.05.2020).
5. Фёдорова С.М. Франция. Трудные поиски обновления «республиканской модели» интеграции мигрантов // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. М.: Изд-во Ин-та Европы РАН, 2015. С. 54–67.

6. Любарт М.К. Миграционный кризис в Евросоюзе в 2015–2016 гг. Этнокультурный аспект. I – Франция. М., 2017. 47 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии, вып. 256).
7. Стрельцова Я.Р. Особенности современной миграционной политики Франции // ДЕМИС. Демогр. исследования. 2021. № 1. С. 97–105. DOI: [10.19181/demis.2021.1.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.11)
8. Комиссарова Ж.Н., Глушков П.А. Иммиграция и иммиграционная политика во Франции // Мировое и нац. хоз-во. 2017. № 2(41). С. 1–18.
9. Мойса Н.И. Экономическая интеграция иммигрантов через преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда. Сравнительный анализ британских и французских мусульманских общин // Экон. и соц. переменны: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 158–171. DOI: [10.15838/esc.2019.3.63.10](https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.10)
10. Шифф К., Дебрени М. Одно этническое происхождение – две судьбы: новоприбывшие vs потомки мигрантов // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 462. С. 103–109. DOI: [10.17223/15617793/462/13](https://doi.org/10.17223/15617793/462/13)
11. Деминцева Е.Б. «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли Эбдо» // Этнограф. обозрение. 2015. № 5. С. 135–148.
12. Жолудева Н.Р. Мусульмане во Франции: жизнь мусульманских кварталов Парижа // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2019. № 438. С. 132–137. DOI: [10.17223/15617793/438/17](https://doi.org/10.17223/15617793/438/17)

References

1. Duguet E., Leandri N., L'Horty Y., Petit P. *Are Young French Jobseekers of Ethnic Immigrant Origin Discriminated Against? A Controlled Experiment in the Paris Area*. 2009. 33 p. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00809665/document> (accessed: 5 May 2020).
2. Adida C.L., Laitin D.D., Valfort M.-A. Identifying Barriers to Muslim Integration in France. *PNAS*, 2010, vol. 107, no. 52, pp. 22384–22390. DOI: [10.1073/pnas.1015550107](https://doi.org/10.1073/pnas.1015550107)
3. Zine Gh. *Embauche en France: Les musulmans doivent postuler 1,6 fois plus afin d'être rappelés*. *Yabiladi*, 9 April 2018. Available at: <https://www.yabiladi.com/articles/details/63703/embauche-france-musulmans-doivent-postuler.html> (accessed: 7 May 2020).
4. Valfort M.-A. *Musulmans: la réalité des discriminations au travail*. *La Tribune*, 9 April 2015. Available at: <https://www.latribune.fr/opinions/tribunes/musulmans-la-realite-des-discriminations-au-travail-467384.html> (accessed: 12 May 2020).
5. Fedorova S.M. Frantsiya. Trudnye poiski obnovleniya “respublikanskoy modeli” integratsii migrantov [France. A Difficult Search for Renewal of the “Republican Model” of Migrant Integration]. *Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya* [Migration Problems in Europe and Ways to Solve Them]. Moscow, 2015, pp. 54–67.
6. Lyubart M.K. *Migratsionnyy krizis v Evrosoyuze v 2015–2016 gg. Etnokul'turnyy aspekt. I – Frantsiya* [Migration Crisis in the European Union in 2015–2016. Ethnocultural Aspect. I – France]. Moscow, 2017. 47 p.
7. Strel'tsova Ya.R. *Osobennosti sovremennoy migratsionnoy politiki Frantsii* [Features of Emmanuel Macron's Migration Policy]. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 2021, no. 1, pp. 97–105. DOI: [10.19181/demis.2021.1.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.11)
8. Komissarova Zh.N., Glushkov P.A. *Immigratsiya i immigratsionnaya politika vo Frantsii* [Immigration and Immigration Policy in France]. *Mirovye i natsional'noe khozyaystvo*, 2017, no. 2, pp. 1–18.
9. Moisa N.I. *Economic Integration of Immigrants Through Overcoming Inequalities in Employment and Wages. Comparative Analysis of British and French Muslim Communities*. *Econ. Soc. Chang. Facts Trends Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 158–171 (in Russ.). DOI: [10.15838/esc.2019.3.63.10](https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.10)
10. Schiff C., Debrenne M. *Oдно этническое происхождение – две судьбы: новоприбывшие vs потомки мигрантов* [Same Origins, Different Destinies: New Migrants vs Descendants of Migrants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 462, pp. 103–109. DOI: [10.17223/15617793/462/13](https://doi.org/10.17223/15617793/462/13)
11. Demintseva E.B. “Problemnye okrainy” i ikh obitateli: parizhskie predmest'ya mezhdru “buntom okrain” i “Sharli Ebdo” [“Problematic Banlieues” and Their Residents: Parisian Outskirts Between “Suburban Riots” and “Charlie Hebdo”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 5, pp. 135–148.
12. Zholudeva N.R. *Musul'mane vo Frantsii: zhizn' musul'manskikh kvartalov Parizha* [Muslims in France: The Paris Life of Muslim Quarters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 438, pp. 132–137. DOI: [10.17223/15617793/438/17](https://doi.org/10.17223/15617793/438/17)

DOI: 10.37482/2687-1505-V152

Natal'ya R. Zholudeva

Kemerovo State University;

ul. Krasnaya 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9456-0951> e-mail: natascha.1994@mail.ru

Sergey A. Vasyutin

Kemerovo State University;

ul. Krasnaya 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8707-0586> e-mail: vasutin2012@list.ru

EMPLOYMENT PROBLEMS OF MUSLIM MIGRANTS IN FRANCE (Exemplified by Paris). Part 2

In the second part of the article, the authors focus on the employment of Muslim migrants in France over the last 15 years. It is noted that modern France needs labour migrants, especially qualified technical personnel. However, when applying for a job, Muslim migrants face discrimination, language and cultural barriers, requirements to confirm their education and qualification documents, as well as other issues. Employment of these people often depends on their family and friends' help. The article focuses on the analysis of the jobs taken by Muslim migrants and sectors they are employed in using the statistics for Paris. The research allowed us to specify the Muslim migrants' employment level (slightly exceeding 50 %) and fields of work, as well as the most common occupation groups (workers and employees). The study demonstrates that the share of Muslim migrants in prestigious occupation groups is much smaller than that of other migrants and French people. Research and experiments conducted in 2006, 2009, 2015 and 2017 revealed that Muslim migrants face problems and restrictions when applying for jobs. Primarily, they are discriminated against due to their Islamic religion, nationality, poor French language skills, living in disadvantaged areas dominated by migrants from Muslim countries, and other reasons. The authors conclude that in France, migrants of Muslim origin are being discriminated against when trying to get employed (even though the majority of French people condemn any form of discrimination) and restricted in their access to senior positions, intellectual jobs and education.

Keywords: *immigration to France, Muslims, Paris, migrant employment, structure of migrant employment, discrimination of migrants.*

Поступила 21.05.2021

Принята 15.11.2021

Received 21 May 2021

Accepted 15 November 2021

For citation: Zholudeva N.R., Vasyutin S.A. Employment Problems of Muslim Migrants in France (Exemplified by Paris). Part 2. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 27–35. DOI: 10.37482/2687-1505-V152

УДК 94(47).084.9:351.74

DOI: 10.37482/2687-1505-V153

*ПОПОВА Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Автор 80 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий, одного учебного пособия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9524-3886>

«В НАШЕМ ДЕЛЕ И “МЕЛОЧИ” ВАЖНЫ» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы)

В статье рассматривается развитие методов работы советской милиции по расследованию преступлений в послевоенные годы (с 1945 до конца 1950-х годов). Показано, что высокий уровень преступности, большое число грабежей и деятельность многочисленных банд являлись серьезной проблемой послевоенной жизни и требовали разноплановых мер, прежде всего – совершенствования методов уголовного сыска. Автором отмечена тенденция преступности в этот период – вовлечение в криминальную деятельность лиц, которые ранее ею не занимались и не имели связи с преступным миром. В совокупности с наличием большого числа сотрудников, которые только поступили на работу в милицию и не имели опыта розыскной работы, это затрудняло выявление лиц, виновных в совершении преступлений, и привлечение их к ответственности, а также ставило задачу выработки новых приемов работы по изобличению преступников. Исследование построено на использовании широкого круга источников: ведомственной периодической печати, оперативных обзоров по расследованию особо тяжких преступлений, составленных руководством советской милиции, мемуаров работников органов внутренних дел. Их анализ позволил прийти к заключению, что для расследования преступлений советской милицией использовался целый ряд методов: проверка сообщений граждан, в т. ч. анонимных, вхождение в доверие к подозреваемым лицам, использование результатов агентурной работы. В статье делается вывод об усовершенствовании работниками уголовного розыска методов агентурной работы в послевоенные годы: расширился круг лиц, которые потенциально представляли интерес для вербовки, создавались квартиры-ловушки для выявления преступного элемента. Развитие методов уголовного сыска стало одним из факторов, определившим снижение уровня преступности в СССР в конце 1950-х годов.

Ключевые слова: история советской милиции, работа уголовного розыска, преступность в послевоенном СССР, агентура, общество, анонимные письма, обращения граждан.

* Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; e-mail: a.d.popova@mail.ru

Для цитирования: Попова А.Д. «В нашем деле и “мелочи” важны» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 36–47. DOI: 10.37482/2687-1505-V153

Серьезной задачей, которая легла на плечи государства и общества в годы после окончания Великой Отечественной войны, стала борьба с преступностью. Целый ряд факторов (бедность населения, наличие у него оружия, детская беспризорность) обусловил сложную криминогенную обстановку. За первый послевоенный год (1946) в СССР было зарегистрировано 1 014 274 преступлений, что на 20 % больше, чем в 1945 году. В 1947 году этот показатель был еще выше – 1 234 377; прирост в сравнении с 1945 годом составил чуть более 46 % [1, с. 139]. Наиболее серьезную проблему представляли организованные банды, которые действовали дерзко и нагло: грабили квартиры, магазины, склады, при этом жильцы или сторожа безжалостно убивались. Только за 1947 год было уничтожено 3462 банды, ликвидировано или арестовано 32 095 чел. преступного элемента [2, л. 230]. Не случайно по всей стране с ужасом пересказывали слухи о страшной банде «Черная кошка» [3].

Чтобы справиться с этим валом преступности, сотрудникам советской милиции послевоенной поры пришлось много работать, иногда буквально забывая про отдых и сон, проявлять мужество, вступая в схватку с бандитами и рискуя при этом жизнью. Работу осложняли многие факторы: огромный объем работы, нехватка сотрудников, особенно имеющих опыт. Вопрос о борьбе с уголовной преступностью в послевоенное время неоднократно привлекал внимание исследователей, и в настоящее время накоплен довольно большой объем научных публикаций об уровне преступности в этот период и причинах ее роста [4]. Однако не все аспекты борьбы с уголовной преступностью в послевоенный период оказались освещены. Одним из малоизвестных, но весьма важных вопросов является механизм работы сотрудников милиции по расследованию преступлений и выявлению лиц, виновных в их совершении.

Вопрос о методах работы советских органов по расследованию преступлений является одним из наиболее табуированных в исторической науке. И перечень исследований на эту тему

весьма скромный. В качестве исключительно-го примера можно указать статью профессора Санкт-Петербургского государственного университета М.В. Ходякова, который изучал вопрос о работе с агентами в лагере для военнопленных [5]. Тема работы сотрудников уголовного розыска с агентурой практически не исследована. Причина этого очевидна: по сей день еще солидный пласт документов, освещающих деятельность советской милиции в послевоенные годы, засекречен. Однако со многих папок уже снят гриф «совершенно секретно», и они дают возможность пролить свет на некоторые аспекты работы советских правоохранительных органов.

Автором статьи использовались архивные документы фонда Главного управления милиции МВД СССР (Государственный архив Российской Федерации, фонд Р-9415), публикации ведомственной периодической печати, а также мемуары самих сотрудников органов внутренних дел. Некоторые из этих воспоминаний изложены в популярных просветительских изданиях о работе милиции Костромы и Харькова. Особо следует выделить мемуары сотрудника Одесского уголовного розыска Давида Михайловича Курлянда, которые были предоставлены автору сотрудниками Народного музея истории органов внутренних дел Одесской области. Эти мемуары нигде не публиковались, чисто внешне представляют толстую папку с машинописными страницами, которые содержат описание большого ряда разнообразных эпизодов работы одесского уголовного розыска в послевоенные годы. Нельзя не отметить скрупулезность ветерана уголовного розыска, его внимание к мельчайшим деталям, что делают эти материалы бесценным историческим источником.

Анализируя методы выявления и пресечения преступной деятельности, которые использовали сотрудники милиции в послевоенное время, приходится констатировать, что их наработка велась в трудных условиях, буквально в процессе работы. Потери, которые понесла милиция в годы войны, проявлялись особенно рельефно. После победы в Великой Отечественной войне штат активно пополнялся

демобилизованными, часто бывшие разведчики становились сотрудниками уголовного розыска. Конечно, фронтовой опыт, привычка обращать внимание на самые небольшие детали помогали в работе, но полностью заменить специальное образование не могли. Не случайно в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» (1976) опытный разведчик, но неопытный оперативник Володя Шарапов в первые дни работы в уголовном розыске дважды попадает впросак. Вначале он предлагает просто задержать подозреваемого и устроить ему допрос, чем вызывает смех у своих товарищей. Затем его с легкостью проводит матерый уголовник Фокс. Шарапову повезло в том плане, что в отделе, в который он попал, были сотрудники, уже имеющие опыт работы в уголовном розыске, и они могли научить новичка необходимым приемам.

Иногда в жизни ситуация складывалась так, что и учить особо было некому. Тогда могли пострадать и законопослушные граждане. Порой неопытность и неподготовленность сотрудников милиции приводили к преувеличению роли силовых методов и даже к превышению должностных полномочий, нарушению законности. В 1953 году имело место проведение облав в г. Ленинграде. Однажды в результате облавы были задержаны 1000 чел., из них 800 были отпущены на следующий день. Начальник Управления милиции Ленинградской области Соколов признал: «Это произвол, который ничем не оправдан» [6, л. 38].

Основой работы в уголовном розыске является внимание к любой информации и умение ее получать. Не случайно одно из первых, чему пытается научить Жеглов Шарапова в уже упоминаемом романе, – это работа с людьми, т. е. с потенциальными свидетелями. Ведомственная печать органов внутренних дел тоже пыталась объяснить сотрудникам милиции значение внимательного отношения к каждой мелочи, приводя поучительные примеры. Так, газета «Служим народу», которая издавалась руководством органов внутренних дел Костромской области, опубликовала историю сотрудника милиции Д. Чумикова из Костромы, которому

именно внимание к мелочам помогло раскрыть серьезное преступление. В городе одновременно произошло два криминальных происшествия: серьезное – ограбление склада и убийство женщины, которую приняли за сторожа, и мелкое – кража двух гусей. Возвращаясь домой в общественном транспорте, Чумиков услышал разговор двух женщин, в котором одна поведала своей знакомой о странном поведении соседа: судя по звукам с его участка, у него появились гуси, но он их не выпускает на улицу и, видимо, прячет. Милиционер поговорил с женщинами и узнал адрес подозрительного владельца гусей. У него был проведен обыск, и кроме похищенных птиц были обнаружены вещи убитой женщины [7]. В воспоминаниях ветерана уголовного розыска Харькова А.Е. Лукашука, приведенных в книге С.Г. Курило о работе харьковской милиции, содержится пример, в котором тоже показано, как внимание к случайной информации помогло раскрыть преступление. В 1950 году к нему обратился дружинник, также случайно подслушавший разговор трех незнакомцев, которые договаривались об ограблении кассы института. Они были вооружены пистолетом и склоняли к этому делу водителя автомашины (именно это и услышал дружинник). Была устроена засада, и злоумышленников взяли с поличным [8, с. 154].

Воспоминания сотрудников милиции свидетельствуют о том, что работники уголовного розыска не ограничивались пассивным ожиданием счастливого случая, когда им повезет подслушать нужную информацию. Они старались активизировать граждан, чтобы те сами обращались в милицию. О том, как информация, получаемая от граждан, помогала в раскрытии преступлений, неоднократно в своих мемуарах вспоминает сотрудник одесского уголовного розыска Д.М. Курлянд [9]. Сам Давид Михайлович подчеркивает, что он регулярно выступал перед гражданами и призывал их делиться сведениями о совершенных или готовящихся преступлениях. И это имело успех, и не только у него одного. А.Е. Лукашук вспоминает: однажды ему передали, что какая-то девушка ищет встречи с ним. На личной встрече гражданка

сообщила, что познакомилась с женщиной, которая подбивала ее стать участницей разбойного нападения [8, с. 155].

У Д.М. Курлянда есть целый ряд примеров на эту тему. Он упоминает эпизод, как в 1953 году ему позвонила женщина и, представившись Герасимовой, поведала, что ее дальний родственник Климанов, ранее трижды судимый, недавно освобожден по амнистии и вместе со своими приятелями готовит ограбление пункта химчистки. Дать официальные показания, даже прийти на очную беседу в уголовный розыск женщина категорически отказалась. Пришлось устанавливать, кто такой Климанов, где он живет, чем занимается и с кем общается. Выяснилось, что круг общения этого гражданина под стать ему, как и способы проведения времени. Все друзья Климанова были опытными ворами, нигде не работали. На четвертый день сбора информации о Климанове и его знакомых поступила информация о краже из приемного пункта химчистки. Работники милиции не смогли предотвратить кражу, но имели направление поиска, в т. ч. и вероятное место сбыта добычи – квартира некоей Семеновой – приятельницы Климанова, проживающей недалеко от «Привоза». За квартирой было установлено наблюдение, и вскоре воры принесли вещи, украденные из химчистки, после чего были арестованы [9, л. 156].

В другой раз уголовному розыску Южной Пальмиры пришлось расследовать ограбление квартиры, в ходе которого среди прочих вещей была похищена новая каракулевая черная шуба. На вторые сутки после грабежа Курлянду по телефону неизвестный сообщил: он случайно услышал разговор трех мужчин о том, что они собираются продать каракулевую шубу в скупочном пункте на улице Ленина. Людей этих неизвестный не знал, сам представиться и явиться в отдел для дачи показаний отказался. Пришлось готовить засаду, точнее засады, т. к. на улице Ленина было сразу три скупочных пункта. Однако усилия оказались не напрасными: в один из пунктов пришли злоумышленники с шубой, они были задержаны, а шуба опознана потерпевшими [9, л. 76].

Еще в одном эпизоде, описываемом в мемуарах Д.М. Курлянда, активность граждан сыграла роль при расследовании ограбления реставрационного цеха кожаных и меховых изделий. Были похищены пара десятков кожаных пальто, шуб, костюмов. Через месяц после кражи на стол Курлянда легло анонимное письмо, в котором утверждалось, что данное преступление совершено двумя рецидивистами, были указаны их фамилии. Также неизвестный сообщил, что краденые вещи преступники сдали в камеру хранения на вокзале Одесса-Главная. Естественно, сотрудниками милиции была организована засада, подозреваемые были задержаны с чемоданом, который они получили на вокзале. В нем оказались два кожаных пальто, которые были опознаны работниками цеха. Однако задержанные отрицали свою вину, утверждая, что вещи купили у неизвестного им человека. Складывалась тупиковая ситуация – опровергнуть слова подозреваемых было нечем. И снова помог неизвестный: он позвонил Курлянду и спросил, получили ли его письмо. После утвердительного ответа он дал новую информацию – посоветовал проверить чердак над квартирой, в которой жил один из подозреваемых. При обыске чердака были найдены остальные вещи. Задержанный испугался, что к ответственности могут привлечь его родных, и признался в преступлении [9, л. 176].

Курлянд не сообщает о мотивах этого общественного помощника, возможно, Давид Михайлович их и не знал. Сам он очень неоднозначно относился к «анонимкам» как источнику оперативной информации: «Я всегда был против анонимных писем и особенно анонимных звонков по телефону, тем не менее, каждое полученное мною анонимное письмо я подвергал тщательной проверке, в результате чего либо я доказывал невиновность того лица, о котором шла речь, либо правильность приведенных в нем фактов...» [9, л. 179]. Исследователь истории милиции В.А. Иванов отмечает, что в целом у работников правоохранительных органов было такое же отношение к «анонимкам». С одной стороны, они относились к подобным

сообщениям с брезгливостью: «Ни одна оперативная структура в системе НКВД не желала самостоятельно заниматься “анонимными делами”, считая их не только не перспективными, но и унижительными, ущербными» [10, с. 29]. С другой стороны, их никогда не игнорировали, нарабатывали приемы выявления авторов и проверки данных, даже пытались создать банк почерков. Такую работу проделывали в Ленинграде, где к 1956 году составлялись поуличные альбомы почерков (обычно образцы почерка граждан собирали с помощью домоуправлений, где просили заполнить какие-нибудь заявления), а также собирались образцы всех пишущих машинок в городе [10, с. 37].

Трудно судить о мотивах людей, которые анонимно обращались в органы и предоставляли милиции нужную информацию. Возможно, имел место целый клубок мотивов. Так, нельзя исключать желание досадить своему знакомому или приятелю, свести счеты чужими руками. Кроме того, может идти речь о переплетении разных установок в ментальности общества: с одной стороны, нельзя оставаться равнодушным к чужой беде, с другой – в обществе не всегда одобрительно относились к подобным заявлениям, воспринимая это как стукачество.

В некоторых случаях поимка преступников требовала не только внимания к мелочам или к информации, которая поступала от граждан и требовала проверки, но и находчивости, иногда даже – организации костюмированных представлений. В 1949 году в Островском районе Костромской области пришлось ловить банду, которая специализировалась на ограблении магазинов, убивая при этом сторожей. Совершив преступление, члены банды исчезали без следа. Их приметы установить удалось, но поиск по ним ничего не давал. Сотрудник уголовного розыска Григорий Николаевич Басаргин предположил, что банда, пользуясь тем, что идет страда и по дорогам постоянно ездят грузовые машины, перевозящие урожай и рабочую силу, уезжает на них в другой район. Опросили водителей, и один из них подтвердил, что подвозил незнакомых

мужчин в сторону Кинешмы. Так был установлен возможный путь отхода бандитов, и на нем стали готовить ловушку: Басаргин взял автомашину, посадил в нее женщин и попросил их петь песни, чтобы была иллюзия, как будто женщины едут с работы. Через некоторое время на дороге их затормозил мужчина с мешком, внешность которого подходила под приметы. Он был задержан, дальше пришлось действовать хитро: бандиту было сказано, что все остальные члены банды задержаны, есть раненые и если он назовет адреса соучастников преступлений, то их родственники успеют передать лекарства. Так сотрудники милиции получили список всех членов банды с адресами [11, с. 111].

Еще одному костромскому милиционеру – Николаю Михайловичу Измествьеву пришлось использовать элементы маскарада при расследовании убийства девочки. Измествьев предположил, что, скорее всего, преступление совершили рабочие лесозаготовки, среди которых было много судимых. Он устроился в бригаду, ходил с ней на работу валить лес, и ему удалось установить подозреваемого. Поняв, что тот очень любит рыбалку, Измествьев предложил ему порыбачить вместе. С собой милиционер захватил бутылку водки и за ухой завел разговор о недавнем преступлении. Подозреваемый опьянел и рассказал все с подробностями и только после этого узнал, что разговаривал с сотрудником уголовного розыска [11, с. 130].

Однако одного мужества, находчивости и внимания к обращениям граждан было мало, нужно было реализовывать методы активного раскрытия преступлений и розыска подозреваемых, в т. ч. работать с агентурой, что во все времена было одним из основных методов уголовного сыска. Естественно, и в послевоенные годы работа с агентурой велась: в мемуарах сотрудников уголовного розыска, в т. ч. А.Е. Лукашука и Д.М. Курлянда, можно встретить обтекаемые фразы «нам стало известно». Однако после войны возникла необходимость развития этого обязательного вида работы уголовного розыска. Многие сотрудники, погибнув

на фронте, с собой унесли и их агентурные связи. На фронт ушли и не вернулись не только милиционеры, но и их общественные помощники [11, с. 101].

Руководство советской милиции не могло не осознавать важность агентурной работы, поэтому в послевоенные годы оно было вынуждено не только объяснять своим сотрудникам ее значение, но и обучать методам ее осуществления. В этом плане важную роль играли оперативные обзоры, где указывались общие принципы организации агентурной работы и приводились примеры их удачного использования. Одним из способов изобличения подозреваемых, который активно пропагандировался руководством милиции среди своих сотрудников, была внутрикамерная разработка задержанных. В докладной о результатах следственной работы милиции Украинской ССР за 1952 год приводятся примеры успешного использования этого метода.

Так, в Херсонской области 5 августа 1952 года в результате реализации имеющегося в ОБХСС агентурного дела «Магазинчики» было возбуждено уголовное дело, по которому арестованы спекулянты Малицкая П.Е., Крымзаева К.М. и заместитель заведующего отдела готового платья Херсонской торговой базы магазина «Главнивермаг» Кочин. Каких-либо значимых улик в отношении задержанных не было, имелись только агентурные сведения о том, что они занимаются спекуляцией и ведут праздный образ жизни. Оперативники надеялись, что подозреваемые сами дадут улики против себя, откровенничая в камере. Так оно и случилось. К ним «подселили» агентов «Алексеевко» и «Мария». Вскоре от агента «Мария» поступила информация, что Малицкая получала товары для спекуляции не только у Кочина, но и у фактурщицы Херсонской торговой базы «Главтекстильбыт» Мاستинской С.Я. Путем внутрикамерной разработки были установлены свидетели продажи Малицкой и Крымзаевой тканей, платков и других товаров.

Вызванные на допрос свидетели подтвердили факт приобретения товаров у подозреваемых.

После этого задержанные были вынуждены признать, что товары изымались из свободной продажи и продавались по спекулятивным ценам. Были арестованы и другие лица: управляющий Херсонской торговой базой «Главтекстильбыт» Тростянецкий, заведующий складом шелковых и шерстяных изделий Ноженко, заместитель управляющего базы Михеев, старший бухгалтер Плинер и др.

После ареста Тростянецкий и Плинер были взяты в активную внутрикамерную разработку через агентов «Орлов» и «Дробот». В камере Тростянецкий рассказал агенту «Дробот», что за 15 дней до ареста отправил родственникам золотые изделия, два персидских ковра и другие ценные вещи. Данная информация была использована для изъятия этих вещей как доказательств по делу.

Всего по делу были привлечены 13 чел., изъято денег – 32 802 р., облигаций госзайма – на сумму 24 530 р., описано имущества – на 50 471 р. [12, л. 26].

В справке о работе следственных органов милиции МВД Туркменской ССР за 1954 год указывается, что в данном году они давали 107 заданий оперативному аппарату тюрем на внутрикамерную разработку. И это помогло достичь нужного результата в расследовании даже убийств. Документ приводит следующий пример. 29 января 1954 года в г. Чарджоу был обнаружен труп гражданки Кац Веры Самуиловны, убитой путем удушения руками. В процессе расследования было установлено, что Кац занималась спекуляцией замками «молния», которые привозила из Ташкента, и была убита по дороге с вокзала домой. 30 января 1954 года от агента «Борщева» поступило донесение, что жительница г. Чарджоу Иванцова А. 29 января продавала на рынке по низкой цене замки «молния». Соответственно, возникло подозрение, что именно Иванцова совершила убийство спекулянтки «молниями». В тот же день Иванцова и ее сожитель Украинцев были задержаны, а при обыске были обнаружены разыскиваемые вещи с двух краж и большое количество «молний». Украинцев и Иванцова

признались в краже, но отрицали убийство, поэтому оперативники решили использовать внутрикамерную разработку, в ходе которой было установлено, что к краже «молний» причастны также граждане Суслов и Мацаулова. Их задержали, и они не только признались в краже, но и дали показания против Иванцовой и Укранцева о том, что они виновны в ряде убийств с целью ограбления [12, л. 163].

Сотрудникам уголовного розыска необходимо было осваивать новые методы работы с агентурой, в т. ч. расширять круг лиц, которые могли привлекаться для взаимодействия с органами. Обзор по розыску особо опасных уголовных преступников от 1951 года подчеркивал необходимость активизировать усилия работников милиции по поимке грабителей и убийц, а также по выявлению бандформирований. В документе особо подчеркивалась важность работы с агентурой, при этом констатировалось, что резервы этого способа работы используются недостаточно: в некоторых городах органы милиции завербовали очень мало агентов. Например, в Горьком присутствовали всего один агент и 10 осведомителей, в Минске – 5 агентов и 10 осведомителей. Почти аналогичное положение дел сложилось в Тульской, Новосибирской, Сахалинской областях и других регионах. В некоторых случаях сотрудники милиции использовали малорезультативные способы, которые только с виду напоминали активную деятельность, например направляли розыскные задания даже туда, где совсем нет шансов установить какие-то связи преступников, проводили официальные допросы родственников или знакомых преступников вместо возможной агентурной разработки. «До тех пор, пока розыск преступников не будет проводиться на агентурной основе, нельзя добиться высоких показателей в работе и тем более при розыске особо опасных преступников», – отмечалось в документе [13, л. 163].

Таким образом, предлагалось не просто активизировать работу с агентурой, но и пересмотреть принципы вербовки, при этом акцент делался на расширение потенциального круга людей для вовлечения их в оперативную работу:

«В розыске преступников может быть использован любой (подчеркнуто в деле. – А.П.) агент и осведомитель органов милиции и МВД, обладающий розыскными возможностями и в первую очередь агентура оперативных отделов, уголовного розыска и ОБХСС» [13, л. 9]. Под этим подразумевалось, что следует отказаться от традиции вербовать агентов для сотрудничества только в криминальной среде, как это было принято. Нужно пытаться привлекать к сотрудничеству людей, которые никакого отношения к криминалу не имеют, но волею судьбы оказались близки с подозреваемыми: живут в одной квартире или доме, являются наемной прислужкой или приятелями семьи подозреваемого. Данная задача становилась актуальной еще по одной причине. Исследователь С.М. Емелин отметил важную черту послевоенной преступности: значительная часть преступлений совершалась не опытными преступниками, а людьми, которые еще не участвовали в криминальной деятельности, при этом многие из них занимались общественно-полезным трудом, имели репутацию вполне пристойных граждан [14, с. 31]. Например, знаменитая банда Митина, действовавшая в Московской области в начале 1950-х годов, состояла именно из рабочих заводов. Только один из них имел ранее небольшой конфликт с законом. Именно по этой причине банду Митина долго не могли поймать: агентурная работа велась только среди уголовного мира, с которым члены банды Митина не контактировали [3, с. 239].

Несколько оперативных обзоров демонстрируют успешные примеры подобной работы с агентурой [13, л. 9]. Оперативным отделом Управления милиции Ворошиловградской области с сентября 1952 года разыскивался Дулькин, который расхитил 500 000 р. и скрылся. Оперативный отдел сосредоточил внимание на семье Дулькина, в первую очередь на сыне и жене, проживающих в с. Дербышки. Для этой цели была направлена работающая в домоуправлении осведомитель «Любимцева», которая оказалась не способной «разработать» Дулькиных, т. к. не пользовалась доверием у семьи, но она смогла изучить связи семьи

и установить, что семья разыскиваемого состоит в хороших отношениях с соседкой «К». «К» была завербована и привлечена к розыску. Работу затрудняли замкнутость и настороженность семьи. Однако «К» сообщила, что Дулькина отлучалась из квартиры на всю ночь, это дало основание предполагать, что женщина ходит на свидания к мужу. За Дулькиной было установлено наблюдение, и было зафиксировано, что она ездит на дачу в дер. Н. Моркваши. Оперативники посетили деревню, проследили, в какой дом приходила женщина, и установили за ним наблюдение. Вскоре они заметили мужчину, похожего по приметам на разыскиваемого [13, л. 14].

В документах приводятся и другие примеры. В частности, оперативным отделом УМВД Барановичской области разыскивался бандит Манаков, который в 1947 году с целью ограбления совершил несколько убийств. В процессе розыска были установлены родственные связи бандита – мать, братья. Агентурная разработка родственников длительное время не давала результатов. Мать Манакова держалась замкнуто, о своем сыне не говорила, хотя имела с ним переписку. Для активизации розыска бандита, выявления связей с целью подбора агентуры среди проживающих в дер. Доргобыль Городищенского района были посланы сотрудники уголовного розыска оперативного отдела УМВД. Прибыв в деревню, они представились работниками Госстраха и завели беседу с председателем колхоза и местным почтальоном. В этой беседе оперативники затронули животрепещущую тему для любого председателя колхоза – дисциплина труда среди колхозников. Председатель начал активно жаловаться на плохих работников, в т. ч. упомянул мать бандита Манакову. Присутствующий при этом почтальон добавил: «Зачем только Манаковой государство пенсию платит за погибшего мужа? У нее вся семья преступники, два сына в тюрьме, а третий скрывается». Сотрудники милиции ответили, что, возможно, мать получает помощь от сына и если это установить, то она может лишиться пенсии. Почтальон добавил, что мать бандита часто получает письма

и в подтверждение показал письмо в адрес Манаковой. После этого почтальоном завербовали под псевдонимом «С». Через некоторое время агент «С» представил письмо разыскиваемого, адресованное его матери. В дальнейшем местонахождение Манакова было установлено, он жил под фамилией Моноков [13, л. 16].

Еще один удачный пример вербовки граждан и работы с агентурой имел место в Одессе. Оперативным отделом Управления милиции Одесской области разыскивался Брофман, который являлся участником группы расхитителей социалистической собственности. При аресте группы Брофману удалось скрыться. В процессе разработки оперативный отдел получил донесение от осведомителя «Главацкая» о том, что с разыскиваемым и его семьей знакома жена арестованного Галанта, гражданка «Ш». Согласно разработанному плану, «Ш» была привлечена к секретному сотрудничеству по розыску Брофмана. Исходя из данных о том, что разыскиваемый проживает в Одессе, оперативному источнику «Ш» было дано задание сблизиться с его женой Любарской и установить местонахождение подозреваемого. «Ш» расположила к себе жену Брофмана, от которой узнала, что тот действительно находится в Одессе, она с ним встречается в вечернее время, но место встречи выведать не удалось. Зато источник «Ш» сообщила, что Любарская встречается с мужем и носит ему продукты питания, которые покупает их домашняя работница «Т», от которой ничего не скрывают. Используя эти данные, оперативник привлек «Т» для розыска и поручил ей сообщить, когда хозяйка будет встречаться с мужем. Через несколько дней «Т» сообщила, что Любарская предложила ей купить продукты питания для мужа. За женой Брофмана было установлено наружное наблюдение. Вечером была зафиксирована встреча Любарской с разыскиваемым. Брофман был арестован [13, л. 18].

В обзорах рекомендовалось использовать и другие способы выявления криминальных элементов с целью пресечения их деятельности, в т. ч. квартиры-ловушки. В одном из оперативных обзоров особо подчеркивалась эффективность

данного способа: «Оказавшиеся на новой местности преступники-гастролеры не ютятся где попало, как бродячий и нищенствующий элемент, а почти всегда подыскивают для себя надежное укрытие. Местами укрытий чаще всего они избирают квартиры местных уголовных преступников, женщин легкого поведения и других лиц, поддерживающих связи с преступным элементом. Ввиду этого, для пресечения преступной деятельности преступников-гастролеров из всех агентурно-оперативных мероприятий наиболее эффективным является использование “квартир-ловушек”» [13, л. 226].

Квартиры-ловушки рекомендовалось создавать в 1952 году специальным указанием № 176. Документ содержал как классификацию квартир-ловушек, так и целый ряд примеров их использования [13, л. 226].

Первым вариантом были названы квартиры-ловушки, которые создаются на базе существующих притонов путем вербовки их держателей. Например, уголовным розыском Управления милиции Кемеровской области были получены данные, что проживающий в собственном доме около Центрального рынка инвалид Ф. поддерживает связи с преступным миром, предоставляет ночлег преступникам и принимает краденое. С помощью наружного наблюдения Ф. был задержан. Гражданин сознался, что принимал краденое, это стало базой для вербовки его в качестве агента – создателя квартиры-ловушки. По его данным за короткий срок были ликвидированы 4 воровские группы, арестованы 13 преступников, раскрыты 20 краж. Аналогичный эпизод был в Харькове, где стало известно, что гражданка П. предоставляет свою квартиру для ночлега заезжим преступникам и скупает у них краденое. За квартирой было установлено наблюдение, в результате чего П. была задержана в момент скупки краденого и завербована. В результате за несколько месяцев были ликвидированы 7 групп воров, арестованы 24 вора, раскрыты 14 краж.

В качестве второго варианта разоблачения преступников документ назвал использование квартир-ловушек, создаваемых путем вселения

в притоны (ввод «втемную») в качестве квартирантов опытных агентов. Заселившись, агент входил в доверие к притоносодержателю и «разрабатывал» посещающих притон. Например, в Калининской области милиционерам стало известно, что в квартире Романовой, в прошлом судимой за кражу и освобожденной по амнистии, собираются уголовные элементы. Для их выявления в квартиру была поселена агент «Морячка», также освобожденная по амнистии. «Морячке» было дано задание чаще бывать на рынке, вокзалах, связываться с подозрительными людьми, вовлекать их под различными предлогами в квартиру Романовой и «разрабатывать». Так, «Морячка» познакомилась на рынке с Васильевым, который предложил ей купить вещи. «Морячка» от покупки отказалась и предложила продать их Романовой, тот согласился и по дороге на квартиру был задержан. Вещи оказались краденными. Всего с помощью «Морячки» за год было поймано 16 преступников.

В качестве третьего варианта квартир-ловушек были названы места жительства женщин легкого поведения. Например, в Самаркандской области была завербована, а затем использована в качестве содержательницы квартиры-ловушки «Соня», в прошлом судимая за кражи и отличающаяся легким поведением. При этом «Соня» обладала большими способностями быстро приобретать связи среди уголовных элементов и входить в доверие. В августе 1953 года она познакомилась на танцах с преступником по кличке Жорка-резанный и пригласила его к себе на квартиру. Проживая у нее, он обычно днем спал, а по ночам уходил. В одну из ночей он привел двух незнакомцев, которые потом регулярно приходили ночевать. Во время выпивки «Соне» удалось установить, что Жорка-резанный совершил в Ташкенте убийство, после чего приехал в Самарканд и организовал грабительскую шайку. Он и его друзья были взяты под наружное наблюдение и при попытке ограбления задержаны. По данным «Сони» за 8 месяцев было раскрыто 1 убийство, 5 разбоев и 10 краж.

В некоторых случаях квартиры-ловушки использовались в совместной работе с другой агентурой, т. е. держатели квартир работали в паре с другими агентами. Например, в г. Кагане Бухарской области агент «Вера» являлась держателем квартиры-ловушки. Другой агент «Яблокова» постоянно бывала на вокзале и рынках и рекомендовала квартиру «Веры».

В уже упоминаемом указании № 176 подчеркивалось, что квартиры-ловушки эффективно использовались далеко не везде, во многих местах они числились формально, не давая реальных раскрытий. Иногда держатели таких квартир подбирались очень неудачно. Порой вербовались пьяницы или не проводилась тщательная психологическая обработка и человек, дав согласие на сотрудничество (содержание квартир-ловушек), не просто не выдавал преступников, а сам продолжал криминальную деятельность [13, л. 226].

К сожалению, пока не удалось выяснить общее число людей, вовлеченных милицией в агентурную работу, – видимо, такие данные по сей день засекречены. Однако очевидно, что к концу 1950-х годов уровень преступности стал снижаться. И расширение методов агентурной работы в этом сыграло свою роль.

Итак, в послевоенные годы советская милиция и общество столкнулись с новым вызовом – высоким уровнем преступности. Объективные факторы обусловили не просто большую активность преступного элемента, но распространение тяжких насильственных преступлений. Это все потребовало от сотрудников милиции не только упорной работы и личного мужества,

но и овладения различными методами выявления лиц, причастных к совершению преступлений. Руководство советской милиции пыталось использовать различные способы для обучения сотрудников эффективным методам уголовного сыска. Определенную роль в этом процессе сыграла ведомственная печать. Именно через нее объяснялось значение умения работать с информацией, внимательного отношения ко всем сообщениям граждан. Однако этот метод просвещения не мог использоваться активно в силу необходимости соблюдать конспирацию. Хотя ведомственные газеты и издавались под грифом «только для сотрудников милиции», подобная информация не могла распространяться через печать. Поэтому инструктирование по различным методам агентурной работы осуществлялось путем подготовки специальных оперативных обзоров, в которых объяснялись возможные методы агентурной работы и приводились примеры их успешного применения. Особое значение этой работы обуславливалось новыми тенденциями в криминальной среде: в послевоенный период в преступную деятельность вовлекались лица, которые не просто не имели судимости, но и вообще никак ранее не контактировали с криминальным миром. Это потребовало обучения работе с агентурой по-новому: расширился круг лиц, из которого подбирались кандидатуры для вербовки, стали создаваться квартиры-ловушки для выявления преступного элемента. В конечном итоге все вышеперечисленное определило успех в этой нелегкой работе – способствовало улучшению криминогенной обстановки.

Список литературы

1. Богданов С.В., Орлов В.Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в Советской России: тайная история разработки Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // *Соврем. право*. 2009. № 5. С. 139–143.
2. Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709.
3. Попова А.Д. Легенды о банде «Черная кошка» как отражение феномена криминальных мифов в российском общественном сознании // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 1. С. 233–251. DOI: [10.21638/11701/spbu24.2019.114](https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.114)
4. Упоров И.В. Послевоенная преступность в СССР: общая характеристика и статистика // *Инновационное развитие*. 2017. № 3(7). С. 17–20.

5. Ходяков М.В. Агентурная работа НКВД-МВД в лагерях иностранных военнопленных Великой Отечественной войны // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2016. Вып. 2. С. 139–149. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2016.211](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2016.211)
6. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 398.
7. Чумиков Д. «В нашем деле и “мелочи” важны» // Служим народу: орган руководства и парткома Управления внутренних дел Костромского облисполкома. 1959. 17 янв.
8. Курило С.Г. Жизни своей не щадя: из истории милиции Харьковщины. Харьков: Прапор, 1987. 295 с.
9. Курлянд Д.М. Воспоминание ветерана уголовного розыска города-героя Одесса // Народный музей истории органов внутренних дел Одесской области. Д. 5342.
10. Иванов В.А. Анонимщики и власть в советской России в 1930-е – 60-е гг. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 27–44.
11. Сизов В.Д. Отчизны верные сыны. К 70-летию УМВД России по Костромской области. Кострома, 2014. 145 с.
12. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1096.
13. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 253.
14. Емелин С.М. Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юрид. наука: история и современность. 2013. № 11. С. 30–40.

References

1. Bogdanov S.V., Orlov V.N. Totalitarnaya gosudarstvennost' i ekonomicheskaya prestupnost' v Sovetskoj Rossii: tajnaya istoriya razrabotki Postanovleniya TsIK SSSR i SNK SSSR ot 7 avgusta 1932 g. [Totalitarian State and Economic Criminality in the Soviet Russia: Confidential Production History of CEC (Central Executive Committee) and CPC (Council of People's Commissars of the USSR) Resolution Dating from August, 7th, 1932]. *Sovremennoe pravo*, 2009, no. 5, pp. 139–143.
2. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Coll. R-9478. Inv. 1. Fol. 709 (in Russ.).
3. Popova A.D. Legendy o bande “Chernaya koshka” kak otrazhenie fenomena kriminal'nykh mifov v rossijskom obshchestvennom soznanii [Legends of the “Black Cat” Gang as a Reflection on the Phenomenon of Criminal Myths in Russian Public Consciousness]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 233–251. DOI: [10.21638/11701/spbu24.2019.114](https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.114)
4. Uporov I.V. Poslevoennaya prestupnost' v SSSR: obshchaya kharakteristika i statistika [The Post-War Crime in the Soviet Union: General Characteristics and Statistics]. *Innovatsionnoe razvitie*, 2017, no. 3, pp. 17–20.
5. Khodyakov M.V. Agenturnaya rabota NKVD-MVD v lageryakh inostrannykh voennoplennykh Velikoy Otechestvennoy vojny [Intelligence Work of the NKVD-MVD in the Camps for Foreign Prisoners of the Great Patriotic War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istoriya*, 2016, no. 2, pp. 139–149. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2016.211](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2016.211)
6. *SARF*. Coll. R-9415. Inv. 3. Fol. 398 (in Russ.).
7. Chumikov D. “V nashem dele i “melochi” vazhny” [“Even Small Things Can Play a Big Role”]. *Sluzhim narodu: organ rukovodstva i partkoma Upravleniya vnutrennikh del Kostromskogo oblispolkoma*, 17 January 1959.
8. Kurilo S.G. *Zhizni svoey ne shchadya: iz istorii militsii Khar'kovshchiny* [Not Sparing Oneself: From the History of the Kharkov Region Police]. Kharkov, 1987. 295 p.
9. Kurlyand D.M. Reminiscences of a Veteran of the Criminal Investigation Department in Odessa, a Hero City. *The People's Museum of the History of the Internal Affairs Bodies of the Odessa Region*. Fol. 5342 (in Russ.).
10. Ivanov V.A. Anonimshchiki i vlast' v sovetskoj Rossii v 1930-e – 60-e gg. [Poison-Pen Writers and the State Power in the Soviet Russia in 1930–1960s]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2011, no. 1, pp. 27–44.
11. Sizov V.D. *Otchizny vernye syny. K 70-letiyu UMVD Rossii po Kostromskoy oblasti* [Faithful Sons of the Fatherland. To the 70th Anniversary of the Kostroma Regional Office of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Kostroma, 2014. 145 p.
12. *SARF*. Coll. R-9415. Inv. 3. Fol. 1096 (in Russ.).

13. SARF. Coll. R-9415. Inv. 3. Fol. 253 (in Russ.).

14. Emelin S.M. Bor’ba s obshcheugolovnoy i ekonomicheskoy prestupnost’yu v SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg.: osnovnye napravleniya i pravovye mekhanizmy protivodeystviya [Combating Ordinary and Economic Crime in the USSR in the Second Half of the 1940s and Early 1950s: Key Areas and Legal Mechanisms of Counteraction]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost’*, 2013, no. 11, pp. 30–40.

DOI: 10.37482/2687-1505-V153

Anna D. Popova

Ryazan State University named for S. Yesenin;
ul. Svobody 46, Ryazan, 390000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9524-3886> e-mail: a.d.popova@mail.ru

**“EVEN SMALL THINGS CAN PLAY A BIG ROLE”
(on Soviet Criminal Investigation in the 1940s–1950s)**

This article studies the development of criminal investigation techniques employed by the Soviet police (*militia*) during the post-war years (from 1945 to the late 1950s). The author demonstrates that the high crime rate in general and the large number of robberies and gang crimes in particular threatened people’s daily life. Thus, it was essential that the Soviet police should implement diverse measures, primarily, improve their criminal investigation techniques. Further, the author underlines that during the post-war years many people who had previously never been associated with crime found themselves involved in criminal activities. The situation was aggravated by the fact that a great number of police officers had only been recently employed and therefore had no criminal investigation experience. It considerably impeded the process of crime detection and prosecution, indicating the necessity to develop new and effective methods of criminal investigation. The paper analysed a wide range of sources, such as departmental publications, operational reviews on grave crimes written by chief police officers, as well as memoirs of law enforcement officers. As a result, the author comes to the conclusion that the Soviet police employed a vast variety of criminal investigation techniques and procedures, such as investigating citizens’ reports containing criminal conduct allegations (including anonymous), working undercover, etc. The study shows that Soviet police officers managed to improve their methods of criminal investigation, increase the number of potential informers and create sites for trapping criminals. The successful efforts of the Soviet police to improve the criminal investigation techniques and procedures contributed to reducing the crime rate in the country in the late 1950s.

Keywords: *history of Soviet police, criminal investigation, crime in post-war USSR, agents, society, anonymous letters, citizens’ reports.*

Поступила 25.05.2021

Принята 28.09.2021

Received 25 May 2021

Accepted 28 September 2021

For citation: Popova A.D. “Even Small Things Can Play a Big Role” (on Soviet Criminal Investigation in the 1940s–1950s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 36–47. DOI: 10.37482/2687-1505-V153

УДК 94(47).084

DOI: 10.37482/2687-1505-V154

УПОРОВ Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор более 200 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

ПЕРЛИК Максим Игоревич, соискатель кафедры теории и истории государства и права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор 4 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3140-6893>

МАССОВЫЕ НЕПОВИНОЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО СССР

Рассматривается имеющий противоречивые оценки аспект истории советских исправительно-трудовых лагерей, связанный с массовыми неповиновениями содержащихся в них заключенных в послевоенные годы (1945–1956), в контексте проводимой тогда исправительно-трудовой политики СССР. Исследование основано на принципах историзма, объективности и системности. Выявляются основные тенденции указанной политики после окончания Великой Отечественной войны, отмечается противоречивый характер данной политики. Так, с одной стороны, принимались акты, укрепляющие законность в исправительно-трудовых лагерях, включая обеспечение прав заключенных (например, Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях 1947 года), с другой стороны, ужесточались условия содержания в исправительно-трудовых лагерях для определенных категорий заключенных (например, в 1948 году постановлением Совета Министров СССР были созданы особые лагеря). Акцент в работе делается на раскрытии основных причин, по которым в этих условиях в исправительно-трудовых лагерях имели место массовые неповиновения заключенных. В частности, указывается, что в исправительно-трудовые лагеря в послевоенное время стало больше направляться осужденных за пособничество фашистам на временно оккупированных территориях СССР, измену Родине, шпионаж, диверсии, националистический бандитизм и др.; именно эти заключенные, по мнению авторов, в абсолютном большинстве случаев и являлись организаторами наиболее массовых нарушений режима, в т. ч. протестного характера. Проявлениям неповиновений со стороны заключенных в исправительно-трудовых лагерях способствовали также несоответствие фактических условий отбывания наказания установленным требованиям, грубость лагерной администрации, наличие убежденных идейных противников советской власти и др.; определенным катализатором было и неприменение «бериевской» амнистии (март 1953 года) к значительной части заключенных.

*Адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; e-mail: uporov@list.ru

**Адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; e-mail: maxkrd207@mail.ru

Для цитирования: Упоров И.В., Перлик М.И. Массовые неповиновения заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного СССР // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 48–60. DOI: 10.37482/2687-1505-V154

Авторы приходят к выводу, что несмотря на массовость неповиновений заключенных в отдельных исправительно-трудовых лагерях, они в целом не были характерны для исправительно-трудовой системы изучаемого периода.

Ключевые слова: пенитенциарная политика СССР, исправительно-трудовые лагеря, массовые неповиновения заключенных, послевоенное время, амнистия 1953 года, режим содержания заключенных.

Массовые неповиновения заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях СССР, имели место в течение всего времени их функционирования. Однако причины, масштабы и характер этого явления существенно различались в разные периоды советской истории, при этом неповиновения, возникавшие на почве уголовно-политических отношений, когда участниками беспорядков становилось все больше заключенных из числа «классовых врагов», наблюдались в годы сталинского правления, а наибольший размах они получили в 1953–1954 годах, после чего прекратились вместе с ликвидацией печально известного ГУЛАГа (Главного управления лагерей и колоний). Исследование этой проблематики в советском государстве длительное время было под запретом в силу известной монополии на освещение истории в СССР. После провозглашения принципа гласности во время горбачевской «перестройки» ситуация стала меняться, а ранее лишь в годы «оттепели» для советского общества эта завеса была несколько приоткрыта.

Следует заметить, что завеса неизвестности о ГУЛАГе начала спадать не в научных трудах, а в художественной литературе и воспоминаниях («Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, «Мертвая дорога» А.А. Побожия, «Повесть о пережитом» Б. Дьякова и др.; сюда можно добавить менее известные произведения А.И. Алдан-Семенова, А.В. Горбатова и др.). В этих работах не было открытой критики советской пенитенциарной политики, но она логически вытекала из описания отдельных эпизодов; вместе с тем следует иметь в виду, что в данных произведениях сильно проявлялось

субъективное восприятие авторами той лагерной действительности, в которой они оказались.

При этом, однако, освещение массовых беспорядков в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) оставалось запрещенным. С конца 1980-х годов тема ГУЛАГа стала активно развиваться, и теперь уже ученые получили возможность пользоваться многими ранее закрытыми архивами и другими источниками. Основное внимание уделялось проблеме борьбы советского режима с инакомыслием, теме репрессий и роли в этом ГУЛАГа. Появились как обобщающие работы, характеризующие деятельность ГУЛАГа, и прежде всего как репрессивного механизма (авторы А.А. Данилов, А.Н. Дугин, О.С. Кузьмина, Ю.И. Стецовский, Л.П. Рассказов, В.М. Исаков и др.), так и массив литературы по отдельным регионам и ИТЛ (авторы Р.С. Бикметов, А.Г. Козлов, В.М. Кириллов и др.). Заметим, что массовые беспорядки заключенных в исправительно-трудовых учреждениях еще не выделялись как предмет самостоятельного исследования, но фрагментарные комментарии уже появлялись.

В 1990-х годах прошла большая волна публикаций воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа, как в виде отдельных произведений, так и, большей частью, в сборниках, немало было и публицистических произведений (авторы В.Т. Шаламов, А.А. Дятлов, И.М. Фильштинский, Т.И. Филатова, Ю.Л. Фидельгольц, П.Е. Суханов, А.Н. Агапов, В.В. Куземко, А.А. Мить, А.И. Широков и др.). Такого рода источники позволяют полнее представить события лагерной жизни.

И только со второй половины 1990-х годов, т. е. уже в постсоветский период, стали появляться

фундаментальные работы ряда историков ГУЛАГа, раскрывающие, в частности, кадровые проблемы в пенитенциарной системе, статистику по содержащимся в местах лишения свободы, условия содержания заключенных в ИТЛ (авторы В.Н. Земсков, М.Ю. Моруков, Н.В. Петров, Г.М. Иванова, О.В. Хлевнюк, А.С. Смыкалин, М.Г. Детков, С.И. Кузьмин, В.В. Цаплин и др.); изучаемые вопросы, как будет показано, находились в причинной связи с массовыми неповиновениями заключенных. В ряде указанных работ тема массовых неповиновений заключенных в ИТЛ, в т. ч. в послевоенный период, уже была обозначена, но при этом целенаправленное ее освещение прежде всего происходило в публицистических произведениях, начиная с издания романа «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, написанного ранее, а с рубежа 1990 года – и в других работах (авторы А. Арсланов, Р. Климович, А. Дугин, И. Пинчуков, А. Макарова и др.). В этих источниках задавался однозначный жестко отрицательный оценочный вектор деятельности как ГУЛАГа в целом и лагерных администраций отдельных ИТЛ, так и правоохранительных органов по подавлению массовых неповиновений заключенных, и такой настрой, но, разумеется, в смягченной форме, перешел во многие научные труды.

С конца 1990-х годов появляются исследования, где анализируются массовые неповиновения заключенных в ИТЛ, в т. ч. специальные труды, причем в целом их сравнительно немного (авторы Г.М. Иванова, В.А. Козлов, Н.А. Морозов, М.И. Перлик, О.Н. Старикова, А.В. Дашин, Н.В. Упадышев, А.А. Сидоркин, И.В. Удовенко и др.). В данных работах преобладают описания событий, связанных с организацией массовых неповиновений и их подавлением. Что касается оценок действия властей, также доминируют негативно-критические суждения, и, соответственно, поведение «восставших» заключенных преподносится в позитивном ключе, чуть ли не как освободительная борьба с тоталитарным режимом. Такой подход характерен для многих исторических работ

о карательной политике советского государства, опубликованных в период информационно-архивной свободы 1990-х годов, что, в свою очередь, отражает стремление российского общества узнать больше правды о советском прошлом. Но при этом не обходится и без перегибов, в частности, встречаются чересчур эмоциональные оценки. Например, С.С. Босхолов, характеризуя карательную функцию советской власти, указывает, что «в основу уголовно-правовой доктрины была заложена человеконенавистническая, сатанинская идея тотального насилия. ...Геноцид над целыми народами» [1, с. 49]. Г.М. Иванова пишет, что «есть гораздо больше оснований характеризовать ГУЛАГ как репрессивный... институт, нежели как пенитенциарный» [2, с. 9–10], а между тем, как будет показано ниже, пенитенциарный фактор в советской уголовно-исполнительной политике был вполне выражен.

Если затронуть зарубежных авторов, то они также стали активно описывать ГУЛАГ (включая восстания заключенных) с конца 1990-х годов, имеется достаточно подробный и содержательный обзор их работ [3, с. 22]. В дополнение к этому следует упомянуть казахского ученого Т.К. Алланиязова, подробно исследовавшего Кенгирское (Степлаг) восстание заключенных [4]. Этому же восстанию посвятила довольно обширную статью итальянский историк М. Кравери [5]. Указанные авторы в основном описывают происходившие во время восстания заключенных события, опираясь на архивные данные, свидетельства участников и другие материалы. Нельзя не согласиться с М. Кравери в том, что «Кенгирское восстание несомненно являлось одной из кульминационных точек кризиса системы ГУЛАГ в переломный момент между смертью Сталина и XX съездом КПСС» [5, с. 337].

Следует также отметить, что о деятельности ГУЛАГа издан целый ряд сборников документов, в т. ч. касающихся массовых неповиновений заключенных. В числе известных источников – сборник документов под редакцией А.Н. Яковлева (2002) [6], собрания документов из серии «История сталинского ГУЛАГа»,

среди которых в контексте нашего исследования заметное место занимает том 6 «Восстания, бунты и забастовки заключенных» (ответственный редактор В.А. Козлов, составитель О.В. Лавинская [7]). Вместе с тем нужно иметь в виду, что в некоторых сборниках также не обходится без однобокости. Так, в весьма содержательном сборнике документов Национального архива Республики Коми, систематизированных М.Г. Рогачевым, документы об Усть-Усинском массовом побеге заключенных располагаются в рубрике «Несломленные» [8, с. 165–209], при том, что «восставшие» совершали вооруженные нападения на гражданские объекты, а также убийства жителей Усть-Усы, не имевших отношения к ИТЛ; и хотя эти события происходили в 1942 году, их оценка, как и оценки «восстаний» заключенных после войны, показывает сложившийся в научной литературе приоритет критических суждений по отношению к действиям властей по подавлению таких «восстаний» (есть, впрочем, и примеры иного рода – тот же В.А. Козлов приводит факты, когда «восставшие» в другом ИТЛ убивали женщин и грудных детей [9, с. 64]). Поэтому такой подход, представлявший «восставших» заключенных едва ли не как героев, мы считаем в определенной степени однобоким, в частности не учитывающим, как отмечает С.И. Кузьмин, что советская исправительно-трудовая политика «не содержала установок на притеснение и произвол по отношению к заключенным» [10, с. 27].

Указанные обстоятельства, как нам представляется, во многом обуславливают актуальность темы исследования. Мы полагаем, что тема ГУЛАГа – очень сложная и многослойная, и освещать деятельность ГУЛАГа как уголовно-исполнительного механизма государства только с отрицательной стороны – вряд ли правильно, это касается и массовых неповиновений заключенных. На наш взгляд, уже очевидно, что пора отходить от излишней политизации этой темы в научной сфере, в т. ч. и вопроса о причинах массовых неповиновений заключенных в ИТЛ. В данной работе мы хотим представить свою версию причин указанных социально-опасных

явлений в ИТЛ послевоенного времени. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, а также совокупность методов анализа и синтеза, хронологического метода и др. Источниковой базой послужили опубликованные в сборниках документы, материалы, извлеченные нами из Специального архивного фонда Главного управления МВД России по Краснодарскому краю, публицистические произведения, связанные с массовыми неповиновениями заключенных в ИТЛ, мемуарная литература.

Вопрос о восстаниях и бунтах заключенных непосредственно связан с исправительно-трудовой политикой советского государства. И в связи с этим следует отметить, что после окончания Великой Отечественной войны советская власть принимала решения, которые серьезным и противоречивым образом влияли на положение заключенных в ИТЛ. В этом контексте заметным событием стала Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях от 27 марта 1947 года (утверждена приказом МВД СССР) [11]. В отличие от предшествовавших ведомственных актов такого рода (Инструкция 1939 года) здесь прямо постулировалась задача «перевоспитания заключенных на основе общественно полезного труда», на что должен быть направлен режим содержания заключенных, и эта мысль повторяется несколько раз: в частности, в блоке норм о культурно-воспитательной работе с заключенными указывалось, что «одной из задач культурно-воспитательной работы с заключенными является перевоспитание заключенных на основе высокопроизводительного коллективного труда» [11]. Инструкция предусматривала внесение серьезных корректив в систему лагерных структурных подразделений, в частности, в ИТЛ создавались отделения общего и усиленного режима (последние предусматривались для осужденных за следующие преступления: измена Родине, шпионаж, террор, диверсия, контрреволюционный саботаж, бандитизм, вооруженный разбой, побег, а также за повторные преступления).

Как видно, допускалось содержание в одном отделении политических и других категорий заключенных. Заслуживает внимания и такая новелла, как обязанность администрации соблюдать права заключенных и не допускать по отношению к ним действий, которые могли бы унижить их человеческое достоинство. В целом общая направленность изменений режима содержания заключенных по Инструкции 1947 года предусматривала смягчение требований к заключенным и в большей мере обеспечивала их права. В этом же ряду можно назвать принятое в 1950 году постановление Совета Министров СССР, согласно которому заключенные получали больше стимулов к высокопроизводительному труду: устанавливались твердые нормы и тарифы, и заключенные стали получать зарплату, за исключением содержащихся в особых лагерях [12]. Подобная политика приводила к определенным позитивным результатам – так, глава МВД СССР С.Н. Круглов на одном из совещаний начальников политотделов в системе ГУЛАГа (4 апреля 1951 года) отмечал: «Вот, например, смертность заключенных в ИТЛ значительно снизилась – в 1950 году составляла 0,07 % в году против 0,10 % в 1949 году, 0,18 % – в 1948 году. Мы такого количества смертности даже до войны не имели» [13, с. 54].

Как видно, с формальной точки зрения после окончания войны советское государство укрепляло законность в исправительно-трудовой системе, в т. ч. в части соответствия ведомственных актов действующим законам. Данная тенденция, на наш взгляд, недооценивается в исторической литературе, причем свое начало она получила еще при Сталине, а после его смерти в 1953 году ей было дано известное ускорение и последовательное развитие. И здесь возникает вопрос, почему же при такого рода решениях в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы возникали массовые неповиновения заключенных, в т. ч. восстание в Горлаге (Норильск) в 1953 году, в котором приняли участие тысячи человек, при том, что подобные события не могли происходить без достаточно серьезных и глубинных

причин? Прежде чем давать их трактовку, уточним, что под массовыми неповиновениями заключенных следует понимать групповой, как правило, открытый и организованный отказ заключенных выполнять действующие нормативные предписания и требования власти. В исторической литературе массовые неповиновения заключенных именуется также как восстания (бунты) и массовые протесты заключенных. Наиболее заметные, получившие оценки в служебных расследованиях массовые неповиновения заключенных в послевоенный период имели место в Краслаге в 1951 году (вооруженный побег), Ухтижемлаге в 1951 году (голодовка), Экибастузлаге в 1951 году (голодовка), Озерлаге в 1952 году (волнения), Горлаге (г. Норильск) с 24 мая по 7 июля 1953 года (восстание), Речлаге (г. Воркута) с 20 июля по 1 августа 1953 года (восстание), Степлаге (г. Кенгир) с 16 мая по 25 июня 1954 года (восстание), Тайшетлаге в 1956 году (восстание) и др. Наиболее масштабные массовые неповиновения происходили в Горлаге, Речлаге и Степлаге (1953–1954 годы).

Причины массовых неповиновений в ИТЛ, как нам представляется, заключаются в следующем. В первую очередь, нужно указать на то, что отмеченный выше процесс определенного укрепления законности в сфере исправительно-трудовых отношений отнюдь не являлся одновекторным, поскольку сопровождался и диаметрально противоположными решениями, которые, напротив, усугубляли положение заключенных. Так, в 1948 году было сочтено целесообразным организовать специальные лагерные подразделения строгого режима. В 1950 году МВД СССР издало приказ «О переводе на тюремный режим заключенных из числа уголовно-бандитствующего элемента», для чего были оборудованы Тобольская тюрьма № 3 УМВД Тюменской области, Златоустовская тюрьма № 2 УМВД Челябинской области, Вологодская тюрьма № 1 УМВД Вологодской области. Например, в начале 1951 года в одном из лаготделений Обского ИТЛ бандитами были спровоцированы массовые беспорядки с участием

почти 400 заключенных, погибли четыре человека, а за первый квартал 1952 года за лагерный бандитизм были осуждены 4300 заключенных [14, с. 91, 108].

В этом же контексте нельзя не назвать принятое в 1948 году решение о создании особых лагерей для содержания осужденных за наиболее тяжкие преступления, связанные прежде всего с прошедшей войной (измену родине, пособничество фашистам, шпионаж, диверсии, националистический бандитизм и др.) [15]. Содержавшиеся там заключенные (каторжане) были поражены в правах в максимальной степени (лишение права переписки и свиданий, идентификация личности по номерам, труд без оплаты, сопровождаемый часто нарушениями техники безопасности, что влекло массовый производственный травматизм [16, с. 19], и др.), что неизбежно ущемляло личное достоинство заключенных и у многих порождало недовольство своим статусом даже с учетом тяжести совершенных преступлений (впоследствии в бумагах члена Политбюро ЦК КПСС М. Суслова были найдены документы, из которых следовало, что при обсуждении фактов массовых неповиновений режим в особых лагерях для заключенных был признан слишком строгим и назван одной из причин неповиновений [17, с. 361]). В особых лагерях отбывали наказание большое количество заключенных: так, на 1 января 1951 года в 9 особых лагерях МВД находился уже 211 261 заключенный [18]. Именно в особых лагерях неповиновения заключенных оказались самыми массовыми. Данные лагеря были упразднены только после смерти Сталина.

Далее, значительная часть заключенных в ИТЛ воевали на фронтах Великой Отечественной войны, были командирами разных уровней, имели боевые награды и, соответственно, считали обвинения в свой адрес и наказания несправедливыми, обращение с ними в лагерях как с обычными уголовниками – оскорбительным, что также порождало у них недовольство своим положением. Так, в мае 1953 года заключенные 9-го лаготделения Красноярсклага объявили голодовку в знак протеста в связи с

действиями оперработника И.А. Ловчева, который, будучи в состоянии опьянения, зашел в столовую, где ужинали заключенные, устроил дебош и надел на голову «классового врага» заключенного Бессмертного миску с остатками пищи, а другим возмущившимся заключенным пригрозил наручниками [19, с. 236].

Следующее обстоятельство заключалось в том, что широкомасштабная «бериевская» амнистия (1953 год) [20] коснулась далеко не всех категорий заключенных, хотя надежды на освобождение или на смягчение своей участи в связи со смертью Сталина питали в той или иной степени все находившиеся в местах лишения свободы. В частности, под амнистию не подходили лица, осужденные на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения соцсобственности, бандитизм и умышленное убийство, при этом амнистии, в т. ч. освобождению, подлежали десятки тысяч «бытовиков», включая осужденных за тяжкие преступления (разбой, изнасилования и др.). Из-за этого амнистия 1953 года подвергается критике, а В.М. Гефтер и вовсе назвал ее «устрашающей» [21, с. 32]. Такой подход, предполагавший смягчение в целом репрессивной политики, контрастировал с отказом амнистировать каким-либо образом указанные выше категории заключенных и являлся одним из прямых мотивов массовых неповиновений заключенных в том же Горлаге (Норильск, 1953 год). Упомянутый выше казахский ученый Т.К. Алланиязов также отмечает, что в 1954 году в Кенгире (Степлаг) заключенные ожидали смягчения режима, но этого не произошло, что стало дополнительным побудительным мотивом к массовым неповиновениям заключенных [4, с. 72].

Как нам представляется, такое решение советского государства по амнистии было ошибочным, и прежде всего с психологической точки зрения, поскольку если преступник не приговаривается к смертной казни, то это означает, что он при определенных условиях заслуживает некоторого смягчения своей участи, т. е. у него должна быть пусть отдаленная, может быть, малореальная и даже мифическая,

но перспектива жизни; отсутствие такой перспективы может толкать человека на необдуманные и неадекватные поступки, в т. ч. и на преступления, каковыми, собственно, и являлись массовые неповиновения заключенных. Однако, очевидно, ввиду тяжести совершенных преступлений (особенно это касалось пособников фашистов) власть не решилась освободить данных заключенных по амнистии, учитывая, что война закончилась недавно и у населения еще были свежи в памяти чудовищные преступления военного характера.

Многие заключенные, осужденные за тяжкие государственные преступления, считали несправедливым отношение к себе в связи с тем, что им продлевали сроки заключения без проведения надлежащей, предусмотренной законодательством судебной процедуры, т. е. решения принимались заочно, без вызова заключенного в какие-либо инстанции, где он мог что-либо сказать в свою защиту, без адвокатов, а осужденному лишь сообщали о решении как состоявшемся факте [8, с. 403]. При этом, как правило, негласной причиной таких решений было не столько содержание преступной деятельности заключенного, т. е. его статус «врага народа», или степень его общественной опасности, а банальное желание руководителей ГУЛАГа оставить заключенного в качестве рабочей силы или в качестве специалиста [22, с. 187] (заметим, что подобная практика имела место и раньше, например в годы войны в Воркутлаге [23, с. 36]). А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет о том, что заключенных, привлекаемых к строительству секретных объектов в Арзамасе, после окончания срока наказания ссылали на «вечное» поселение в отдаленные места только затем, чтобы они не могли раскрыть арзамасских секретов, и такой способ был оценен им как «безжалостный, совершенно беззаконный» [24, с. 163–164].

К этому нужно добавить несоответствие реальных условий отбывания наказания в местах лишения свободы предъявляемым требованиям, несмотря на жесткие предписания надзорных органов. Кроме того, действующие тогда

законы предусматривали по ряду позиций довольно жесткие условия отбывания наказания. И такого рода противоречия также являлись катализатором «восстаний» в ИТЛ. Как отмечается в литературе, имели место «вынужденные» массовые неповиновения заключенных. Так, В.М. Исаков отмечает, что в некоторых ИТЛ после упомянутой «бериевской» амнистии настолько обострились отношения между «политическими» заключенными и «бытовиками», что первые, «не надеясь на защиту своих интересов со стороны администрации, выбирали единственно возможную форму пассивного протеста, сопротивления уголовно-бандитствующим осужденным: не выходили на рабочие объекты или, выйдя, к работе не приступали» [25, с. 168].

Также не следует забывать, что в особые лагеря направлялись среди прочих вполне убежденные идейные противники советской власти, прежде всего из числа осужденных за совершение актов националистического бандитизма на бывших в оккупации советских территориях (Прибалтика, Западная Украина и др.). Эти лица ненавидели советскую власть, сознательно убивали ее представителей, членов их семей, являлись пособниками фашистов во время оккупации и т. д. Находясь в ИТЛ, многие из них продолжали свою антисоветскую деятельность, создавая, в частности, повстанческие организации, направленные на подрыв нормальной работы советских учреждений и предприятий, совершение иных государственных преступлений, включая организацию массовых беспорядков.

Следует подчеркнуть в связи с этим, что массовые неповиновения заключенных были следствием не только «страшного ГУЛАГа», но и целенаправленной преступной деятельности содержащихся в них заключенных указанных категорий. Соответственно, мы не можем полностью согласиться с обобщениями некоторых ученых и признанием ряда крупных массовых неповиновений заключенных послевоенного времени некими знаковыми протестными выступлениями против сталинской тирании, а восставших заключенных – некими жертвами,

боровшимися за свободу в советском обществе, во многом благодаря которым и наступила «оттепель» в СССР. Так, А. Макарова пишет о том, что «с Норильского восстания началось раскрепощение страны» [26, с. 86]. Мы полагаем, что в реальности ситуация была намного сложнее, чтобы оценивать события однозначно, – действительно, нарушения прав заключенных имели место, но были и преступления, в т. ч. тяжкие, совершаемые заключенными под флагом «восстания».

Таким образом, какими бы благими намерениями ни руководствовались «восставшие» заключенные, они, нарушая режим, тем более в массовом порядке, давали лагерной администрации законное основание применять соответствующие меры для наведения порядка. Так, например, имеется следующая оценка воркутинского восстания (Речлаг) летом 1953 года: «Это был не бунт и не восстание – это была мирная демонстрация с целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях» [27, с. 131]. Однако фактически заключенные на несколько дней взяли ряд лагпунктов под свой контроль, что по определению не могло происходить «мирным» путем, а «информирование» фактически было требованиями, предъявляемыми к властям, и в совокупности действия заключенных были, конечно, преступными.

Следует указать также на то, что в ИТЛ существовала кадровая проблема, в т. ч. с набором сотрудников охраны, немалая часть которых, не имея надлежащей профессиональной подготовки и не обладая требуемыми моральными качествами, нередко своими действиями провоцировали заключенных на массовые беспорядки [28, с. 100]. Этот аспект довольно подробно освещен в литературе, и мы на нем не останавливаемся. Заметим лишь, что незаконные действия лагерной администрации отмечались во время проверок ИТЛ как со стороны прокуратуры, так и со стороны инспекционных подразделений ГУЛАГа. Показательным является акт инспекторской проверки Печорского ИТЛ комиссией ГУЛАГа от 10 декабря 1953 года, где сообщалось, что

причиной массового невыхода заключенных на работы были неправильные действия лагерной администрации, в т. ч. в части соблюдения законных прав заключенных, и указывалось, что «такое положение противоречит не только требованиям режима содержания заключенных на строгом режиме, но основам исправительно-трудовой политики в целом» [29]. Указанная политика основывалась прежде всего на Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 года, чье действие распространялось на большинство исправительно-трудовых учреждений и который имел существенную гуманитарную составляющую (последняя, однако, нередко искажалась нормативно-правовыми актами и другими решениями НКВД СССР и особенно лагерной администрацией, в т. ч. вопреки Положению об ИТЛ (1930 год), где в первой же статье указывалось, что «исправительно-трудовые лагеря имеют задачей охрану общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно-полезным трудом, и приспособления этих правонарушителей к условиям трудового общежития» [30]).

В архивных материалах Специального архивного фонда Главного управления МВД России по Краснодарскому краю имеется ряд документов, показывающих направления исправительно-трудовой политики советского государства. Так, в соответствии с циркулярами и приказами МВД СССР от 10 июля, 20 августа и 13 сентября 1954 года, которые, как и многие другие документы, направлялись на места и сейчас хранятся в ведомственных архивах (в частности, в Специальном архивном фонде Главного управления МВД России по Краснодарскому краю [31]), предписывалось организовать книжную торговлю, издавать свои периодические издания (уже в 1954 году для заключенных выпускались 57 многотиражных газет общим тиражом 105 тыс. экземпляров), вести работу по созданию самостоятельных организаций заключенных, приобщению их к культурной жизни и др. 10 июля 1954 года приказом по МВД СССР вводилось Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях

МВД СССР, одобренное Советом Министров СССР. Основными задачами исправительно-трудовых учреждений признавались создание условий, исключающих возможность совершения осужденными преступлений, исправление и перевоспитание заключенных на основе приобщения их к общественно полезному труду.

Это целеполагание советской власти, на наш взгляд, далеко не всегда учитывается при историческом анализе деятельности ГУЛАГа. В результате при оценке массовых неповиновений заключенных могут возникнуть предпосылки для другой крайности, когда, напротив, жесткие решения властей по отношению к преступникам, в т. ч. находившимся в местах лишения свободы, оправдываются конкретно-историческими условиями и с опорой на принцип законности – при том, что с позиции сегодняшнего дня ряд законов СССР трудно назвать правовыми (на этот счет имеется, например, работа М.Э. Жаркого [32]). Во всяком случае, судя по комментариям интернет-пользователей к статье И. Полонского о Степлаге при обсуждении вопроса о подавлении восстания заключенных, явное большинство – на стороне советских правоохранителей [33].

Таким образом, в совокупности указанные выше причины и приводили к массовым неповиновениям заключенных в ИТЛ рассматриваемого периода. С учетом изложенного, наш вывод может показаться несколько парадоксальным: несмотря на значительный масштаб массовых неповиновений в отдельных ИТЛ, в целом они не были характерным явлением для ГУЛАГа, поскольку имели место в ограниченном количестве исправительно-трудовых учреждений. Так, при изучении архивных материалов об

исправительно-трудовых учреждениях в Краснодарском крае послевоенного периода нам не удалось встретить документов, свидетельствующих о проблеме массовых беспорядков заключенных в данном регионе. Совершенно очевидно, что это относится и к исправительно-трудовым учреждениям, расположенным во многих других краях и областях, и речь здесь идет прежде всего о европейской части СССР. Иначе говоря, массовые неповиновения заключенных происходили в основном в ИТЛ, находившихся в отдаленных местах, а это был далеко не весь ГУЛАГ – страна очень большая, и ГУЛАГ, можно сказать, имел заметные региональные отличия. А значит, обобщения, связанные с массовыми неповиновениями заключенных по всему ГУЛАГу, не могут в достаточной мере отражать реального положения дел. Вместе с тем многих массовых неповиновений заключенных можно было избежать при соблюдении лагерной администрацией установленных требований и надлежащем контроле за ее деятельностью как в рамках внутриведомственной контрольной деятельности МВД СССР и ГУЛАГа, так и партийного и прокурорского надзора. С наступлением «оттепели» деятельность ГУЛАГа была подвергнута критике, в конце 1950-х годов система ИТЛ была упразднена, и массовые неповиновения заключенных в указанных выше масштабах стали историей.

Заметим, что в данной статье мы лишь обозначили проблематику, связанную с массовыми неповиновениями заключенных в ИТЛ, вместе с тем данная тема нуждается в более глубоком и более объективном осмыслении. При этом настоящая работа может быть основой для дальнейших исследований по данной проблематике, также возможно ее использование в вузовском обучении.

Список литературы

1. *Босхолов С.С.* Конституционно-правовой кризис и уголовная политика // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1993. № 6. С. 49–54.
2. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
3. *Репинецкий А.И., Инполитов Г.М.* ГУЛАГ как исторический феномен: опыт историографического обзора // Клио. 2011. № 4(55). С. 20–29.

4. Алланиязов Т.К. Карлаг: Кенгирское восстание: К истории восстания заключенных 3-го отделения Степно-го лагеря МВД СССР (16 мая – 26 июня 1954 года) / под общ. ред. Н.О. Дулатбекова. Караганда: Болашак-Баспа, 2010. 305 с.
5. Кравери М. Кризис ГУЛага: Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД: пер. с итал. С. Логиша // Cahiers du Monde Russe. 1995. Vol. 36, № 3. P. 319–343.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960: сб. док. / под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 888 с.
7. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В.А. Козлов, сост. О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2004. 736 с.
8. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий: в 13 т. Т. 7, ч. 1 / сост. и комм.: М.Б. Рогачев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 639 с.
9. Козлов В.А. Неизвестный СССР: противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М.: Олма-пресс, 2006. 448 с.
10. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства, 1917–1985 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 43 с.
11. Инструкция по режиму содержания заключенных в ИТЛ и ИТК (утверждена приказом МВД СССР от 27.03.1947 г.) // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 234. Л. 30–54.
12. Постановление Совета Министров СССР от 13.03.1950 г. № 1065-376сс «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 304–306.
13. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.): сб. док. Т. 2 / сост. Л.И. Гвоздкова, А.А. Мить. Кемерово: Кузбасвузиздат, 1994. 248 с.
14. Кокурин А.И., Моруков Ю.В. ГУЛАГ: структура и кадры: статья восемнадцатая // Свобод. мысль. 2001. Т. XXI, № 4. С. 82–110.
15. Постановление Совета Министров СССР от 21.02.1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров; отв. сост. Н.И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 326–327.
16. Исаков В.М., Мельник Е.В. Труд заключенных в исправительных учреждениях в послевоенные годы и его правовое обоснование // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 1. С. 16–21.
17. Хеделер В. Соппротивление в ГУЛАГе. Бунт, восстание, побег: пер. с нем. // Вост. Европа. 2007. № 6. С. 353–368.
18. Справка о количестве заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР на 1 января 1951 г. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960: сб. док. / под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. С. 184.
19. Иванова Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 430 с.
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 «Об амнистии» // Вед. Верхов. Совета СССР. 1953. № 4.
21. Гефтер В.М. Что в итоге «широкой» амнистии: цифры против домыслов // Омбудсмен. 2014. № 1. С. 28–34.
22. Бородин Л.И., Эрты С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х – начало 50-х гг. // Экон. история. Ежегодник. 2004. № 2003. С. 177–233.
23. Упадышев Н.В. Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 3. С. 35–40.
24. Сахаров А.Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Права человека, 1996. Т. 1. 912 с.
25. Исаков В.М. Труд осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.). М.: ЮИ МВД РФ, 2000. 217 с.
26. Макарова А. Норильское восстание. Май–август 1953 года // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. С. 84–91.

27. Малухян А. Июль пятьдесят третьего // Воля: журн. узников тоталит. систем. 1997. № 6/7. С. 127–135.
28. Дашин А.В. Уголовно-правовые особенности содержания заключенных и деятельность администрации по предупреждению массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях СССР // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 97–102.
29. Акт о результатах инспекторской проверки Печорского ИТЛ комиссией ГУЛАГа от 10.12.1953 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В.А. Козлов, сост. О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2004. С. 584.
30. Положение об исправительно-трудовых лагерях (утв. Постановлением СНК СССР от 07.04.1930 г.) // Собр. законов СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
31. Специальный архивный фонд ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю. Д. 205. Л. 130–134.
32. Жаркой М.Э. О сущности понятия «кара» и принципах советской карательной политики // Общество и право. 2004. № 2(4). С. 53–59.
33. Полонский И. Кенгирское восстание: бандеровцы и «лесные братья» против ГУЛАГа // Воен. обозрение. 2019. 18 мая. URL: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-vosstanie-banderovtsy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (дата обращения: 01.12.2021).

References

1. Boskholov S.S. Konstitutsionno-pravovoy krizis i ugovolnaya politika [Constitutional Legal Crisis and Criminal Policy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1993, no. 6, pp. 49–54.
2. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty* [The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-Economic and Politico-Legal Aspects]. Moscow, 2006. 438 p.
3. Repinetskiy A.I., Ippolitov G.M. GULAG kak istoricheskiy fenomen: opyt istoriograficheskogo obzora [The Gulag as a Historical Phenomenon: The Experiment of the Historiographic Review]. *Klio*, 2011, no. 4, pp. 20–29.
4. Allaniyazov T.K. *Karlag: Kengirskoe vosstanie: K istorii vosstaniya zaklyuchennykh 3-go otdeleniya Stepnogo lagerya MVD SSSR (16 maya – 26 iyunya 1954 goda)* [Karlag: The Kengir Uprising: On the History of the Uprising of Prisoners of the 3rd Department of the Steplag of the Ministry of the Interior of the USSR (May 16 – June 26, 1954)]. Karaganda, 2010. 305 p.
5. Craveri M. Krizis GULaga: Kengirskoe vosstanie 1954 goda v dokumentakh MVD [Crisis of the Gulag: The Kengir Uprising of 1954 in the Documents of the Ministry of the Interior]. *Cah. Monde Russe*, 1995, vol. 36, no. 3, pp. 319–343.
6. Yakovlev A.N. (ed.). *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960* [The Gulag (Chief Administration of the Camps). 1918–1960]. Moscow, 2002. 888 p.
7. Kozlov V.A. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 6. Vosstaniya, bunty i zabastovki zaklyuchennykh* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 6. Prison Uprisings, Riots and Strikes]. Moscow, 2004. 736 p.
8. Rogachev M.B. (comp.). *Pokayanie: Komi respublikanskiy martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressiy* [Repentance: Komi Republican Martyrology of the Victims of Mass Political Repression]. Vol. 7, pt. 1. Syktyvkar, 2005. 639 p.
9. Kozlov V.A. *Neizvestnyy SSSR: protivostoyanie naroda i vlasti. 1953–1985 gg.* [The Unknown USSR: Confrontation Between People and Authorities. 1953–1985]. Moscow, 2006. 448 p.
10. Kuz'min S.I. *Politiko-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya sistemy ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy Sovetskogo gosudarstva, 1917–1985 gg.* [Political and Legal Foundations for the Formation and Development of Corrective Labour Institutions in the Soviet Union, 1917–1985: Diss.]. Moscow, 1992. 43 p.
11. Instruction on Regimes in Corrective Labour Camps and Corrective Labour Colonies (Approved by Order of the Ministry of the Interior of the USSR Dated 27 March 1947). *State Archives of the Russian Federation*. Coll. R-9401. Inv. 1a. Fol. 234. Ff. 30–54 (in Russ.).
12. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 13.03.1950 g. № 1065-376ss “O povyshenii proizvoditel'nosti truda i bolee ratsional'nom ispol'zovanii truda zaklyuchennykh ispravitel'no-trudovykh lagerey i koloniy Ministerstva vnutrennikh del SSSR” [Regulation of the Council of Ministers of the USSR No. 1065-376ss Dated 13 March 1950 “On Increasing Workforce Productivity and More Rational Use of Prisoner Labour in Corrective Labour Camps and Colonies of the Ministry of the Interior of the USSR”]. Khlevnyuk O.V. (comp.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh –*

pervaya polovina 1950-kh godov. T. 3. Ekonomika Gulaga [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 3. Economy of the Gulag]. Moscow, 2004, pp. 304–306.

13. Gvozdkova L.I., Mit' A.A. (comps.). *Prinuditel'nyy trud. Ispravitel'no-trudovye lagerya v Kuzbasse (30–50-e gg.)* [Forced Labour. Corrective Labour Camps in Kuzbass (1930–1950s)]. Vol. 2. Kemerovo, 1994. 248 p.

14. Kokurin A.I., Morukov Yu.V. GULAG: struktura i kadry: stat'ya vosemnadsataya [The GULAG: Structure and Personnel: The Eighteenth Article]. *Svobodnaya mysl'*, 2001, vol. 21, no. 4, pp. 82–110.

15. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 21.02.1948 g. "Ob organizatsii lagerey i tyurem so strogim rezhimom sodержaniya osobo opasnykh gosudarstvennykh prestupnikov i o napravlenii ikh po otbytii nakazaniya na poselenie v otdalennye mestnosti SSSR" [Resolution of the Council of Ministers of the USSR Dated 21 February 1948 "On the Organization of High Security Camps and Prisons for Dangerous Special State Criminals and on Sending Them, After They Have Served Their Sentence, to Settlements in Remote Areas of the USSR"]. Petrov N.V. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 2. The Punitive System: Structure and Personnel]. Moscow, 2004, pp. 326–327.

16. Isakov V.M., Mel'nik E.V. Trud zaklyuchennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh v poslevoennyye gody i ego pravovoe obosnovanie [The Use of Prison Labor in Correctional Institutions in the Postwar Years, and Its Legal Justification]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 1, pp. 16–21.

17. Hedeler W. Soprotivlenie v GULAGe. Bunt, vosstanie, pobeg [Resistance in the Gulag. Riot, Uprising, Escape]. *Vostochnaya Evropa*, 2007, no. 6, pp. 353–368.

18. Spravka o kolichestve zaklyuchennykh, sodержavshikhся v osobykh lageryakh MVD SSSR na 1 yanvarya 1951 g. [Information About the Number of Prisoners in Special Camps of the Ministry of the Interior of the USSR as of 1 January 1951]. Yakovlev A.N. (ed.). *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960* [The Gulag (Chief Administration of the Camps). 1918–1960]. Moscow, 2002, p. 184.

19. Ivanova G.M. *GULAG v sovetskoy gosudarstvennoy sisteme (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.)* [The Gulag in the Soviet State System (Late 1920s – Mid-1950s): Diss.]. Moscow, 2002. 430 p.

20. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 27 March 1953 "On Amnesty". *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1953, no. 4 (in Russ.).

21. Gefter V.M. Chto v itoge "shirokoy" amnistii: tsifry protiv domyslov [What Are the Results of the "Broad" Amnesty: Statistics vs Speculation]. *Ombudsmen*, 2014, no. 1, pp. 28–34.

22. Borodkin L.I., Ertz S. Struktura i stimulirovanie prinuditel'nogo truda v GULAGe: Noril'lag, konets 30-kh – nachalo 50-kh gg. [The Structure and Stimulation of Gulag Forced Labour: Norillag, Late 1930s – Early 1950s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*, 2004, no. 2003, pp. 177–233.

23. Upadyshev N.V. Vorkutinskiy ispravitel'no-trudovoy lager' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Vorkuta Correction and Labour Camp in the Years of the Great Patriotic War]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki*, 2012, no. 3, pp. 35–40.

24. Sakharov A.D. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 1996. Vol. 1. 912 p.

25. Isakov V.M. *Trud osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Sovetskogo gosudarstva (1917–1990 gg.)* [Labour of Convicts in Soviet Correctional Institutions (1917–1990)]. Moscow, 2000. 217 p.

26. Makarova A. Noril'skoe vosstanie. May–avgust 1953 goda [The Norilsk Uprising. May–August 1953]. Apresyan R.G. (ed.). *Opyt nenasiliya v XX stoletii. Sotsial'no-eticheskie ocherki* [The Experience of Non-Violence in the 20th Century. Socio-Ethical Essays]. Moscow, 1996, pp. 84–91.

27. Malumyan A. Iyul' pyat'desyat tret'ego [July of 1953]. *Volya: zhurnal uznikov totalitarnykh sistem*, 1997, no. 6/7, pp. 127–135.

28. Dashin A.V. Ugolovno-pravovyye osobennosti sodержaniya zaklyuchennykh i deyatel'nost' administratsii po preduprezhdeniyu massovykh nepovinoventiy v ispravitel'no-trudovykh lageryakh SSSR [Criminal Legal Aspects of Prison Regimes and Measures Taken by the Administration to Prevent Mass Disobedience in the Corrective Labour Camps of the USSR]. *Obshchestvo i pravo*, 2012, no. 2, pp. 97–102.

29. Akt o rezul'tatakh inspektorskoj proverki Pechorskogo ITL komissiiy GULAGA ot 10.12.1953 g. [Statement on the Results of the Inspection at the Pechora Corrective Labour Camp Conducted by the Gulag Commission Dated 10 December 1953]. Kozlov V.A. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 6. Vosstaniya, bunt i zabastovki zaklyuchennykh* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 6. Prison Uprisings, Riots and Strikes]. Moscow, 2004, p. 584.

30. Regulations on Corrective Labour Camps (Approved by the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR Dated 4 July 1930. *Sobranie zakonov SSSR*, 1930, no. 22. Art. 248 (in Russ.).

31. *Special Archival Collection of the Krasnodar Krai Central Administration of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. Fol. 205. Ff. 130–134 (in Russ.).

32. Zharkoy M.E. O sushchnosti ponyatiya “kara” i printsipakh sovetskoy karatel’noy politiki [On the Essence of the Concept of Punishment and the Principles of Soviet Punitive Policy]. *Obshchestvo i pravo*, 2004, no. 2, pp. 53–59.

33. Polonskiy I. Kengirskoe vosstanie: banderovtsy i “lesnye brat’ya” protiv GULAGa [The Kengir Uprising: The Banderites and the Forest Brothers Against the Gulag]. *Voенное обозрение*, 18 May 2019. Available at: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-vosstanie-banderovtsy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (accessed: 1 December 2021).

DOI: 10.37482/2687-1505-V154

Ivan V. Uporov

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
ul. Yaroslavskaya 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228> e-mail: uporov@list.ru

Maksim I. Perlik

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
ul. Yaroslavskaya 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3140-6893> e-mail: maxkrd207@mail.ru

MASS PRISONER DISOBEDIENCE IN CORRECTIVE LABOUR CAMPS OF POST-WAR USSR

This paper studies mass disobedience among the prisoners of Soviet corrective labour camps (CLCs) during the post-war years (1945–1956) in the context of Soviet corrective labour policy of that time. Noteworthy, there have been conflicting assessments of this aspect of the history of the aforementioned institutions. This research is based on the systematic approach as well as on the principles of historicism and objectivity. The main trends of Soviet corrective labour policy in the wake of the Great Patriotic War are identified; the contradictory nature of this policy is pointed out. On the one hand, documents were adopted to strengthen the rule of law in CLCs, including ensuring the rights of prisoners (e.g., the 1947 Instruction on Regimes in Corrective Labour Camps and Colonies), while on the other hand, the conditions in these camps for certain categories of prisoners were getting more strict (e.g., special camps were established by the Resolution of the Council of Ministers of the USSR in 1948). Further, the authors focus on revealing the main reasons behind mass disobedience of prisoners in the camps. In particular, during the post-war years more people were sent to CLCs convicted of aiding the Nazis in the temporarily occupied territories of the USSR, treason, espionage, sabotage, nationalist banditry, etc. According to the authors, in the overwhelming majority of cases it was these prisoners who organized large-scale mass disturbances, including protests. Disobedience on the part of prisoners was facilitated by the discrepancy between the imposed requirements and the actual conditions in the CLCs, as well as by the rudeness of the camp administration and some prisoners being strong ideological opponents of Soviet rule, etc. The fact that a significant number of prisoners were exempt from Beria’s amnesty (March 1953) acted as yet another catalyst. The authors come to the conclusion that, in spite of the large scale of prisoner disobedience in certain camps, it was generally not characteristic of the corrective labour system of the period under study.

Keywords: *Soviet penal policy, corrective labour camps, mass prisoner disobedience, post-war period, 1953 amnesty, prison regime.*

Поступила 29.09.2021

Принята 19.12.2021

Received 29 September 2021

Accepted 19 December 2021

For citation: Uporov I.V., Perlik M.I. Mass Prisoner Disobedience in Corrective Labour Camps of Post-War USSR. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 48–60. DOI: 10.37482/2687-1505-V154

БАЛАН Елена Геннадьевна, аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва). Автор 8 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-4686>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ УРБАНОНИМИИ ИСПАНИИ ПЕРИОДА ДИКТАТУРЫ Ф. ФРАНКО В XX–XXI веках

Статья посвящена изучению судьбы испанских урбанонимов эпохи гражданской войны (1936–1939) и диктатуры Франсиско Франко (1939–1975) в современной Испании в контексте функционирования исторической памяти. Материалом для исследования послужили тексты научных статей об исторической памяти, публикации в средствах массовой информации, законодательные акты, а также данные Национального института статистики Испании. Рассмотрение современной топонимической ситуации позволяет раскрыть проблему исторической памяти в Испании после завершения периода диктатуры в 1975 году. В 1977 году в Испании был принят Закон об амнистии (*Ley de Amnistía de 1977*), который предусматривал забвение событий периода диктатуры Ф. Франко, чтобы не провоцировать конфликт в обществе. В конце XX века в стране назрела необходимость переосмыслить историю гражданской войны и диктатуры. Показано, что правовое поле современной памяти в Испании основывается на Законе об исторической памяти (*Ley de Memoria Histórica*), принятом в 2007 году. В результате проведенного исследования установлено, что количество урбанонимов, содержащих символы периода диктатуры Ф. Франко, отсылающих к именам участников и событиям гражданской войны и диктатуры, значительно уменьшилось в последние годы. Однако изменение франкистской топонимии неизбежно сопровождается обсуждением и полемикой на уровне местных законодательных органов, а также общественных коммеморативных организаций, что зачастую освещается в средствах массовой информации, а процесс переименования до сих пор остается актуальной проблемой для Испании.

Ключевые слова: *топонимика Испании, урбанонимы, мемориальная топонимия, историческая память, диктатура Ф. Франко, переименование топонимов.*

Основная цель работы – исследовать функционирование *исторической памяти* в Испании посредством анализа изменений урбанонимов в течение последних лет. Предметом исследова-

ния являются урбанонимы, связанные с символами политического режима Франсиско Франко (1939–1975), а также с событиями гражданской войны в Испании (1936–1939).

*Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2; e-mail: balan_el@mail.ru

Для цитирования: Балан Е.Г. Основные тенденции мемориальной урбанонимии Испании периода диктатуры Ф. Франко в XX–XXI веках // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 61–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V155

Урбаноним, согласно определению Н.В. Подольской, это «вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта...» [1, с. 139]. Среди современных лингвистических работ, связанных с исследованиями общих вопросов урбанонимии, следует отметить научные изыскания А.С. Щербак, М.В. Голомидовой, Р.В. Разумова. Так, А.С. Щербак объясняет интерес к изучению урбанонимов как единиц городского пространства их тесной связью со стратегией создания имиджевой концепции города [2]. В работе М.В. Голомидовой развернуто объясняется механизм регламентирования переименования внутригородских объектов на примере законодательных документов Российской Федерации [3]. Р.В. Разумов в статье «Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации» анализирует специфику развития урбанонимов типа названий-посвящений [4]. Исследования в области вопросов урбанонимии в настоящий момент продолжают.

Проблема исторической памяти в контексте переименований топонимов. Исследования памяти (*memory studies*) – это область междисциплинарных исследований, объединяющая социологию, историю, культурологию, лингвистику, антропологию, психологию, философию. Среди первых ученых, исследующих память, были Морис Хальбвакс [5], Пьер Нора [6], Алейда Ассман [7].

Каждое поколение людей неизбежно сталкивается с необходимостью осмыслить свою историю. Писатель, общественный деятель Хорхе Семпрун Маура, занимавший в 1988–1991 годах пост министра культуры в Испании, заявлял, что необходимо оставить в прошлом добровольную амнезию по отношению к событиям гражданской войны и двигаться к социальному прогрессу, не обращая внимания ни на мифы прошлого, ни на молчание или забвение настоящего [8, с. 111].

Что понимается под добровольной амнезией? В исследованиях памяти существует несколько классификаций феномена забвения: работы Даниэля Шахтера [9], Алейды Ассман [10]

и Пола Коннертона [11]. Мы рассмотрим несколько типов забвения согласно классификации Пола Коннертона.

Добровольная амнезия, о которой писал Х. Семпрун, анализируя проводимую властями Испании политику после смерти Ф. Франко [8, с. 111], попадает под два типа: *предписанное забвение* и *учредительное забвение*. Первый тип характеризуется государственным регулированием; в случае Испании это Закон об амнистии 1977 года: правительство, действуя в интересах всех партий, предписывает забыть о событиях, которые могут потенциально навредить и расколоть общество. С другой стороны, ситуацию в Испании с 1977 года и до сегодняшнего дня можно охарактеризовать как *учредительное забвение*, когда забвение становится частью процесса формирования новой идентичности человека и, если экстраполировать на общность людей, формирования нового общества, свободного от диктатуры прошлого. Коннертон приводит в пример метафору с пазлом, где, если оставить старые фрагменты, они неизбежно нарушат новую картину.

Как было сказано выше, в настоящей статье основное внимание уделяется социально-политическим изменениям, происходившим с 1936 года и отраженным в урбанонимии Испании. Как известно, один из главных «символов» государственной идеологии – это изменение названий улиц, проспектов, площадей и т. д. Таким образом идеологи отбрасывают все, как они полагают, ненужное и потенциально опасное, что мешает формированию *новой* страны. Продиктовано это стремлением построить реальность, быт и другие аспекты жизни так, чтобы они соответствовали интересам существующего политического строя. Так, режим Франко последовательно уничтожал остатки Второй Республики, в т. ч. при помощи переименований общественных пространств.

В статье *Sites of Memory / Sites of Oblivion in Contemporary Spain* приводится следующее утверждение: «The construction of the Francoist state was aimed primarily at the erasure of all

remnants of the immediate past... As such, any vestiges of the Second Republic had to be erased, annihilated...» [12, с. 30] (Создание государства во главе с Франсиско Франко было направлено прежде всего на стирание всех остатков непосредственного прошлого... Любые остатки Второй Республики должны были быть стерты, уничтожены...¹). Подчеркнем, что диктатура Франко обладала собственной программой для манипулирования исторической памятью, а последнее, следуя классификации Пола Коннертона, является наглядной иллюстрацией следующего типа забывания – *репрессивного уничтожения*: «In a clear example of what Connerton terms “repressive erasure”, the dictatorship took every opportunity during its thirty-six years of existence to achieve its objective... not only had the regime legitimised its origins, but also its *raison d'être*» [12, с. 30] (Наглядный пример того, что Коннертон называет «репрессивным уничтожением», – то, что диктатура использовала любую возможность в течение 36 лет своего существования для достижения своей цели... режим узаконил не только свое происхождение, но и смысл своего существования).

Действительно, изменение топонимии – довольно эффективный способ манипулирования памятью. В.Г. Гак отмечает, что «пространство наряду со временем является основным атрибутом материи, основной формой бытия. <...> Пространство – одна из первых форм реальных бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [13, с. 670]. Трансформация обыденных наименований – это заметное изменение части повседневности. Так, например, уже в период Второй Республики район в городе Вальядолиде получил название *Barrio de la República* (квартал Республики), но во время диктатуры Франко урбаноним был изменен на *Barrio España* (квартал Испании), это наименование сохраняется и в настоящее время.

Изменения топонимии Испании в период с 1936 по 1975 годы. Активный процесс

переименования начался сразу после победы Ф. Франко в 1939 году (хотя отдельные франкистские топонимы датируются еще годами гражданской войны), стирались предыдущие маркеры пространства. Следует подчеркнуть, что наиболее ярким примером процесса идеологического переименования служит номинация в честь политических и общественных деятелей нового режима [14, с. 155]. Появляются урбанонимы, которые носят имена генералов и политиков, т. е. являются антропонимическими названиями, при этом возникают и другие урбанонимы.

Рассмотрим самые распространенные примеры образования урбанонимов в Испании в период правления Ф. Франко. Их можно разделить на следующие группы:

1) урбанонимы в честь военных, генералов-фалангистов, например улицы: *General Mola* и *General Yagüe* в городе Толедо, *General Queipo de Llano* в муниципалитете Санта-Мария-дель-Тьетар, *General Queipo de Llano* в муниципалитете Куэрва, *General Varela* в городе Анчурасе, *General Fanjul* и *General Muñoz de Grandes* в городе Гвадаррама, *General Portocarrero* и *General Benavides* в городе Леоне, *General Millán Astray* в муниципалитете Мальпика-де-Тахо, *General Solchaga* в городе Вальядолиде, *José Antonio Primo de Rivera* в городе Мелилья и т. д.;

2) урбанонимы в честь генерала Ф. Франко, например улицы: *Francisco Franco* в городе Мурсия, *General Franco* в муниципалитете Атьенса, *Generalísimo* в муниципалитете Голосальво, *Caudillo* в муниципалитете Беаде и др.;

3) урбанонимы, увековечивающие значимые события, а также символы периода гражданской войны и диктатуры, например улицы: *Caidos de la División Azul* и *Arriba España* (площадь) в городе Мадриде, *Escuadrilla Azul* в городе Бадахосе, *Los Héroes del Alcázar* в городе Торрихосе, *Alcázar de Toledo* в муниципалитете Эль-Тьембло, *plaza de la Liberación* (площадь) в городе Посо-Каньяда, *Falange Española* в муниципалитете Канталехо, *Ronda de la Liberación*

¹Здесь и далее перевод автора.

(площадь) в городе Теруэле, *Alferez Provisional* в городе Сеута, *Viva España* в городе Сарагоса, *Dieciocho de Julio* в городе Валенсия, *Primero de Abril* в городе Куэнка и т. д.

Необходимо дать дополнительные разъяснения некоторым наименованиям. Например, *División Azul* (так называл ее теоретик франкизма Хосе Луис Арресе [15, с. 268]), или *División Española de Voluntarios* (официальное название), – дивизия, по большей части состоявшая из добровольцев и участвовавшая в сражениях на Восточном фронте на стороне нацистской Германии. *Escuadrilla Azul* – эскадрилья летчиков-добровольцев, сформированная в поддержку нацистской Германии. *Los Héroes del Alcázar* – герои крепости Алькасар (крепость, занятую фалангистами, осаждали республиканцы в период гражданской войны, а после 1939 года она становится символом храбрости и самоотверженности правых). *Falange Española* – ультраправая политическая партия, до 1975 года – единственная правящая и законная партия Испании. *Viva España, Arriba España* – популярные лозунги в период диктатуры. *José Antonio Primo de Rivera* – основатель и лидер националистической ультраправой партии «Испанская фаланга». *Dieciocho de Julio* – путч 17–18 июля 1936 года, послуживший началом гражданской войны. *Primero de Abril* – Первое апреля 1939 года (в этот день Франко подписал документ о завершении гражданской войны).

Правовое поле исторической памяти в Испании в конце XX – начале XXI века. Что происходило с франкистскими наименованиями улиц, проспектов, площадей после смерти генерала Франко в 1975 году? Для того, чтобы лучше понимать ситуацию, необходимо проанализировать ключевые политико-социальные события истории Испании после диктатуры.

В течение нескольких лет после 1975 года в Испании происходил процесс мирного перехода к конституционной монархии (*La transición española*). Королем стал Хуан Карлос Первый (*Juan Carlos I de Borbón*), было избрано правительство во главе с премьер-министром, возник-

ли политические партии. Представителями и левых, и правых политических партий был выбран путь забвения преступлений режима Ф. Франко, что отображено в Пакте о забвении (*Pacto del olvido*). Таким образом, в публичном пространстве Пакт о забвении скрывал некоторые аспекты прошлого, в частности – подлинные масштабы репрессий режима Франко, а также укреплял неведение (*ignorancia*) гражданского общества в отношении того, что действительно произошло во время войны и при диктатуре [16, с. 106].

Говоря о переходном периоде от диктатуры к демократии, исследовательница современной Испании Каролин Бойд в статье *The Politics of History and Memory in Democratic Spain* утверждает: «The transition to the democracy in Spain thus resting on a de facto “part of silence” that avoided confrontation with those responsible for the dictatorship and denied recognition of its victims» [17, с. 135] (Таким образом, переход к демократии в Испании опирается фактически на «пакт молчания», т. е. избежание конфронтации с теми, кто несет ответственность за установление диктатуры, и отказ признавать жертв диктатуры).

Исследователь Хосе Гонсалес придерживается похожей точки зрения: «The painful memories of the past, and of the losers of the Civil War, were covered with a mantle of silence that prevented people talking about them. <...> ...Speaking about the past was avoided in order to enable a consensus of all the political right and left wing parties around the Constitution of 1978» [18, с. 178] (Болезненные воспоминания о прошлом и о проигравших в гражданской войне были скрыты завесой молчания, которая не позволяла людям говорить о них. <...> ...Разговоров о прошлом избегали для того, чтобы обеспечить согласие всех правых и левых политических партий для принятия Конституции 1978 года).

Пакт о забвении получил правовую основу в Законе об амнистии от 1977 года (*Ley de Amnistía en España de 1977*). Главной целью Закона об амнистии являлось избежание конфликтов внутри страны. Существовали опасения, что конфликт между сторонниками

франкизма и их противниками мог трансформироваться в ожесточенную конфронтацию. Закон об амнистии критиковался ООН, т. к., по мнению данной организации, под процедуру амнистии не должны попадать преступления против человечности, совершенные сторонниками Франко.

В конце 1990-х и в начале 2000-х годов Пакт о забвении теряет свое значение в стране. В 2000 году Эмилио Сильва основывает Ассоциацию по восстановлению исторической памяти (*Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica*), с этого момента начинаются официальные поиски братских захоронений и идентификация жертв фалангистов периода после гражданской войны [19, с. 54]. Кроме того, ассоциация требовала от правительства открытия архивов и финансирования процесса эксгумации тел убитых.

В 2007 году (26 декабря) принимается ключевой для данного исследования Закон об исторической памяти (*Ley de Memoria Histórica 52/2007*) [20]. Среди прочего за семьями погибших впервые признается право на репарацию² (ст. 4.1). Ст. 15 «Общественные символы и памятники» (*Símbolos y monumentos públicos*) закона регулирует переименования франкистских урбанонимов. Именно на эту статью в дальнейшем ссылаются при изменении урбанонимов: «Las Administraciones públicas, en el ejercicio de sus competencias, tomarán las medidas oportunas para la retirada de escudos, insignias, placas y otros objetos o menciones conmemorativas de exaltación, personal o colectiva, de la sublevación militar, de la Guerra Civil y de la represión de la Dictadura. Entre estas medidas podrá incluirse la retirada de subvenciones o ayudas públicas» (Органы государственного управления, осуществляя свои полномочия, принимают соответствующие меры для демонтажа гербов, знаков отличия, мемориальных досок и других предметов или памятных упоминаний личного или коллек-

тивного возвеличивания военного восстания, гражданской войны и репрессий диктатуры. Эти меры могут включать отказ от государственных субсидий).

В 2008 году издается указ (*Orden de 6/11/2008*) [21], согласно которому утверждается процедура отказа от символов франкизма; в 2009 году – *Orden de 19/2/2009* [22], согласно которому Техническая комиссия экспертов (*Comisión Técnica de Expertos*) должна проводить оценку необходимости упразднения франкистских символов.

После принятых законов и указов процесс переименования в Испании ускоряется. Кроме того, любые инициативы, направленные на переименование, неизбежно освещаются в прессе. Подчиняясь Закону об исторической памяти, мэрии населенных пунктов Испании принимают решения о переименовании внутригородских объектов эпохи Франко.

Изменения урбанонимии Испании в XXI веке. Материалом для анализа в данной части статьи послужили информация из источников в Интернете: испанских интернет-изданий, сайта Национального института статистики Испании (*Instituto Nacional de Estadística*), а также информация с официальных веб-страниц и из документов муниципалитетов по процессу переименования. Были использованы сопоставительный, структурно-словообразовательный методы, элементы этимологического анализа, а также статистический метод.

Рассмотрим решения местных органов по исполнению Закона об исторической памяти, принятые в течение первых лет после его вступления в силу в 2007 году. Решением мэрии Эрвьяс (*Hervias*) наименование *travesía Generalísimo* (проезд Генералиссимуса) было изменено на *travesía de la Rioja* (проезд Ла-Риоха) [23]. В Ла-Корунье (*La Coruña*) изменены 8 урбанонимов (в прессе это событие обозначили как *Primavera de la Memoria* [24]), среди которых: *avenida de los Caídos* (проспект Павших) становится *avenida*

²Под репарацией в данном случае понимается возмещение государством ущерба потомкам тех, кто во время гражданской войны и диктатуры был подвергнут репрессиям.

de la Concordia (проспект Согласия); *avenida General Sanjurjo* (проспект Генерала Санхурхо) – *avenida Oza* (проспект Оса). В 2009 году мэрия города Хаэн (*Jaén*) изменила 44 урбанонима, среди из них: *Alcázar de Toledo* (Алькасар Толедо) меняется на *calle Francisco Arias Fernández* (улица Франсиско Ариаса Фернандеса); *calle Dieciocho de Julio* (улица 28 Июля) – на *calle de Antonio Machado* (улица Антонио Мачадо); *calle División Azul* (улица Голубой Дивизии) – на *calle de El Quijote* (улица Кихота); *calle General Chamorro* (улица Генерала Чаморро) – на *calle de Pedro de Alcalde* (улица Педро Алькальде); *calle General Moscardó* (улица Генерала Москардо) – на *plaza del Portón de los Leones* (площадь Портон де лос Леонес); *calle Primero de Abril* (улица Первого Апреля) – на *calle del 28 de febrero* (улица 28 Февраля) и др. [25]. Мэрия города Луго (*Lugo*) изменила небольшую часть наименований спустя два месяца после вступления Закона об исторической памяти в силу. Переименованы улицы *General Franco* (Генерал Франко), *Carrero Blanco* (Карреро Бланко), *Dieciocho de Julio* (18 Июля). В прессе приводятся осторожные высказывания чиновников, что изменения требуют времени, однако общественные деятели выступают за более радикальные меры [26]. В Сантандере меняются урбанонимы: *calle General Mola* (улица Генерала Мола) – на *calle Ataúlfo Argenta* (улица Атаульфо Арджента); *plaza del Generalísimo* (площадь Генералиссимуса) – на *plaza del Ayuntamiento* (площадь Ратуши); *calle Falange Española* (улица Испанской Фаланги) – на *calle Eulalio Ferrer* (улица Эулалио Феррера); *calle División Azul* (улица Голубой Дивизии) – *calle la Secada* (улица Ла Секада) [27].

Далее будут рассмотрены переименования последних лет, наглядно демонстрирующие, что вопрос об изменении урбанонимов периода диктатуры не теряет актуальности. В СМИ Мадрида в декабре 2015 года [28] появляются сообщения о том, что мэрия города одобрила одновременное переименование 30 улиц, например: *Arriba España*, *Caidos de la División Azul*, *General Dávila*, *General Millán Astray*, *Arco de la Victoria*, *General Mola*, *General*

Varela, *General Yagüe* и др. Об этом решении писали многие испанские издания: *El País*, *Público*, *Republica*, *El Diario*, *Ondacero*, *El Periódico* под заголовком *Madrid cambia el nombre a 30 calles franquistas* [29].

Однако в 2015 году не все наименования были изменены. Спустя два года в Мадриде сообщество *El Comisionado de la Memoria Histórica* выступает с инициативой отказаться уже от 47 урбанонимов эпохи Франко [30]. Среди них: *travesía del General Franco*, *plaza de Arriba España*, *calle de los Caidos de la División Azul*, *plaza del Caudillo*, *calle del general Milán Astray*, *el pasaje del General Mola*. Франсиска Саукийо (*Francisca Sauquillo*), председатель *El Comisionado de la Memoria Histórica*, выдвинув данную инициативу, ссылается на ст. 15 Закона об исторической памяти.

Довольно показательна полемика вокруг следующей инициативы – переименовать урбаноним времен Ф. Франко *plaza de los caídos de la División Azul* (Площадь Погибших Солдат Голубой Дивизии) на *Memorial 11 de marzo de 2004* (Мемориал 11 марта 2004 года), тем самым почтив память погибших в результате теракта в Мадриде в марте 2004 года. Однако, несмотря на то что мэрия выступила за переименование, родственники погибших солдат оспорили решение в суде, доказав, что дивизия не имела отношения к франкизму. Мэрия намерена обжаловать решение в Высшем суде Мадрида.

Среди новых наименований предлагаются и 10 урбанонимов, увековечивающих имена женщин [31], например: *Juana Doña* (1918–2003) – председатель коммунистической партии; *Ángela Figuera* (1902–1984) – поэтесса; *Carlota O'Neill* (1905–2000) – писательница и журналистка; *Ángeles Santos* (1911–2013) – художница; *Lucrecia Pérez* (1959–1992) – эмигрантка родом из Доминиканской республики, убитая в Мадриде ультраправыми в 1992 году.

Примером очередной дискуссии о судьбе урбанонимов можно считать наименование улицы *Comandante Zorita* (командующий Зорита). Зорита был военным летчиком, воевавшим на стороне фалангистов, и первым

испанцем, преодолевшим звуковой барьер. Данное название улицы предлагается изменить на *Aviador Zorita* (летчик Зорита). Таким образом, подчеркивается его личность как профессионала-летчика, а не последователя Франко.

В окончательном списке предложений *El Comisionado de la Memoria Histórica* было уже 52 урбанонима [32]. Спустя год после выдвижения инициативы организации, в апреле 2018-го запущен процесс переименования 49 внутригородских объектов, изменения трех наименований: *calle Caídos de la División Azul*, *glorieta Cirilo Martín* и *calle General Asensio Cabanillas* – продолжают обсуждаться [33]. Однако полемика по проблеме переименований не мешает стремительному уменьшению числа урбанонимов,

содержащих символы франкизма [34]. Еще одно исследование выявило, что в населенных пунктах Испании с численностью менее 251 чел. сохранилось 149 франкистских урбанонимов, а с численностью более 50 тыс. чел. – 24 наименования [35].

Используя доступные официальные данные *Instituto Nacional de Estadística*³, включая актуальные данные за первый квартал 2021 года, мы изучили изменение количества урбанонима *Francisco Franco* и его вариаций: *General Franco*, *Generalísimo*, *Caudillo Franco* (табл. 1), а также других наиболее распространенных франкистских урбанонимов (табл. 2, см. с. 68).

Анализ результатов исследования показал планомерное сокращение количества урбанонимов режима Ф. Франко с 2001 по 2020 год.

Таблица 1

СОКРАЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ВАРИАЦИЙ УРБАНОНИМА *FRANCISCO FRANCO*
В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ИСПАНИИ В 2001–2020 годах

DECREASE IN THE NUMBER OF VARIANTS OF THE *FRANCISCO FRANCO* URBAN TOPONYM
IN SPAIN IN 2001–2020

Год	Количество вариаций урбанонима			
	<i>Francisco Franco</i>	<i>General Franco</i>	<i>Generalísimo (Franco)</i>	<i>Caudillo Franco</i>
2001	21	632	989	2
2010	6	296	524	4
2011	6	280	508	4
2012	6	262	482	4
2013	6	256	464	4
2014	6	234	424	4
2015	6	234	400	2
2016	6	200	354	2
2017	4	114	210	2
2018	2	82	128	2
2019	2	70	106	2
2020	2	62	92	2

Примечание. Использованы данные отчетов Национального института статистики Испании за первый квартал каждого года. Таким образом, начиная с 2010 года, данные соответствуют отчетам за первый квартал следующего года (публикуются в январе). Допускается небольшая погрешность в связи с большим объемом данных, обработанных вручную.

³URL: <https://inlnk.ru/bBPK2> (дата обращения: 08.05.2021).

Таблица 2

СОКРАЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ФРАНКИСТСКИХ УРБАНОНИМОВ
В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ИСПАНИИ В 2001–2020 годах

DECREASE IN THE NUMBER OF THE MOST COMMON FRANCOIST URBAN TOPONYMS
IN SPAIN IN 2001–2020

Год	Количество урбанонимов			
	<i>Héroes del Alcázar</i>	<i>Primero de abril</i>	<i>General Mola</i>	<i>División Azul</i>
2001	66	14	810	47
2010	42	6	438	31
2011	42	4	422	29
2012	42	4	409	27
2013	42	4	397	27
2014	40	4	379	21
2015	40	4	365	21
2016	38	2	331	17
2017	30	0	219	12
2018	20	0	135	6
2019	18	0	98	6
2020	18	0	82	6

Примечание. Использованы данные отчетов Национального института статистики Испании за первый квартал каждого года. Таким образом, начиная с 2010 года, данные соответствуют отчетам за первый квартал следующего года (публикуются в январе). Допускается небольшая погрешность в связи с большим объемом данных, обработанных вручную.

Заключение. В Испании на протяжении долгого периода урбанонимы: наименования улиц, площадей, проспектов, переулков – возникали стихийно, жители сами определяли названия мест, в которых они жили. Смены названий проходили практически без вмешательства представителей власти. Однако в период с 1936 по 1975 годы переименование улиц и площадей (с использованием очевидных символов режима Ф. Франко) и забвение названий периода Второй республики были продиктованы идеологией франкизма.

После смерти Ф. Франко в 1975 году, в период перехода от диктатуры к демократии публичное обсуждение преступлений, совершенных его режимом, практически не фигурировало в общественном пространстве.

В начале XXI века общество с полной силой запускает процесс переосмысления памяти. В 2007 году принят Закон об исторической памяти, отражающий намерение государства отменить утвержденные десятки лет наименования; переименование внутригородских объектов, имеющих названия эпохи Франко,

происходит по всей стране. Более того, в июле 2021 года правительство Испании представило проект закона о демократической памяти, запрещающего восхваление гражданской войны и диктатуры Франсиско Франко [36].

Как показал анализ эмпирического материала, процесс переименования охватывает многие города Испании. Однако эти изменения не являются всеобъемлющими. В течение более 10 лет процесс затягивается по всей Испании, сталкиваясь с общественными обсуждениями, судебными разбирательствами и бюрократией. Очевидно, что в первую очередь переименования затрагивают те городские объекты, чьи названия обладают яркой политической окраской и имеют тесную ассоциацию с франкизмом и жертвами этого режима. Последствия государственной политики забвения после 1975 года очевидны: обществу, которое после многих лет вновь может публично обсуждать диктатуру, уместность ее символов в общественных пространствах, все еще необходимо время на осмысление памяти о гражданской войне и диктатуре Франко.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
2. Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Нефилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 5–11.
3. Голомидова М.В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопр. ономастики. 2018. Т. 15, № 3. С. 36–61.
4. Разумов Р.В. Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2017. Т. 23, № 3. С. 155–159.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
6. Нора П. Проблема мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
8. Semprún J. Autobiografía de Federico Sánchez. Barcelona: Planeta, 1977. 342 p.
9. Schacter D.L. The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2001. 288 p.
10. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое лит. обозрение. 2019. 552 с.
11. Connerton P. Seven Types of Forgetting // Mem. Stud. 2008. Vol. 1, № 1. P. 59–71. DOI: [10.1177/1750698007083889](https://doi.org/10.1177/1750698007083889)
12. Ramblado-Minero M.C. Sites of Memory / Sites of Oblivion in Contemporary Spain // Rev. Can. Estud. Hisp. 2011. Vol. 36, № 1. P. 29–42.
13. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. 763 с.
14. Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2017. № 4(16). С. 153–160. DOI: [10.25513/2312-1300.2017.4.153-160](https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160)
15. Rodríguez Jiménez J.L. Ni División Azul, ni División Española de Voluntarios: El personal forzado en el cuerpo expedicionario enviado por Franco a la URSS // Cuad. Hist. Contemp. 2009. Vol. 31. P. 265–296.
16. Yusta M. La “recuperación de la memoria histórica”: ¿Una reescritura de la historia en el espacio público? (1995–2005) // Rev. Historiogr. 2008. Vol. 2, № 9. P. 105–111.
17. Boyd C.P. The Politics of History and Memory in Democratic Spain // Ann. Am. Acad. Political Soc. Sci. 2008. Vol. 617, № 1. P. 133–148. DOI: [10.1177/0002716207312760](https://doi.org/10.1177/0002716207312760)
18. González García José M. Spanish Literature and the Recovery of Historical Memory // Eur. Rev. 2009. Vol. 17, № 1. P. 177–185. DOI: [10.1017/S1062798709000647](https://doi.org/10.1017/S1062798709000647)
19. Messenger D.A. Contemporary Memory Politics in Catalonia: Europeanizing and Mobilizing the History of the Spanish Civil War // The Changing Place of Europe in Global Memory Cultures: Usable Pasts and Futures / ed. by C. Kraenzle, M. Mayr. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 49–62.
20. Ley de memoria histórica española. Ley 52/2007, 26.12. URL: <https://inlnk.ru/bal4j> (дата обращения: 29.04.2021).
21. Orden de 6/11/2008. URL: <https://inlnk.ru/WRGEB> (дата обращения: 16.04.2021).
22. Orden de 19/2/2009. URL: <https://inlnk.ru/bv46e> (дата обращения: 16.04.2021).
23. Ayuntamiento de Hervias (La Rioja). Denominación de las calles. URL: <https://inlnk.ru/qmQnk> (дата обращения: 20.04.2021).
24. A Coruña renombrará otras ocho calles entre esta semana y el mes de abril. URL: <https://inlnk.ru/WEV5n> (дата обращения: 23.04.2021).
25. Ayuntamiento de Jaén. Listado de cambio de nombre de calles de la ciudad de Jaén. URL: <https://inlnk.ru/bn7N4> (дата обращения: 21.04.2021).
26. El Ayuntamiento de Lugo infringe la ley de Memoria Histórica. URL: <https://inlnk.ru/WNG7n> (дата обращения: 21.04.2021).

27. Santander quiere cambiar el nombre de 24 calles franquistas. URL: <https://inlnk.ru/bkxAo> (дата обращения: 21.04.2021).
28. Madrid cambiará antes del verano el nombre de 30 calles franquistas. URL: <https://inlnk.ru/r3k1z> (дата обращения: 23.04.2021).
29. Madrid cambia el nombre a 30 calles franquistas. URL: <https://inlnk.ru/O1B6V> (дата обращения: 23.04.2021).
30. Madrid propone cambiar el nombre de 47 calles para retirar referencias franquistas. URL: <https://inlnk.ru/qO47p> (дата обращения: 23.04.2021).
31. El Comisionado propone cambiar el nombre de 47 calles y dedicar uno al 11-M. URL: <https://inlnk.ru/XOLJa> (дата обращения: 23.04.2021).
32. El Comisionado de Memoria Histórica declara que el cambio de nombre de 52 calles franquistas en Madrid procede por ser una "exaltación" de la Guerra Civil. URL: <https://inlnk.ru/rLG3w> (дата обращения: 28.04.2021).
33. El Ayuntamiento de Madrid comienza a cambiar las placas de las calles franquistas. URL: <https://www.elmundo.es/madrid/2018/04/26/5ae1bd7222601dde1e8b45b1.html> (дата обращения: 28.04.2021).
34. Número de calles dedicadas a Franco en España. URL: <https://www.epdata.es/datos/numero-calles-dedicadas-franco-espana/505> (дата обращения: 06.05.2021).
35. Insumisos de la Memoria Histórica: las 94 calles donde Franco todavía sigue presente. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2020-02-29/calles-franco-jose-despieceantonio-ley-memoria-historica_2473555/ (дата обращения: 28.04.2021).
36. Madurez democrática. La ley de memoria promueve positivas mejoras en la relación con el pasado. URL: <https://inlnk.ru/ZZ80Y> (дата обращения: 26.07.2021).

References

1. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terms]. Moscow, 1988. 187 p.
2. Shcherbak A.S. Universal'noe svoystvo urbanonimicheskoy kategorii [Universal Property of Urbanonymical Categorization]. *Neofilologiya*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 5–11.
3. Golomidova M.V. Toponimicheskaya politika v sfere nominatsii vnutrigorodskikh ob'ektov: teoreticheskie i prikladnye problemy [Toponymic Policy in Naming City Facilities: Theoretical and Applied Issues]. *Voprosy onomastiki*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 36–61.
4. Razumov R.V. Memorativy pisatelyam, poetam i literaturnym kritikam v sistemakh urbanonimov Rossiyskoy Federatsii [Personal Memoratives to Writers, Poets and Literary Critics in Urbanonymic Systems of the Russian Federation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 155–159.
5. Halbwachs M. *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris, 1994. 367 p. (in Russ.: Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati*. Moscow, 2007. 348 p.).
6. Nora P. Problematika mest pamyati [Sites of Memory]. Nora P., Ozouf M., de Puymège G., Winock M. *Frantsiya-pamyat'* [Realms of Memory]. St. Petersburg, 1999, pp. 17–50.
7. Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Munich, 2006. 320 p. (Russ. ed.: Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow, 2014. 328 p.).
8. Sempérn J. *Autobiografía de Federico Sánchez*. Barcelona, 1977. 342 p.
9. Schacter D.L. *The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers*. Boston, 2001. 288 p.
10. Assmann A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriey* [History Oblivion – History Obsession]. Moscow, 2019. 552 p.
11. Connerton P. Seven Types of Forgetting. *Mem. Stud.*, 2008, vol. 1, no. 1, pp. 59–71. DOI: [10.1177/1750698007083889](https://doi.org/10.1177/1750698007083889)
12. Ramblado-Minero M.C. Sites of Memory / Sites of Oblivion in Contemporary Spain. *Rev. Can. Estud. Hisp.*, 2011, vol. 36, no. 1, pp. 29–42.
13. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow, 1998. 763 p.

14. Dem'yanov K.V., Ryzhenko V.G. Ideologiya, toponimika, politika pamyati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [Ideology, Toponymy, Policy of Memory: About City's Renaming in the USSR]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 153–160.
15. Rodríguez Jiménez J.L. Ni División Azul, ni División Española de Voluntarios: El personal forzado en el cuerpo expedicionario enviado por Franco a la URSS. *Cuad. Hist. Contemp.*, 2009, vol. 31, pp. 265–296.
16. Yusta M. La “recuperación de la memoria histórica”: ¿Una reescritura de la historia en el espacio público? (1995–2005). *Rev. Historiogr.*, 2008, vol. 2, no. 9, pp. 105–111.
17. Boyd C.P. The Politics of History and Memory in Democratic Spain. *Ann. Am. Acad. Political Soc. Sci.*, 2008, vol. 617, no. 1, pp. 133–148. DOI: [10.1177/0002716207312760](https://doi.org/10.1177/0002716207312760)
18. González García José M. Spanish Literature and the Recovery of Historical Memory. *Eur. Rev.*, 2009, vol. 17, no. 1, pp. 177–185. DOI: [10.1017/S1062798709000647](https://doi.org/10.1017/S1062798709000647)
19. Messenger D.A. Contemporary Memory Politics in Catalonia: Europeanizing and Mobilizing the History of the Spanish Civil War. Kraenzle C., Mayr M. (eds.). *The Changing Place of Europe in Global Memory Cultures: Usable Pasts and Futures*. Cham, 2017, pp. 49–62.
20. *Ley de memoria histórica española. Ley 52/2007, 26.12.* Available at: <https://inlnk.ru/bal4j> (accessed: 29 April 2021).
21. *Orden de 6/11/2008.* Available at: <https://inlnk.ru/WRGEB> (accessed: 16 April 2021).
22. *Orden de 19/2/2009.* Available at: <https://inlnk.ru/bv46e> (accessed: 16 April 2021).
23. *Ayuntamiento de Hervias (La Rioja). Denominación de las calles.* Available at: <https://inlnk.ru/qmQnk> (accessed: 20 April 2021).
24. *A Coruña renombrará otras ocho calles entre esta semana y el mes de abril.* Available at: <https://inlnk.ru/WEV5n> (accessed: 23 April 2021).
25. *Ayuntamiento de Jaén. Listado de cambio de nombre de calles de la ciudad de Jaén.* Available at: <https://inlnk.ru/bn7N4> (accessed: 21 April 2021).
26. *El Ayuntamiento de Lugo infringe la ley de Memoria Histórica.* Available at: <https://inlnk.ru/WNG7n> (accessed: 21 April 2021).
27. *Santander quiere cambiar el nombre de 24 calles franquistas.* Available at: <https://inlnk.ru/bkxAo> (accessed: 21 April 2021).
28. *Madrid cambiará antes del verano el nombre de 30 calles franquistas.* Available at: <https://inlnk.ru/r3k1z> (accessed: 23 April 2021).
29. *Madrid cambia el nombre a 30 calles franquistas.* Available at: <https://inlnk.ru/O1B6V> (accessed: 23 April 2021).
30. *Madrid propone cambiar el nombre de 47 calles para retirar referencias franquistas.* Available at: <https://inlnk.ru/qO47p> (accessed: 23 April 2021).
31. *El Comisionado propone cambiar el nombre de 47 calles y dedicar uno al 11-M.* Available at: <https://inlnk.ru/XOLJa> (accessed: 23 April 2021).
32. *El Comisionado de Memoria Histórica declara que el cambio de nombre de 52 calles franquistas en Madrid procede por ser una “exaltación” de la Guerra Civil.* Available at: <https://inlnk.ru/rLG3w> (accessed: 28 April 2021).
33. *El Ayuntamiento de Madrid comienza a cambiar las placas de las calles franquistas.* Available at: <https://www.elmundo.es/madrid/2018/04/26/5ae1bd7222601dde1e8b45b1.html> (accessed: 28 April 2021).
34. *Número de calles dedicadas a Franco en España.* Available at: <https://www.epdata.es/datos/numero-calles-dedicadas-franco-espana/505> (accessed: 6 May 2021).
35. *Insumisos de la Memoria Histórica: las 94 calles donde Franco todavía sigue presente.* Available at: https://www.elconfidencial.com/espana/2020-02-29/calles-franco-jose-despieceantonio-ley-memoria-historica_2473555/ (accessed: 28 April 2021).
36. *Madurez democrática. La ley de memoria promueve positivas mejoras en la relación con el pasado.* Available at: <https://inlnk.ru/ZZ80Y> (accessed: 26 July 2021).

DOI: 10.37482/2687-1505-V155

Elena G. Balan

Peoples' Friendship University of Russia;
ul. Miklukho-Maklaya 10, korp. 2, Moscow, 117198, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-4686> e-mail: balan_el@mail.ru

KEY TRENDS IN THE MEMORIAL URBAN TOPONYMY OF FRANCOIST SPAIN IN THE 20th – 21st CENTURIES

The paper studies urban place names of the era of the Spanish Civil War (from 1936 to 1939) and the dictatorship of Francisco Franco (from 1939 to 1975) in the context of the historical memory in contemporary Spain. The material included academic articles on historical memory, publications in the mass media, pieces of legislation, and data from the National Statistics Institute (Spain). Turning to toponyms allows us to provide insights into the problem of historical memory in Spain after the end of the dictatorship in 1975. The 1977 Amnesty Law (Ley de Amnistía de 1977) stipulated the oblivion of the events of the Franco period so as not to provoke conflict in society. In the late 20th century, the history of the Civil War and Francoist dictatorship needed to be re-examined. The research demonstrates that the current legal framework for memory in Spain is based on the Historical Memory Law (Ley de Memoria Histórica), adopted in 2007. The paper found that the number of urban toponyms containing symbols of the period under study, such as the names of participants in and events of the Civil War and Francoist dictatorship, has decreased significantly in recent years. However, changes in Francoist toponyms are inevitably accompanied by discussions and polemics at the level of local legislatures as well as public commemorative organizations, which are often covered in the media. Thus, the process of renaming continues to be a topical problem for Spain.

Keywords: *Spain's toponyms, urban toponyms, memorial toponymy, historical memory, Franco's dictatorship, toponym renaming.*

Поступила 19.09.2021

Принята 17.12.2021

Received 19 September 2021

Accepted 17 December 2021

For citation: Balan E.G. Key Trends in the Memorial Urban Toponymy of Francoist Spain in the 20th – 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 61–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V155

УДК 81'36:811.112.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V156

КОЛЕСНИКОВА Олеся Петровна, аспирантка кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация», старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 20 научных публикаций, в т. ч. двух учебников*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4076-1288>

ЭНАНТИОСЕМИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С *ALS WÜRDE* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются особенности грамматической временной формы *Konjunktiv II* и ее употребление в энантиосемичных синтаксических конструкциях с компонентом *als würde*. Исследуются понятие энантиосемии на синтаксическом уровне в немецком языке и понятие асимметрии в синтаксических конструкциях. Материалом исследования послужили произведения из художественной литературы на немецком языке, а также примеры из корпуса немецкого языка DWDS. Основное содержание работы составляет анализ энантиосемичных синтаксических конструкций с *als würde*. При проведении исследования применены следующие методы: метод сравнения, сопоставления и анализа структурно-семантических особенностей энантиосемичных синтаксических конструкций и метод контекстуального анализа. В ходе работы определены синтаксические модели предложений с энантиосемичным значением, а также условия, которые способствуют формированию их противоположного значения. Рассмотрены энантиосемичные синтаксические конструкции в виде сложноподчиненных предложений с придаточным сравнения с *als würde*, в т. ч. с глаголом поведения *tun*, с глаголами «впечатления» *aussehen*, *scheinen*, *klingen*, компонентом *es war* в главном предложении. Исследование выявило, что в данных синтаксических конструкциях присутствует внутренняя энантиосемия, для которой характерна асимметрия формы и содержания. Анализ энантиосемичных синтаксических конструкций с *als würde* показал, что контекст не является важным условием для их распознавания, т. к. в самих конструкциях, а именно в ирреальных придаточных сравнения, уже заложено рассогласование грамматической формы и содержания. По результатам исследования в научный оборот могут быть введены некоторые схемы синтаксических конструкций с энантиосемичным значением, что поможет выявлению подобных конструкций в немецком языке и поспособствует дальнейшему изучению вопросов семантики, стилистики и синтаксиса немецкого языка.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, энантиосемия, контекст, *Konjunktiv II*, языковая асимметрия, придаточные предложения сравнения, энантиосемичное значение, синтаксис немецкого языка.

*Адрес: 344010, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1; e-mail: Ole-ole-olesija@yandex.ru

Для цитирования: Колесникова О.П. Энантиосемичные синтаксические конструкции с *als würde* в немецком языке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 73–79. DOI: 10.37482/2687-1505-V156

Существует довольно много лингвистических работ, посвященных исследованию предложений, их структурных и семантических особенностей, а также выражения в них противоположности. Понятие энантиосемии рассматривалось на лексическом, морфологическом и фразеосинтаксическом уровнях такими исследователями, как В.Ю. Меликян [1], Г.Н. Острикова [2], и др. Исследования энантиосемии на синтаксическом уровне крайне немногочисленны, поэтому представляется актуальным изучение значений синтаксических конструкций, план содержания которых противоположен их языковой форме, а также выявление определенных схем энантиосемичных синтаксических конструкций.

Цель данной работы – исследование энантиосемичных синтаксических конструкций с *als würde* с учетом их структурно-семантических особенностей, а также рассмотрение грамматической временной формы *Konjunktiv II*, которая является основой данных конструкций. Задачи исследования заключаются в следующем: 1) изучить возможности влияния контекста на реализацию противоположного значения исследуемых языковых единиц; 2) выявить на материале исследования энантиосемичные синтаксические конструкции с компонентом *als würde* и описать их структурно-семантические особенности; 3) определить некоторые схемы синтаксических конструкций, имеющих энантиосемичное значение, с компонентом *als würde*.

Исследование проводилось с помощью методов описания, сравнения, сопоставления и контекстуального анализа структурно-семантических особенностей энантиосемичных синтаксических конструкций на примерах из произведений художественной литературы и публицистических статей, которые были найдены методом сплошной выборки. Материалом исследования послужили следующие произведения на немецком языке: «Волшебники» Льва Гроссмана („Die Zauberer von Fillory“), «Сумерки» Стефании Майер („Biss zum Morgengrauen“) – и корпус немецкого языка DWDS, включающий примеры из газеты „Die Zeit“.

В начале работы следует остановиться на определении синтаксической конструкции с энантиосемичным значением. В «Большой российской энциклопедии» приводится следующая дефиниция: «Синтаксическая конструкция – сочетание слов... представляющее собой синтаксическую единицу – словосочетание, предложение, а также вообще любое относительно законченное высказывание» [3]. Учитывая, что для категории энантиосемии главным критерием является понятие противоположности, энантиосемичная синтаксическая конструкция будет иметь свои особенности [4]. Для синтаксической конструкции с энантиосемичным значением возможно, как и для лексического энантионима, «совмещение в одной звуковой или графической форме двух противоположных значений» [5]. Данная черта характерна для устойчивых синтаксических структур, обладающих структурной и семантической слитностью компонентов и сближающихся с фразеологическими единицами [6].

У энантиосемичных синтаксических конструкций с *als würde* существуют свои особенности, на которых мы остановимся подробнее. Прежде всего, необходимо рассмотреть данные предложения с точки зрения грамматики немецкого языка. Наличие в исследуемых конструкциях компонента *als würde* показывает, что в них употребляется форма *Konjunktiv II*. Исследованием грамматической временной формы *Konjunktiv II* занимались выдающиеся теоретики немецкой грамматики В. Юнг [7], Е.И. Шендельс [8] и занимаются современные исследователи: Е.Я. Ишметьева [9], А.В. Павлова [10], А.С. Ноздрина [11] и др.

Обычно предложения с *als würde* являются сложными, а именно сложноподчиненными, состоящими из главного и придаточного предложений. Главное предложение выражает реальное утверждение, его сказуемое находится в изъявительном наклонении. Придаточные предложения с *als würde* представляют собой придаточные сравнения. Глагол в придаточном предложении употребляется во временной форме *Konjunktiv*

II, а именно в форме *Konditionalis I*. Данная грамматическая форма состоит из вспомогательного глагола *werden* в форме *Präteritum Konjunktiv (würde)* и смыслового глагола в форме *Infinitiv* [7], она часто употребляется вместо других, более сложных и мало употребительных форм *Konjunktiv*.

Принято считать, что предложение с *als würde* выражает мнимость происходящего события или утверждения, а также переводится с использованием союза *как будто*. На основании этого можно сказать, что синтаксические конструкции с *als würde* выражают мнимое, нереальное утверждение, которое может иметь другой, противоположный смысл (т. е. то, чего не может быть на самом деле). Таким образом, форма исследуемых конструкций находится в противоречии с содержанием: если форма имеет утвердительное значение, то содержание – отрицательное, и наоборот. В процессе исследования нами замечено, что энантиосемичные синтаксические конструкции с *als würde* встречаются в немецком языке очень часто.

Сначала рассмотрим сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями сравнения, относящиеся к классическим синтаксическим конструкциям с *als würde*: «<Pron₁ [N₁]> + V_{init} (so), als würde Pron₁ [N₁] + (N_{Akk}) + ... + (nicht) V_{inf}». Например: *Die Leere und Monotonie der Antarktis hypnotisierte sie. Der wandernde Schnee draußen gab für kurze Zeit einen niedrigen dunklen Schiefertonnücken frei, das einzige topographische Zeichen in einer gesichtslosen Welt. Die Studierenden beobachteten ihn vom Dach aus, als würden sie fernsehen. Es erinnerte Quentin an die Wüste in die Wanderdüne – erstaunlich, denn er hatte schon seit Ewigkeiten nicht mehr an Fillory gedacht* [12]. Синтаксическая конструкция *Die Studierenden beobachteten ihn vom Dach aus, als würden sie fernsehen* (Обучающиеся наблюдали за ним с крыши, как будто смотрели телевизор) по своей структуре является

утвердительной, а что касается содержания, то понятно, что обучающиеся не смотрели телевизор, а лишь сложилось такое впечатление, т. к. они наблюдали за происходящим с крыши (т. е. оно отрицательное). Соответственно, содержание синтаксической конструкции противоположно форме выражения, а значит, данная конструкция является энантиосемичной.

Рассмотрим следующий пример: *Dann ließ das Ungeheuer seine Beute los, eifrig kauend, und Penny fiel rücklings in den Sand. Arteriell Blut spritzte in Fontänen aus den Stümpfen. Dann rollte sich Penny herum und begrub seine Arme unter sich. Seine Beine zappelten, als würden ihn Stromstöße durchzucken. Er schrie nicht, aber verzweifelt Schnaufen klang von der Stelle, an der sein Gesicht in den Sandboden gedrückt war. Seine Sneaker scharrten im Schmutz* [12]. В энантиосемичной синтаксической конструкции *Seine Beine zappelten, als würden ihn Stromstöße durchzucken* (Его ноги ерзали, как будто его пронзило током) снова можно наблюдать несогласование формы и содержания предложения. По форме синтаксическая конструкция является утвердительной, но по содержанию она имеет противоположное значение. Ведь на самом деле ноги героя не пронзились электрическим током, ему лишь так казалось, т. е. от боли возникло такое ощущение.

В следующем примере: *Hingegen sieht es derzeit so aus, als würde den Amerikanern alles Geld der Welt nicht helfen* (Die Zeit. 2017. 24 авг. (№ 35))¹ – придаточное предложение содержит отрицательную частицу *nicht*, что говорит об отрицательной форме выражения, а содержание, наоборот, является положительным. Отсюда видно, что в синтаксической конструкции присутствует асимметрия формы и содержания, соответственно, данная конструкция является энантиосемичной.

Проанализируем некоторые варианты энантиосемичных синтаксических конструкций в виде сложноподчиненного предложения с при-

¹URL: <https://www.dwds.de/r/?corpus=zeit&q=Hingegen%20sieht%20es%20derzeit%20so%20aus%2C%20als%20würde%20den%20Amerikanern%20alles%20Geld%20der%20Welt%20nicht%20helfen> (дата обращения: 11.09.2021).

даточным сравнения с *als würde*. На наш взгляд, можно выделить синтаксическую конструкцию, в которой главное предложение содержит глагол *tun* (делать, поступать, делать вид): «<Pron₁ [N₁]> + V_{fin} **tun** (**tat(en)** (Prät.) (so), **als würde** Pron₁ [N₁] + (N_{Akk}) + (**nicht**) V_{inf}». Глагол *tun* относят к глаголам поведения, после которых часто следуют придаточные предложения сравнения.

Рассмотрим пример: *Josh schlief auf dem Quadrat ein, das er eigentlich hätte verteidigen sollen, und streckte sich über eine ganze Reihe aus. Eliot öffnete Janet nach und Janet tat so, als würde sie wütend. Alice zog die Schuhe aus und planschte mit den Füßen in einem derzeit nicht umkämpften Wasserquadrat* [12]. Здесь снова наблюдается рассогласование формы и содержания: *Janet tat so, als würde sie wütend* (Джанет сделала вид, что она сердита). Понятно, что героиня сделала вид, притворилась, т. е. на самом деле не была сердитой. Важно, что в значении данного предложения появляется отрицание, которого нет в самой структуре предложения, именно это и подтверждает, что перед нами энантисемичная синтаксическая конструкция.

Следующий пример: „Aber sicher.“ *Er signalisierte mit der Hand, dass ich mich nicht abhalten lassen sollte. „Und du bleibst, wo du bist“, sagte ich und versuchte, streng zu gucken. „Ja, Ma'am.“ Er tat so, als würde er sich auf meiner Bettkante in eine Statue verwandeln. Ich sprang auf, klaubte meinen Schlafanzug vom Boden, nahm den Waschbeutel vom Tisch und schlüpfte nach draußen* [13] – также содержит энантисемичную синтаксическую конструкцию с асимметрией формы и содержания. В структуре предложения *Er tat so, als würde er sich auf meiner Bettkante in eine Statue verwandeln* нет формального отрицания, но смысл подразумевается противоположный. Герой лишь сделал вид, что превратился в статую, но на самом деле не превращался, т. к. это невозможное действие. Данному энантисемичному переосмыслению способствует и глагол выражения *tun*.

Далее рассмотрим энантисемичную синтаксическую конструкцию в виде сложноподчиненного предложения, в котором главное (безличное) предложение состоит только из грамматической основы и соединяется при

этом с придаточным предложением сравнения: «**Es war, als würde(-n) Pron₁ [N₁] + (N_{Akk}) + (**nicht**) V_{inf}**». Например: *Es war unglaublich. Der allernäivste, glücklichste, kindisch-schönste Traum seiner frühen Jugend war wahr geworden. Mein Gott, wie sehr er sich in allem geirrt hatte! Er holte tief Luft. Und noch einmal. Es war, als würde weißes Licht ihn durchfluten. Er hatte gar nicht gewusst, dass er so glücklich sein konnte! Alles, was ihn bedrückte – Janet, Alice, Penny, alles –, verblasste daneben zur Bedeutungslosigkeit* [12]. В данном примере синтаксическая конструкция *Es war, als würde weißes Licht ihn durchfluten* (Как будто белый свет пронизывал его) является энантисемичной: выражение по форме положительное, а по содержанию – отрицательное. Понятно, что говорится о нереальном действии, т. е. свет не пронизывал героя, а лишь сложилось такое впечатление.

Рассмотрим следующий пример: *Die Jagd nach dem Suchmich-Tier führte ihn an den Rand der ausgedehnten Nördlichen Sümpfe, dann zurück nach Süden, am Großen Brombeerstrauch vorbei, anschließend wieder nach Norden und in westlicher Richtung durch die Finsterwälder bis hinunter zum öden weiten, leise gluckernden Unteren Delta. Es war, als würde er Orte besuchen, die er bereits in seinen Träumen gesehen hatte. Er trank aus den Flüssen, schlief auf dem Boden und aß Wild, dass er über dem offenen Feuer briet – er war inzwischen ein ganz passabler Bogenschütze, und wenn er auf natürliche Weise nichts traf, half er mit Magie ein wenig nach* [12]. Синтаксическая конструкция *Es war, als würde er Orte besuchen, die er bereits in seinen Träumen gesehen hatte* является энантисемичной, т. к. в ней можно увидеть рассогласование формы и содержания. Придаточное предложение с *als würde* указывает на ирреальное действие: на самом деле герой не посещал указанные места, но вел себя так, как будто там уже бывал. Соответственно, данное выражение несет противоположное форме значение.

Следующая энантисемичная синтаксическая конструкция привлекательна тем, что в главном предложении сказуемое представлено глаголами восприятия (глаголами «впечатле-

ния»), после которых зачастую употребляется придаточное предложение сравнения. Впечатление выражается говорящим путем сравнения. К основным глаголам «впечатления» относят: *aussehen* (выглядеть; иметь вид; быть похожим), *sich anfühlen* (быть на ощупь), *klingen* (звучать), *den Eindruck machen* (производить впечатление), *scheinen* (казаться) и т. п.

Такая энантиосемичная синтаксическая конструкция соответствует схеме «<Pron₁ [N₁]> + V_{fin} (aussehen, klingen, ...) (so), als würde + Pron₁ [N₁] + (N_{Akk}) + ... + (nicht) V_{inf}»: *Als Jasper, um Edwards unfehlbare Fangkünste zu umgehen, einen Ball ganz flach über den Boden schlug... begrifflich, dass es noch einen zweiten Grund dafür gab, warum sie nur bei Gewitter spielen konnten: Es klang, als würden zwei mächtige Felsbrocken ineinanderkrachen. Erschrocken sprang ich auf, doch offenbar waren beide unversehrt* [13]. В синтаксической конструкции с глаголом *klingen* – *Es klang, als würden zwei mächtige Felsbrocken ineinanderkrachen* (Раздался звук, как будто два мощных валуна с грохотом столкнулись) – лишь сам звук создает впечатление столкновения, но в реальности никакие валуны не сталкивались. Соответственно, и в этой синтаксической конструкции можно наблюдать расхождение формы и содержания, где форма положительная, а содержание отрицательное. Это свидетельствует о том, что данная синтаксическая конструкция также является энантиосемичной.

Рассмотрим энантиосемичную синтаксическую конструкцию, в которой сказуемое в главном предложении выражено глаголом восприятия *aussehen* (выглядеть): „Aber“, *wartete sie eindringlich, „nur die Tapfersten können darauf hoffen, den Thron zu erlangen. Versteht ihr? Nur die Allertapfersten!“ Farvel sah aus, als würde er jeden Moment eine visköse, saftige Träne hervorpressen. Gott, was für eine Rede. Quentin hätte sie fast Zeile für Zeile für ihn rezitieren können* [12]. В выражении *Farvel sah aus, als würde er jeden Moment eine visköse, saftige Träne hervorpressen* (Фарвел выглядел,

как будто мог в любой момент выдавить вязкие, обильные слезы) в главном предложении употребляется глагол «впечатления» *aussehen* в форме *Präteritum*, далее следует придаточное предложение сравнения. Отметим, что ни в главном, ни в придаточном предложении нет отрицания, т. е. по форме предложение утвердительное, а по содержанию является отрицательным, т. к. на самом деле персонаж выглядел, как будто он выполнял это действие, такое сложилось впечатление, но в реальности он этого не совершал. Соответственно, можно сделать вывод, что данная синтаксическая конструкция имеет энантиосемичное значение.

Как было указано выше, глагол *scheinen* (казаться) тоже относится к глаголам «впечатления» и часто после него употребляются придаточные сравнения. Например: *Es scheint, als würde es für ihn kein Leben außerhalb der Disziplin geben, als müsse er sich permanent mit anderen messen* (Die Zeit. 2017. 13 дек. (№ 51))². В синтаксической конструкции *Es scheint, als würde es für ihn kein Leben außerhalb der Disziplin geben* (Казалось, как будто у него нет жизни вне дисциплины) наблюдается отрицание в придаточном предложении, выраженное отрицательным местоимением *kein*, т. е. по форме данное выражение отрицательное, но имеет положительное значение (содержание). Следовательно, ввиду расхождения формы и содержания в данной синтаксической конструкции, можно говорить о ее энантиосемичном значении.

Исследование выявило, что энантиосемичные синтаксические конструкции в виде сложноподчиненных предложений с глаголом поведения *tun*, компонентом *es war*, глаголами «впечатления» в главном предложении и следующим после них придаточным предложением с *als würde* часто встречаются в немецком языке. В этих синтаксических конструкциях всегда присутствует рассогласование формы и содержания, что говорит об их внутренней энантиосемичности. Анализ данных синтаксических конструкций показал, что нет

²URL: https://www.dwds.de/r/?q=als+würde+&corpus=zeit&date-start=1946&date-end=2018&format=full&sort=date_desc&limit=50 (дата обращения: 11.09.2021).

необходимости изучать контекст, в котором они употреблены. Это свидетельствует о том, что в сложноподчиненных предложениях с придаточным сравнения уже заложена асимметрия грамматической формы и содержания самого придаточного. В придаточном предло-

жении сравнения с *als würde* действие является ирреальным, оно выражает не то, что есть на самом деле, а противоположное обозначенному. Благодаря выделенным схемам энантиосемичных синтаксических конструкций, можно легко определять и маркировать их в немецком языке.

Список литературы

1. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Феномен синтаксической семиоимпликации // *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*. 2018. Т. 53. С. 348–368. DOI: [10.11649/sfps.2018.021](https://doi.org/10.11649/sfps.2018.021)
2. Острикова Г.Н. Специфика функционирования энантиосемичных устойчивых синтаксических структур // *Вопр. когнит. лингвистики*. 2017. № 3(52). С. 148–154.
3. Лопатина Л.Е. Синтаксическая конструкция // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Ostriкова G.N., Melnik A.D. The Features of Phraseological Structures Functioning in the Dialogic Text, Based on German Prose // *Eur. Proc. Soc. Behav. Sci.* 2020. Vol. 95. P. 716–722. DOI: [10.15405/epsbs.2020.11.03.76](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.76)
5. Острикова Г.Н., Колесникова О.П. О некоторых вопросительных предложениях с энантиосемичным значением в немецком языке // *Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 16–17 мая 2019 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2019. С. 89–92.
6. Острикова Г.Н. Об экспрессивности энантиосемичных лексических фразеологизмов в немецком языке // *Гуманит. и соц. науки*. 2013. № 4. С. 159–167. URL: http://hses-online.ru/2013/04/10_02_19/18.pdf (дата обращения: 09.09.2021).
7. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: VEB Bibliographische Institut, 1980. 488 s.
8. Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) // *Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та ин. яз. им. М. Тореза*. М.: МГПИИЯ, 1959. Т. XIX. С. 104–110.
9. Ишметьева Е.Я. Об особенностях использования формы Конъюнктив II в грамматике немецкого языка // *Новая наука: Проблемы и перспективы*. 2016. № 115-3. С. 131–133.
10. Павлова А.В. Несовпадение в употреблении сослагательного наклонения (Конъюнктив) в русском и немецком языках // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы IV междунар. науч.-практ. конф.*: в 2 т. Т. 2. Филология и другие науки. Самара: ПГСГА, 2009. С. 281–283.
11. Ноздрина А.С. Грамматика Е.И. Шендельс в новом формате восприятия. На примере изучения форм сослагательного наклонения (der Konjunktiv) // *Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та*. Гуманит. науки. 2019. Вып. 1(817). С. 269–284.
12. Grossman L. *Fillory: Die Zauberer*. Fischer Taschenbuch, 2010. 624 s.
13. Meyer S. *Biss zum Morgengrauen*. Carlsen Verlag GmbH, 2017. 514 s.

References

1. Melikyan V.Yu., Melikyan A.V. The Phenomenon of Syntactic Semioimplication. *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*, 2018, vol. 53, pp. 348–368. DOI: [10.11649/sfps.2018.021](https://doi.org/10.11649/sfps.2018.021)
2. Ostriкова G.N. Spetsifika funktsionirovaniya enantiosemychnykh ustoychivykh syntaksicheskikh struktur [Enantiosemic Fixed Syntactic Structures: Specifics of Functioning]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2017, no. 3, pp. 148–154.
3. Lopatina L.E. Sintaksicheskaya konstruktsiya [Syntactic Construction]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopaedia]. Available at: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679> (accessed: 10 September 2021).
4. Ostriкова G.N., Melnik A.D. The Features of Phraseological Structures Functioning in the Dialogic Text, Based on German Prose. *Eur. Proc. Soc. Behav. Sci.*, 2020, vol. 95, pp. 716–722. DOI: [10.15405/epsbs.2020.11.03.76](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.76)
5. Ostriкова G.N., Kolesnikova O.P. O nekotorykh voprositel'nykh predlozheniyakh s enantiosemychnym znacheniem v nemetskom yazyke [On Some Interrogative Sentences with Enantiosemic Meaning in the German Language]. *Problemy issledovaniya i prepodavaniya inostrannykh yazykov v polikul'turnom prostranstve* [Challenges of Foreign Language Research and Teaching in a Multicultural Space]. Krasnodar, 2019, pp. 89–92.
6. Ostriкова G.N. Ob ekspressivnosti enantiosemychnykh leksicheskikh frazeologizmov v nemetskom yazyke [On the Expressiveness of Enantiosemic Lexical Phraseological Units in German]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2013, no. 4, pp. 159–167. Available at: http://hses-online.ru/2013/04/10_02_19/18.pdf (accessed: 9 September 2021).
7. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: VEB Bibliographische Institut, 1980. 488 s.

8. Shendel's E.I. Otritsanie kak lingvisticheskoe ponyatie (na materiale nemetskogo yazyka) [Negation as a Linguistic Concept (Based on the German Language)]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov im. Morisa Toreza* [Proceedings of Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages]. Moscow, 1959. Vol. 19, pp. 104–110.

9. Ishmet'eva E.Ya. Ob osobennostyakh ispol'zovaniya formy Konjunktiv II v grammatike nemetskogo yazyka [On the Use of the Konjunktiv II in German Grammar]. *Novaya nauka: Problemy i perspektivy*, 2016, no. 115-3, pp. 131–133.

10. Pavlova A.V. Nesovpadenie v upotreblenii soslagaatel'nogo nakloneniya (Konjunktiv) v russkom i nemetskom yazykakh [Discrepancy Between the Use of the Subjunctive Mood (Konjunktiv) in Russian and German]. *Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy. T. 2. Filologiya i drugie nauki* [Higher Education in the Humanities in the 21st Century: Problems and Prospects. Vol. 2. Philology and Other Disciplines]. Samara, 2009, pp. 281–283.

11. Nozdrina A.S. Grammatika E.I. Shendel's v novom formate vospriyatiya. Na primere izucheniya form soslagaatel'nogo nakloneniya (der Konjunktiv) [E.I. Shendel's Grammar in a New Format of Perception. The Case of Conjunctive Mood Forms (der Konjunktiv)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 1, pp. 269–284.

12. Grossman L. *Fillory: Die Zauberer*. Fischer Taschenbuch, 2010. 624 p.

13. Meyer S. *Biss zum Morgengrauen*. Carlsen Verlag GmbH, 2017. 514 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V156

Olesya P. Kolesnikova

Don State Technical University;

pl. Gagarina 1, Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4076-1288> e-mail: Ole-ole-olesija@yandex.ru

ENANTIOSEMIC SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH *ALS WÜRDE* IN GERMAN

This paper discusses the grammatical tense form *Konjunktiv II* and its use in enantiosemic syntactic constructions with the *als würde* component. The concept of enantiosemy at the syntactic level in the German language and the concept of asymmetry in syntactic constructions are investigated. The research material included fiction in German and examples from the German DWDS corpus. The main content of the work is the analysis of enantiosemic syntactic constructions with *als würde*. The following methods were used: comparison and analysis of the structural and semantic features of enantiosemic syntactic constructions and contextual analysis. During the research, syntactic models of sentences with enantiosemic meaning were identified, as well as conditions contributing to the development of their opposite meaning. The paper studied enantiosemic syntactic constructions in the form of complex sentences with an adverbial clause of comparison with *als würde*, including the verb of behaviour *tun* and verbs of impression *aussehen*, *scheinen*, *klingen*, as well as with the component *es war* in the main clause. The research revealed that enantiosemy, which is characterized by asymmetry of form and content, is inherent in these syntactic constructions. The analysis of enantiosemic syntactic constructions with *als würde* demonstrated that they do not require context in order to be recognized, since the discrepancy between grammatical form and content is inherent in the constructions, namely, in the adverbial clauses of comparison expressing an unreal action. According to the results, certain schemes of syntactic constructions with enantiosemic meaning can be introduced into scientific discourse, which can help identify such constructions in the German language and facilitate further research into the issues of German semantics, stylistics, and syntax.

Keywords: syntactic construction, enantiosemy, context, *Konjunktiv II*, linguistic asymmetry, adverbial clauses of comparison, enantiosemic meaning, German syntax.

Поступила 24.09.2021

Принята 11.01.2022

Received 24 September 2021

Accepted 11 January 2022

For citation: Kolesnikova O.P. Enantiosemic Syntactic Constructions with *als würde* in German. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 73–79. DOI: 10.37482/2687-1505-V156

УДК [81'22+81'42]:81'27

DOI: 10.37482/2687-1505-V157

*МАДЖАЕВА Санья Ибрагимовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета. Автор более 100 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

*КИСЛЯКОВА Евгения Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Автор более 60 научных публикаций***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6425-9829>

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗДОРОВЫХ И БОЛЬНЫХ

Рассматриваются особенности языковой картины мира в коммуникативном пространстве здорового и больного общества. Анализируются примеры вербализации значимых составляющих здоровья и болезни человека. Материалом работы послужили результаты анкетирования, тексты СМИ, телевизионные проекты. На основе изученного материала выделены условия формирования языковой картины мира здоровых людей (настрой на позитивное мышление, лингвоэкологический мониторинг употребления языка и соответствующие регулятивные меры государственной языковой политики, усиление коммуникативного компонента в образовательных программах школ и вузов) и больных (воздействие на коммуникативное сознание человека при помощи навязывания языковой игры в телевизионных проектах, использование негативной лексики/информации в текстах СМИ, засорение языка). Установлено, что языковая картина мира здорового/больного человека напрямую зависит от особенностей языкового сознания, формирующегося под влиянием нескольких факторов, одним из которых является язык, играющий важную роль в процессе конструирования когнитивных и вербальных структур общественного сознания. Отмечено, что любое общество подвержено разделению на больных и здоровых людей по категориальному признаку инакости, актуализирующему значимые различия в их коммуникативном поведении и употреблении языка, что отражается на содержании языковой картины мира, которую можно представить в виде семантического поля с ядерной и периферийной зонами. Ядро репрезентирует здоровое общество, периферия – больное. На вербальном уровне в картине мира здорового/больного отражены различные области жизнедеятельности человека, сопряженные с негативным или позитивным отношением к ним. В этом ключе здоровое общество мыслится как более позитивное и экологичное в плане общения, а больное общество – как более негативное и неэкологичное. Для устранения риска сбоев в общении необходимо создание условий экологичного коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: языковая картина мира, здоровый/больной, общество, речь, ино-образ, коммуникативная категория инакости, коммуникативное пространство.

*Адрес: 414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121; e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

**Адрес: 400005, г. Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, д. 27; e-mail: kisjen@rambler.ru

Для цитирования: Маджаева С.И., Кислякова Е.Ю. Языковая картина мира в коммуникативном пространстве здоровых и больных // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 80–89. DOI: 10.37482/2687-1505-V157

Общество как сфера человеческого бытия включает в себя жизнь и деятельность людей как носителей складывающихся между ними многообразных связей и отношений. Человек с его сознанием, речью, лексикой, способностью к целеполаганию является субъектом общества. В нем «интегрированы природные и социальные компоненты мира» [1, с. 1022]. Состояние здоровья человека – значимая для общества социальная проблема, которая отражается в экологической картине мира – разновидности общенаучной картины мира. Современное общество находится в состоянии риска, т. к. происходит крушение традиционных начал, одним из которых является язык. Большую роль играет образ жизни человека, который можно рассматривать как совокупность следующих составляющих: уровень, качество, стиль и уклад жизни. Для того, чтобы общество не страдало от болезней человека, необходимо формирование здорового общественного сознания, в т. ч. и при помощи языка. Изменение образа жизни влияет на язык и речь, что можно верифицировать пандемией, которая внесла свои коррективы в жизнь общества.

Тема здоровья человека занимает одно из важных мест в исследованиях о языке и речи (см. работы Н.Г. Архиповой [2], С.В. Ионовой [3], С.В. Троян [4], В.И. Шаховского [5]). Нарушения функционирования языка, стирание его стилистических норм не может не отразиться на развитии общества (социальное отторжение, маргинализация общества, потеря интеллектуального потенциала). Данные процессы начинают «навязываться» сознанию человека, который осмысливает действительность в заданных языком категориях.

Цель данной статьи – выявление особенностей языковой картины мира в здоровом и больном социуме. Здоровые и больные люди смотрят на мир с позиции своего здоровья или своей болезни и возможности выздоровления. Взгляды на жизнь, представления о жизни, картина мира человека искажаются в зависимости от сложности его заболевания. Представления о мире у больного и здорового человека имеют

характеристики, более или менее соответствующие объективной реальности.

Здоровое и больное общество: определение понятий. Анализ понятия *здоровье* выявил более 90 определений в разных языках. В целом они сводятся к тому, что *здоровье* представляет собой: *отсутствие недуга; способность организма выполнять свои функции, в т. ч. и социальные; приспособление к постоянно изменяющимся условиям внешней среды;* и т. д. В нашем понимании *здоровье* – это не только отсутствие болезней и физических дефектов, но и состояние полного физического, душевного и социального благополучия, главный ресурс социального, экономического и индивидуального развития, а также важнейший параметр качества жизни, т. е. полноценная и полноценная жизнь [1, с. 336].

Многие лингвисты (В.И. Карасик, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.В. Урысон, Н.В. Уфимцева и др.) считают, что языковое сознание следует изучать экспериментальным путем, т. к. это обеспечивает наблюдение именно той реальности, которая и подлежит обобщению без ее редуцирования [6–9]. Сознание отдельного индивида целостно и уникально и реализует, манифестирует себя каждый раз в речевом действии, а процесс и результат наблюдения за множеством индивидуальных сознаний интерпретируются и обобщаются личностью ученого (или личностями ученых) с позиций его собственных знаний (теории) как характеристика самого объекта наблюдения и познания.

Наблюдаемая в эксперименте активность различных индивидуальных сознаний «очищается» посредством теоретической интерпретации и обобщения от индивидуальных, проходящих, незначимых свойств в пользу наиболее значимых и ценных для цели исследования. Последние как раз и фиксируются в понятии «языковое сознание». Это дает обобщенное представление о значении слова как достояния индивида и позволяет делать выводы о месте и роли конкретного слова в целом в языковом сознании «среднестатистического» представителя некоторой лингвокультуры или социальной

группы вне строгой зависимости от конкретной ситуации использования данного слова, но с сохранением наиболее значимых его свойств [10].

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, целью которого являлось выяснение содержания понятий *здоровье* и *болезнь* в языковой картине мира студентов-медиков. В исследовании приняли участие студенты I и V курсов Астраханского государственного медицинского университета, которым было необходимо ответить на вопросы: *Что такое здоровье? Что такое болезнь? Зависит ли общество от здоровья человека?* В эксперименте участвовало 137 чел. – 101 первокурсник и 36 пятикурсников. Понятие *здоровье* студенты отождествляли с *хорошим настроением, отсутствием боли, желанием жить, писать стихи, рисовать, поехать на море, танцевать* и др. В свою очередь, *болезнь* ассоциировалась с *плохим настроением, нежеланием жить, высокой температурой, болью* (например, слова и выражения *голова трещит, ноет, лежать, спать, нет аппетита* и др.).

На вопрос: *Зависит ли общество от здоровья человека?* – 63 % студентов ответили положительно, 13 % воздержались от ответа, 24 % ответили отрицательно, аргументируя это тем, что общество продолжает развиваться вне зависимости от того, болен человек или здоров. Приведем фразу из одной анкеты: «Всегда есть движущие силы, которые формируют, изменяют общество».

Исследование выявило, что здоровое общество ассоциируется с понятиями: *здоровый образ жизни, т. е. правильное питание, физическая активность, отсутствие вредных привычек, положительная информация, здоровый язык, экологичная коммуникация, стабильная экономика, политика, высокая культура, победы на олимпиадах, забота о человеке, поддержка семьи, положительные эмоции, красивые люди, прекрасная природа* и пр. С другой стороны, *больное общество* имеет такие черты: *слабый человек, слабое здоровье, нестабильная экономика, негативное состояние, недоверие к человеку, наркомания, упадок культуры, нега-*

тивные эмоции, развал, разруха, слабая медицина и пр.

Представленные данные позволили сделать следующие выводы:

1. В сознании студентов-медиков *здоровье* выступает как многоплановое явление, актуализирующееся характеристиками: *хорошее настроение, здоровый цвет лица, отдых, желание танцевать* и т. д. Респонденты выделяют такие категории здоровья, как *состояние/функциональность/деятельность организма*. *Болезнь* также является многоаспектным понятием – ассоциируется со *слабостью/недомоганием/плохим настроением*.

2. Безусловно, *здоровье человека* влияет на общество. Например, распространение инфекций, туберкулеза, ВИЧ, ковида представляет первоначально медицинскую, а затем и социальную проблему. Отсутствие должного внимания к формированию здоровой семьи приводит к ухудшению репродуктивной функции нового поколения. Существенно уменьшаются возможности создания адекватной семьи, способной родить и вырастить здоровых детей. Прошедший 2020 год принес новую инфекцию – COVID-19, которая достаточно сильно повлияла на общество, например на культуру (остановили работу театры, музеи, библиотеки), экономику (отмечаются рост безработицы, инфляция, снижение оборота розничной торговли) и т. д. Перечисленные выше проблемы, мешающие построению здорового общества и ухудшающие возможности отдельно взятой персоны, угрожают развитию страны в целом.

Языковая картина мира здорового и больного общества. Помимо проблем современного общества, перечисленных в предыдущем разделе данной статьи, необходимо особо отметить проблему засорения языка (появление новых слов, исчезновение других, заимствования из сторонних языков). Следовательно, *здоровое общество* изменяется под влиянием болезней? Можно считать, что *больное общество* детерминировано заболеваниями, связанными с духовным неблагополучием, нарушением морально-нравственных норм

и механизмов адаптации к неблагоприятным факторам антропогенно измененной среды в условиях научно-технического прогресса [11, с. 86], изменением языковой среды. Здоровое общество также зависит и от языка, который может как развить культуру, экономику страны, так и привести к утрате самосознания и потере накопившихся знаний. Языковая картина мира человека расширяется, углубляется посредством заимствованных слов, неологизмов, образованных разными способами. И от того, насколько человек владеет языком, зависит его дискурс, его коммуникация.

Языковая картина мира динамична, она изменяется и развивается, и ее фильтрами выступают наше мышление и язык. Образ наших мыслей обыденного, мифического, религиозного, философского, рационального, научного, профессионального сознания становится фильтром соответствующей информации из окружающего нас мира. Общая для всех на входе информация трансформируется в субъективные впечатления, взгляды, суждения и умозаключения. С помощью речи человек описывает мир.

Например, больной ковидом говорит о *нехватке воздуха, кислороде, ИВЛ, безответственности медицинского персонала* и т. д. Его мир функционирует вокруг его болезни и людей, которые лечат его, что свидетельствует о структурировании и ограничении языка и речи социумом и образованием. Следовательно, объективная реальность воспринимается только в рамках системы языка, которой владеет конкретный человек. Если человек не знает значений слов, он не поймет их.

Рассмотрим, к примеру, COVID-19, коронавирусную инфекцию, вызываемую коронавирусом SARS-CoV-2 (2019-nCoV). Наиболее частым осложнением заболевания является *вирусная пневмония*, приводящая к острому респираторному *дистресс-синдрому* и острой дыхательной недостаточности, при которых необходимы *кислородная терапия и респираторная поддержка*. В число осложнений входят *полиорганная недостаточность, септический шок, венозная*

тромбоэмболия, долгосрочные осложнения, называемые *постковидным синдромом*.

Выделенные курсивом медицинские термины понятны не всем больным, поскольку их языковая картина мира уже, чем языковая картина мира специалиста-медика. Поэтому язык больного ограничивает уровень и степень восприимчивости объективной реальности. И только после объяснения врачом значений понятий у пациента изменяются границы восприятия окружающего мира. Особенности знания терминов, в частности медицинских, заключены в специфике специальной структуры знания. Эта структура представляет собой интеграцию нескольких видов знаний: об определенном фрагменте мира, о ментальных формах его отражения в сознании, о языковых формах его репрезентации, а также об оперировании языковыми единицами с целью обработки, хранения и передачи информации [12, с. 198]. Следовательно, как появление новых терминопонятий, так и семантические деривации в функционировании имеющихся единиц языка изменяют картину мира человека, а следовательно, и общества в целом.

Поговорим об информации, которая воздействует на жизнь человека. Рассмотрим это на примере пандемии коронавирусной инфекции. В начале распространения данного заболевания у людей не было тревоги, страха, паники. В СМИ функционировала лексика *Кумай, ковид, Ухань*. Затем появилась фейковая информация, которая превратилась в модные «сториз». И наконец, лексика о ковиде модифицировалась, изменив языковую картину мира человека: вирус стал представляться как *генетическое оружие, инопланетное вторжение*. Это свидетельствует о том, что общество уже нездорово, т. к. быстрое распространение вируса указывает на бессилие медицины, дефицит шприцев и масок и т. д.

Изменяется и семантическое поле самого понятия, обозначающего заболевание. Болезнь вначале называли *пневмония*, затем – *2019 nCoV*, а впоследствии – *COVID-19*. Как утверждают авторы статьи «О словаре эпохи пандемии коронавируса», языковая картина

мира больного общества состоит из слов, репрезентирующих состояние человека, лексики, которая отрицательно воздействует на сознание людей [13], а следовательно, их картина мира изменяется. Е.И. Голованова и С.И. Маджаева приводят примеры возникновения слов, связанных с понятием COVID-19 и новыми социальными реалиями: *ковидиот, ковидный госпиталь, коронабесие, сидидомцы, погуленцы* и др. Они утверждают, что «сама болезнь и ее психологические следствия изменяют картину мира в сознании человека и его повседневное поведение. COVID-19 обнажил проблемы здравоохранения в каждой стране и нанес серьезный урон национальной и мировой экономике в целом, следовательно, общество уже стало больным» [13, с. 48].

Языковую картину мира здорового/больного общества можно представить в виде семантического поля, у которого есть ядерная область и периферийная зона. Ядерная область – это зона *здорового общества*, в то время как периферийная зона представляет *больное общество*. Общество, будь то больное или здоровое, репрезентировано человеком. Если у человека языковая картина мира преимущественно позитивна, то можно говорить о здоровом человеке, следовательно, и о здоровом обществе, если наоборот, то о больном обществе.

Языковая картина мира опредмечивается на вербальном уровне посредством совокупности слов и выражений, репрезентирующих определенную область знаний. Так, для ядерной области языковой картины мира общества характерны слова и выражения: *в здоровом теле здоровый дух, правильное питание, шведские палки, движение, кардиоупражнения, сбросить лишний вес, отдыхать в санатории, дышать воздухом, прогулка, 10 000 шагов, поддерживать форму, вегетарианство, пища органического происхождения, вес, охрана здоровья, вакцинация, тест на холестерин, маски, антисептики, оздоровление, здоровый вид, здоровый румянец* и др.

Языковая картина мира здорового общества содержит слова и словосочетания, отражаю-

щие здоровье, в частности репрезентирует состояние благополучия, при котором человек может реализовывать свой собственный потенциал, справляться с обычными стрессами и плодотворно работать, тем самым укреплять и развивать общество. К ядерной зоне, как мы полагаем, относятся слова, выражающие положительные эмоции: *здоровый вид, розовый язык, умеет справляться с эмоциями, сбалансированный образ жизни* и др. Эти словосочетания характеризуют здоровых людей, благодаря которым страна развивается, а общество совершенствуется. Здоровый человек репрезентирован словосочетаниями: *густые волосы, много энергии, нормальное/свежее дыхание, хорошая циркуляция крови, здоровая кожа, ясные глаза/ясный взгляд, здоровые десны/крепкие зубы, спокойный сон, сбалансированный образ жизни, оптимизм, радость жизни, желание деятельности* и др.

Зона периферии представлена следующими лексемами и их устойчивыми сочетаниями: *нарушение жизнедеятельности, болезнь, лечение, лекарства, расстройства, малоподвижный образ жизни, компьютер, недостаточный уровень двигательной активности, несоблюдение режима дня, нарушение правил гигиены, отеки, сыпь, боль, болезненность* и др. Негативная языковая картина мира содержит лексемы, которые описывают разрушение и ослабление здоровья человека, его болезненное состояние. Больной человек – это *Другая* личность. У него разбалансированы все составляющие его благополучия. Больной – это индивид, отягощенный заботой о здоровье. Это страдающий человек с нарушениями физического/психического/социального благополучия, т. к. он зависим от болезни. Следующие словосочетания характеризуют больного человека: *плохое настроение, ухудшение памяти, урчание в животе, храп, усталость, отеки, слабость, двоение в глазах, давление, головная боль, сыпь, боль, онемение, мышечная слабость, потемнение в глазах, высокая температура* и др.

Необходимо отметить тот факт, что для описания здорового/больного человека используются

метафоры, которые рассматриваются как ментальная операция над концептуальными структурами, заключающаяся в проекции знаний из одной понятийной области в другую; как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [11, с. 55]. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры: здоровый человек представляется метафорами *зуб мудрости, строить глазки, точить зуб, чесать языком, здоров как бык, кровь с молоком, пьет здоровьем, в добром здравии, как огурчик* и др.; больной человек – *поза кучера, заячья губа, куриная слепота, болезнь человека не красит, ноги не держат, гнить на корню, каша в голове, таять на глазах, таять как свечка* и др. Данные словосочетания вызывают эмоции радости, удовлетворения (*пьет здоровьем, как огурчик*), беспокойства, раздражения (*заячья губа, таять как свечка*).

Таким образом, чтобы общество стало и оставалось здоровым, необходимо сохранять здоровье человека, научить его позитивно мыслить. Позитивная языковая картина мира станет условием исцеления мировоззрения и телесных недугов человека. При этом необходимо учитывать, что влияние позитивной языковой картины мира на человека происходит постепенно.

Репрезентация языковой картины мира здорового и больного общества на уровне текста. Сегодня, бесспорно, ведущая роль в формировании коммуникативной культуры, когнитивных структур сознания, задающих общий вектор образа мышления человека, отводится средствам массмедиа. Современный человек с каждым днем все больше и больше становится не просто пользователем, а продуктом массмедийных технологий, подчиняясь логике цифрового кода и практикам манипуляции сознанием [14]. Человек становится конструируемым со стороны общества и, следовательно, предсказуемым и ведомым, что в конечном итоге не способствует развитию общества и делает его нездоровым.

Например, уже сегодня можно отметить «изломы» в языковой картине мира подрастающего поколения, которые вызваны бесконтрольным навязыванием языковой игры, выходящей за

пределы культурного кода русскоязычного социума. Нами был выявлен результат негативно-го массмедийного воздействия на коммуникативное сознание детей на примере телепроекта «Машины сказки». Текстово-смысловые модификации народных сказок в Машинной интерпретации трансформируют код русской культуры и способствуют формированию иных представлений и знаний в сознании ребенка, что ведет к деформации его как языковой личности, в результате это отражается на экологичности его общения с представителями более старшего поколения [15], что, в свою очередь, не может не влиять на психологический климат в семье, который является фактором сохранения физического здоровья человека.

Думается, важными способами осуществления здоровьесберегающей функции в любом человеческом обществе являются лингвоэкологический мониторинг употребления языка и соответствующие регулятивные меры государственной языковой политики (например, штрафование за употребление нецензурной лексики, усиление коммуникативного компонента в образовательных программах школ и вузов и пр.). Все это позволит обеспечить предпосылки формирования здоровой языковой картины мира и здорового общения [5].

Понятия *здоровый/больной* образуют антонимическую пару. Поэтому противопоставление здорового и больного общества свидетельствует об актуализации категории инакости в общении людей, коммуникативных сбоях при попытке создания ино-образа собеседника [16], находящегося в неравных условиях по критерию «здоровый/больной», т. к. в таком случае субъекты коммуникации выступают как антиподы, репрезентируя свои индивидуальные картины мира как «счастливые/несчастливые», «сильные/слабые», «конфликтные/неконфликтные» и пр.

Рассмотрим на примере следующего художественного отрывка, как здоровое либо болезненное восприятие действительности стереотипизирует понимание того или иного общества как позитивного, оптимистичного или депрессивного, болезненного:

Когда Эплбаум попрощался и уехал, Маруся сказала:

– По-моему, он дурак!

Лора возмутилась:

– Просто Джи Кей – типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому. Большинство из них – принципиальные оптимисты... [17].

Приведенный контекст иллюстрирует попытку конструирования ино-образа американца Джи Кея исходя из осознания его принадлежности к более успешной и экономически развитой нации, культуре которой свойствен здоровый и оптимистичный подход к жизни. Для русскоязычной картины мира, которая в приведенном примере характеризуется признаками больного общества (*русские вечно страдают и жалуются*), такой ино-образ не является типичным, и его конструирование может оказаться в некоторых коммуникативных ситуациях либо полностью невозможным (*по-моему, он дурак*), либо требующим определенных когнитивных усилий, направленных на рациональное принятие такого возможного коммуникативного партнера (*американцы устроены по-другому*). Таким образом, в зависимости от того, какие смысловые признаки доминируют в языковой картине мира определенного общества (признаки здорового или

болезненного состояния), будет колебаться параметр экологичности общения.

Заключение. Как показало наше исследование, языковая картина мира здорового/больного человека напрямую зависит от особенностей языкового сознания, формирующегося под влиянием нескольких факторов, в т. ч. языка, которому отводится одна из ведущих ролей в процессе конструирования когнитивных и вербальных структур общественного сознания.

Подводя итоги настоящей работы, отметим, что любое общество подвержено разделению на больных и здоровых людей по категориальному признаку инакости, актуализирующему значимые различия в их коммуникативном поведении и употреблении языка. Это отражается на содержании языковой картины мира, которую можно представить в виде семантического поля с ядерной и периферийной зонами, при этом ядерная зона репрезентирует здоровое общество, а периферия – больное. На вербальном уровне в картине мира здорового/больного общества отражены различные области жизнедеятельности человека, сопряженные с негативным или позитивным отношением к ним. В этом ключе здоровое общество мыслится как более позитивное и экологичное в плане общения, а больное общество – как более негативное и неэкологичное. Для устранения рисков общения в социуме необходимо создание экологичного коммуникативного поля.

Список литературы

1. Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. и сост. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк: ЕЛИМА, Питер, 2006. 1160 с.
2. Архипова Н.Г. Экспликация концептов «Здоровье» – «Болезнь» в современном языковом сознании // Слово: Фольклорно-диалектический альманах: материалы науч. экспедиций. Вып. 3. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 15–28. URL: https://slovo.amursu.ru/volumes/03/03_01/03_01_02/ (дата обращения 02.12.2021).
3. Ионова С.В. Социальные варианты языка в аспекте лингвистической диагностики // Социальные варианты языка – XI: сб. науч. ст. междунар. конф. 9–10 апреля 2020 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 9–17.
4. Троян С.В. Концептуальная оппозиция *больной – здоровый* как векторный скалярно-антонимический комплекс (в лексико-фразеологическом фонде русского языка и в текстах региональных СМИ): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2017. 183 с.
5. Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллект. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 53–61.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
8. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Яз. славян. культуры, 2003. 224 с.
9. Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопр. психолингвистики. 2009. № 10. С. 22–29.
10. Яковлев А.А., Манхирова В.В. Элементы обыденной картины мира в языковом сознании студента по данным ассоциативного эксперимента // Экология языка и коммуникатив. практика. 2017. № 1. С. 38–56.
11. Будаев Э.В. Семантика и прагматика политической метафоры как объект лингвокультурологического исследования // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 6–7 ноября 2007 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 54–64.
12. Маджаева С.И. Перспективы развития терминологии (история терминологии как аргументативный ресурс) // Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения: материалы Междунар. интернет-конф. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2010. С. 193–199.
13. Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2020. № 7(441). Филол. науки. Вып. 121. С. 48–55. DOI: [10.47475/1994-2796-2020-10707](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10707)
14. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 122–134.
15. Кислякова Е.Ю. Детская телепередача как «лингвоэкологическая диверсия» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 4. С. 247–252.
16. Кислякова Е.Ю. Ино-образ в структуре языковой личности как проблема коммуникативистики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 115–121.
17. Довлатов С. Иностранка. 2018. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/inostr.html> (дата обращения: 13.02.2010).

References

1. Mazur I.I., Chumakov A.N. (eds.). *Globalistika: Mezhdunarodnyy mezhdistsiplinarnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Global Studies: An International Interdisciplinary Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 2006. 1160 p.
2. Arkhipova N.G. Eksplikatsiya kontseptov “Zdorov’e” – “Bolezn’” v sovremennom yazykovom soznanii [Explication of the Concepts “Health” – “Disease” in Modern Linguistic Consciousness]. *Slovo: Fol’klorno-dialekticheskiy al’manakh* [The Word: A Folklore and Dialect Miscellany]. Iss. 3. Blagoveshchensk, 2005, pp. 15–28. Available at: https://slovo.amursu.ru/volumes/03/03_01/03_01_02/ (accessed 2 December 2021).
3. Ionova S.V. Sotsial’nye varianty yazyka v aspekte lingvisticheskoy diagnostiki [Social Variation in Language in the Aspect of Linguistic Diagnostics]. *Sotsial’nye varianty yazyka – XI* [Social Variation in Language]. Nizhny Novgorod, 2021, pp. 9–17.
4. Troyan S.V. Kontseptual’naya oppozitsiya bol’noy – zdorovyy kak vektorny skalyarno-antonimicheskiy kompleks (v leksiko-frazeologicheskom fonde russkogo yazyka i v tekstakh regional’nykh SMI) [Conceptual Opposition Sick – Healthy as a Scalar-Antonymic Vector Complex (in the Vocabulary and Phraseology of the Russian Language and in the Texts of Regional Media): Diss.]. Omsk, 2017. 183 p.
5. Shakhovskiy V.I. Modus ekologichnosti v emotsional’noy kommunikatsii [Ecology Modus in Emotional Communication]. Shakhovskiy V.I. (ed.). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguistic Ecology in the Modern Communicative Space]. Volgograd, 2013, pp. 53–61.
6. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007. 314 p.
8. Uryson E.V. *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of Linguistic Worldview Study: Analogy in Semantics]. Moscow, 2003. 224 p.
9. Ufimtseva N.V., Tarasov E.F. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Some Problems of Language Consciousness Study]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2009, no. 10, pp. 22–29.

10. Yakovlev A.A., Mankhirova V.V. Elementy obydennoy kartiny mira v yazykovom soznanii studenta po dannym assotsiativnogo eksperimenta [Elements of Everyday Worldview in the Student's Language Consciousness: An Associative Study]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2017, no. 1, pp. 38–56.

11. Budaev E.V. Semantika i pragmatika politicheskoy metafory kak ob'ekt lingvokul'turologicheskogo issledovaniya [Semantics and Pragmatics of Political Metaphor as an Object of Linguoculturological Research]. *Russkiy yazyk kak sredstvo mezhkul'turnoy kommunikatsii i konsolidatsii sovremennogo obshchestva* [Russian Language as a Means of Intercultural Communication and Consolidation of Modern Society]. Orenburg, 2007, pp. 54–64.

12. Madzhaeva S.I. Perspektivy razvitiya terminologii (istoriya terminologii kak argumentativnyy resurs) [Prospects for the Development of Terminology (the History of Terminology as an Argumentative Resource)]. *Argumentativnaya ritorika v praktike politicheskogo, delovogo i administrativno-pravovogo obshcheniya* [Argumentative Rhetoric in the Practice of Political, Business and Administrative-Legal Communication]. Volgograd, 2010, pp. 193–199.

13. Golovanova E.I., Madzhaeva S.I. O slovare epokhi pandemii koronavirusa [On the Vocabulary of the Coronavirus Pandemic Epoch]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 7. *Filologicheskie nauki*, no. 121, pp. 48–55. DOI: [10.47475/1994-2796-2020-10707](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10707)

14. Solganik G.Ya. Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka [Modern Linguistic Situation and Trends in Development of Russian Standard Language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2010, no. 5, pp. 122–134.

15. Kislyakova E.Yu. Detskaya teleperedacha kak "lingvoekologicheskaya diversiya" [Children's TV Show as "Linguocultural Sabotage"]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 247–252.

16. Kislyakova E.Yu. Ino-obraz v strukture yazykovoy lichnosti kak problema kommunikativistiki [Other-Image in the Structure of Linguistic Personality as a Problem of Communication]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 115–121.

17. Dovlatov S. *Inostranka* [A Foreign Woman]. 2018. Available at: <http://lib.ru/DOWLATOW/inostranka.txt> (accessed: 13 February 2010).

DOI: 10.37482/2687-1505-V157

San'ya I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University;

ul. Bakinskaya 121, Astrakhan, 414000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616> e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Evgeniya Yu. Kislyakova

Volgograd State Socio-Pedagogical University;

prosp. im. V.I. Lenina 27, Volgograd, 400005, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6425-9829> e-mail: kisjen@rambler.ru

LINGUISTIC WORLDVIEW IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE HEALTHY AND THE SICK

This article studies the linguistic worldview of healthy and sick people and its reflection in various spheres of communication. Examples of verbalization of important components of human health and disease are analysed here. For materials, the authors turned to the results of surveys, mass media texts, and TV projects. Based on the data studied, the following conditions for the development of healthy people's linguistic worldview were singled out: positive thinking; linguistic ecological monitoring of language use and appropriate regulations in the state linguistic policy; strengthening the communicative

For citation: Madzhaeva S.I., Kislyakova E.Yu. Linguistic Worldview in the Communicative Space of the Healthy and the Sick. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 80–89. DOI: 10.37482/2687-1505-V157

component in the educational programmes in schools and universities. For the sick, these conditions are: manipulating a person's communicative consciousness by means of language-game in TV projects, using negatively coloured vocabulary/information in mass media texts, and bastardizing the language. The authors established that the linguistic worldview of a healthy/sick person directly depends on his or her linguistic consciousness, which is formed under the influence of several factors, including the language, which plays a major role in creating cognitive and verbal structures of social consciousness. Further, it is noted that any society is prone to being divided into the healthy and the sick by the criterion of otherness, highlighting significant differences in their communicative behaviour and language use, which is reflected in the linguistic worldview that can be presented in the form of a semantic field with a nuclear and a peripheral zone. These zones represent a healthy (nucleus) and a sick (periphery) society. At the verbal level, various spheres of a healthy/sick person's life, perceived positively or negatively, are mirrored in the person's worldview. In this respect, a healthy society is thought of as more positive and ecological in terms of communication, while a sick society is seen as more negative and non-ecological. To prevent risks of failed communication, it is essential to create conditions for ecological communicative interaction.

Keywords: *linguistic worldview, healthy/sick, society, speech, Other-image, communicative category of otherness, communicative space.*

Поступила 11.10.2021

Принята 11.01.2022

Received 11 October 2021

Accepted 11 January 2022

УДК 81.27:[316.72+398.23]

DOI: 10.37482/2687-1505-V158

*РУДОВА Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Волгоградского государственного медицинского университета. Автор 33 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7722-6831>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ (на примере русского и английского юмористического дискурса)

Статья посвящена изучению лингвокультурных особенностей репрезентирования телесности в русских и английских анекдотах. Телесность определена как категория концептуальной картины мира, отражаемая в языковой картине мира концептом *ТЕЛО* в русской лингвокультуре и *BODY* – в английской. Целью данного исследования стало выявление лингвокультурной специфики репрезентирования телесности в юмористическом дискурсе посредством анализа семантики лексических единиц *тело* и *body*, вербализующих одноименные концепты в русском и английском языках. В результате лексико-семантического, концептуального и интерпретативного анализа установлено, что объективация концептов *ТЕЛО* и *BODY* в языковой картине мира носителей каждой из рассматриваемых лингвокультур происходит посредством общих облигаторных понятийных признаков, таких как «материальность/осязаемость», «целостность/делимость на части», «наличие/отсутствие признаков жизни». Выявлено, что облигаторный семантический (понятийный) аспект «материальность/осязаемость» является универсальным для представителей обеих лингвокультур, что обеспечивает однозначную интерпретацию анекдотов, а средством репрезентирования данного признака выступают глаголы-перцептивы. Понятийный признак «целостность/делимость на части» эксплицируется в рассматриваемых лингвокультурах путем номинирования и переосмысления функций следующих частей тела: мозг, лицо, печень – в русской лингвокультуре; глаза, мозг и печень – в англоязычной лингвокультуре. Основными средствами объективации данного понятийного признака являются метафоры, фразеологизмы, черный юмор, апелляции к отрицательно-оценочным суждениям, которые становятся источниками переводческих и коммуникативных ошибок. Семантический признак «наличие/отсутствие признаков жизни» представлен в рассматриваемых лингвокультурах неодинаково, что объясняется тем, что в его репрезентации важную роль играют создание специфических для данных лингвокультур контекстуально-обусловленных коннотаций, проявление культурно маркированного феномена «контраста ожидаемого и неожиданного», характерного для юмористического дискурса.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, юмористический дискурс, анекдот, концепт *ТЕЛО*, телесность, ценностный компонент, русская лингвокультура, английская лингвокультура.

*Адрес: 400125, г. Волгоград, ул. Академика Богомольца, д. 6; e-mail: juliarud@inbox.ru

Для цитирования: Рудова Ю.В. Лингвокультурная специфика репрезентирования телесности (на примере русского и английского юмористического дискурса) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 90–99. DOI: 10.37482/2687-1505-V158

Концептуализация определенного фрагмента действительности отражает то, как данный фрагмент представляется носителям конкретного языка и культуры [1, с. 129]. Концептуализация телесности есть результат представления в языковых знаках знаний о теле в широком смысле; например, объектом осмысления может стать тело как физический, космический, геометрический, биологический (тело человека) объект. Телесность в данном исследовании понимается как категория концептуальной картины мира. Ее коррелятом в языковой картине мира выступает концепт *ТЕЛО* в русской лингвокультуре и *BODY* – в английской. В данной работе объектом анализа стали облигаторные признаки в семантике концептов *ТЕЛО* и *BODY* в анекдотах на русском и английском языках, а предметом анализа – способы репрезентирования данных признаков. Целью данного исследования стало выявление лингвокультурной специфики репрезентирования телесности в юмористическом дискурсе посредством анализа семантики лексических единиц *тело* и *body*, участвующих в вербализации одноименных концептов.

Установление лингвокультурной специфики репрезентирования телесности проводилось с применением методов концептуального, семантического и интерпретативного анализа. Изучение способов репрезентирования концептуальной категории телесности в языковой картине мира на примере концептов *ТЕЛО* и *BODY* позволит выявить межкультурные различия в осмыслении тела, приводящие к коммуникативным помехам и провалам в общении.

В процессе межкультурного общения происходит не только обмен информацией, но и ее ценностное осмысление, предполагающее оценку представлений о моделях и нормах поведения, в т. ч. речевого. Важным подходом в изучении специфики ценностного осмысления является моделирование лингвокультурных концептов. Термином «концепт» в данной работе обозначена ментальная единица упорядочения информации об особенностях восприятия и объективации социокультурно значимых фрагментов действительности. Концепт опре-

деляется как смысловое образование, включающее образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты и получающее формальную репрезентацию при помощи вербальных средств, эксплицитно или имплицитно передающих его содержание.

Представления о теле человека в различных лингвокультурах репрезентируются по-разному, что обусловлено существующими ценностными установками о социально приемлемом в данной культуре статусе тела [2]. Незнание ценностных установок может приводить к искажению воспринимаемой действительности, что в ситуациях межкультурного общения проявляется в виде коммуникативных ошибок [3]. Изучение ценностного компонента в структуре концептов *ТЕЛО* и *BODY* позволит оптимизировать межкультурное взаимодействие, что составляет практическую значимость исследования. Расширение представлений о дискурсивной специфике объективации концептов, лингвокультурных особенностях порождения и трансформации концептуальных смыслов, об источниках коммуникативных неудач в межкультурном общении способствует развитию когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации.

В данной статье на примере анекдота, который в наиболее концентрированном виде передает детерминированные культурой и социумом особенности восприятия тела, мы рассмотрели специфику концептов *ТЕЛО* и *BODY*. В основу изучения данных концептов было положено выявление их лингвокультурных особенностей посредством анализа их структуры, репрезентируемой в русском и английском языках соответственно. Выбор жанра анекдота обусловлен тем, что в них обсуждаются актуальные темы, волнующие людей [4, с. 17] и затрагивающие разные области человеческой деятельности. Транслируя национально-специфические черты, анекдоты представляют собой часть лингвокультуры. Для осуществления успешного общения в рамках юмористического дискурса, черты и тональность [5] которого наблюдаются в дискурсах разного типа, требуется близость мировосприятия адресанта и адресата

[6], которая может достигаться посредством учета особенностей концептуальной и языковой картин мира в отношении определенного объекта осмысления, в нашем случае – тела.

В данной работе анекдот рассматривается нами как письменный текст, фиксируемый на специальных интернет-сайтах. Трансформацию анекдота в письменный жанр связывают со своеобразным «социальным заказом», в соответствии с которым сложилась традиция чтения анекдотов в Интернете, сборниках, газетах и т. д. Подобные анекдоты представляют собой повествование о чем-то комическом, отражаемом в специфических сценариях, разворачивающихся вокруг концепта. В центр таких сценариев положена комическая интенция [7], реализуемая в намерении рассмешить адресата путем высмеивания конкретного объекта/субъекта (например, тела как средства для реализации каких-либо интенций говорящего, отдельных частей или органов тела, выполняющих несвойственные им функции, и т. п.). В анализ были включены 110 русскоязычных анекдотов и 97 анекдотов (jokes) на английском языке о теле, органах и частях тела, взятых с сайтов: <https://anekdoty.ru/pro-telo/page/4/>; <https://anekdotovmir.ru>; <https://anekdoty.ru/pro-ushi/page/2/>; <https://upjoke.com/corpse-jokes>; <https://upjoke.com/corpse-jokes>; <https://www.anekdotovmir.ru/smeshnye-anekdoty-pro-telo/>; <https://vse-shutochki.ru/anekdoty-pro-%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%BE> и др.

Для анализа семантики лексических единиц *тело* и *body*, вербализующих одноименные концепты в русском и английском языках, были изучены дефиниции слов *тело* и *body* в толковых словарях русского языка и современных лингвистических англоязычных словарях [8–13]. В результате установлены их **облигаторные** и **факультативные** признаки. К **облигаторным** признакам лексемы *тело* в русской лингвокультуре были отнесены: 1) материальность/осязаемость; 2) целостность/делимость на части; 3) наличие/отсутствие признаков жизни. В качестве **факультативных** признаков мы выделили непостоянные признаки, на основе

которых образуются многие переносные значения и вторичные номинации в результате таких процессов, как метафоризация, метонимизация и т. п. К факультативным признакам были отнесены возраст тела, его физическое состояние, цвет (кожи) и психологическое восприятие. Анализ дефиниций слова *body* в англоязычных словарях позволил выделить в структуре его значений следующие **облигаторные** признаки: 1) материальность/осязаемость (*the material part of a human being*); 2) целостность (*the entire physical structure*); 3) наличие/отсутствие признаков жизни (*a dead person*). К **факультативным** признакам слова *body* мы отнесли те, которые опосредованно связаны с обозначением аспектов существования биологической материи и репрезентируются при помощи вторичных значений: 1) *body* как ‘состав, группа, коллектив’; 2) *body* как ‘объем, основная/главная часть чего-л.’; 3) *body* как ‘корпус, корабль’ (например, *travel in a body*, *body count*, *the body politic* и т. п.). Отметим, что в данной работе анализировались только облигаторные признаки в семантике рассматриваемых лексических единиц. Значения, в которых выражены их факультативные признаки, будут более детально рассмотрены в другом исследовании.

Лексико-семантический анализ установил, что в русской и английской лингвокультурах облигаторные признаки «наличие/отсутствие признаков жизни», «материальность/осязаемость» и «целостность/делимость на части» в структуре лексических единиц *тело* и *body*, вербализующих в языковой картине мира соответствующие концепты, являются общими, тогда как факультативные признаки в семантике изучаемых единиц отличаются.

В ходе изучения особенностей осмысления концептов *ТЕЛО* и *BODY* установлено, что они репрезентируют общий для обеих лингвокультур облигаторный признак «наличие/отсутствие признаков жизни» посредством использования слов *cadaver*, *dead body* (*body*), *corpse*, *тело*, *труп* (45 словоупотреблений в русском языке и 43 – в английском), что соответствует данным лексико-семантического анализа слов *тело* и *body*

в текстах анекдотов: *I'm so proud of my grandma. At 90 years old she attended medical school. – She's a **cadaver*** (указание на труп); *В реке утонул пьяный. Милиционер пишет: «Акт об утопаниии». Подумал, зачеркнул и написал: «Акт об утопаниии». Еще подумал и написал: «Акт о входе **тела** (указание на живое тело) в воду и о невыходе **тела** (указание на труп) из воды».*

Общей для обеих лингвокультур является объективация семантического признака «наличие/отсутствие признаков жизни» посредством «категорического запрета предполагаемого действия», вербализуемого фразеологизмом *только через мой труп*, образная составляющая которого репрезентируется при помощи соположения двух противоречащих понятий по типу оксюморона – живой человек, воспроизводящий данное высказывание, и труп, мертвое тело (12 словоупотреблений в русском языке и 14 – в английском): *Одесса. На кухне в квартире Рабиновичей: – Мама, я женюсь! – На ком, Фимочка? – На Яне! – Она же не еврейка! Какой позор! Только через мой труп!* (оксюморон); *My wife confessed that she was into necrophilia and asked if we could try it out. – I told her – **over my dead body!*** (оксюморон). Отметим, что употребление фразеологизмов часто приводит к коммуникативным неудачам в межкультурном общении ввиду высокой степени их культурной маркированности, образности и оценочности. В интерпретации фразеологизмов существенную роль приобретают контекст и знание культурно-специфических прагматических presuppositions. Предполагается, что в сознании адресата имеются представления о культурно-значимых стереотипных ситуациях применения, интерпретации и реакций на употребление данных языковых выражений.

В юмористическом дискурсе русской и английской лингвокультур общий семантический признак «наличие/отсутствие признаков жизни» объективируется также посредством апелляции к дихотомии «жизнь-смерть». В отличие от текстов других дискурсов апелляция к категориям жизни и смерти в анекдотах ассоциирована с положительной оценкой и отражает

нейтральное/позитивное отношение к мертвому телу, которое может быть использовано для достижения определенной цели и реализации намеченных планов (22 словоупотребления в русском языке и 19 – в английском): *Приключения бобра-детектива. «Убийство в парке». – Понятия не имею, кто убийца, но посмотрите, где лежит **тело**. Это отличное место для плотины; *Where there's a will... there's a **dead body nearby***. Данный факт объясняется тем, что «комическое обязательно основывается на отступлении от нормы, на противоречии здравому смыслу и общепринятым представлениям» [14, с. 2]. По мнению Т.Г. Кучиной, в основе эстетического эффекта комического лежит принцип «контраста ожидаемого, диктуемого опытом, – и неожиданного, противоречащего ему» [14, с. 2], что вызывает смеховую реакцию адресата на комическое. Для достижения эффекта комического в рассмотренных выше анекдотах показано нейтральное/позитивное отношение к мертвому телу как способу создания плотины, сокрытия улики и т. п.*

Наличие контраста ожидаемого и неожиданного в отношении общепринятых социальных норм и поведения в анекдотах обеспечивает тот перлокутивный эффект, который способствует достижению цели высказывания, а именно реакции в виде смеха. Одновременно «контраст ожидаемого и неожиданного», типичный для всего комического, может создавать препятствия и затруднять межкультурное общение, поскольку то, что социально и культурно маркировано в одной культуре, может быть непонятным или частично понятным в другой. Употребление в анекдотах юмора, в котором обыгрываются убийство, насилие, жестокость, может вызвать значительные затруднения в интерпретации представителями разных лингвокультур.

Наряду с общими для русской и английской лингвокультур способами объективации семантического признака «наличие/отсутствие признаков жизни», в каждой из них выделяются специфические способы объективации, к которым можно отнести смысловую трансформацию облигаторного понятийного признака

«на-личие/отсутствие признаков жизни» путем формирования на его основе вторичного значения «сильно пьяный человек» в русской лингвокультуре. Тело представлено как нечто «неподвижное, не подающее признаков жизни», о чем свидетельствует образное сравнение его с трупом (количество словоупотреблений – 9): *Лежит пьяный на лавочке. Подходит Пушкин, глядит на лежащего и сочиняет: «Лежит недвижимое тело И некому его поднять...». Пьяный открывает один глаз и произносит в ответ: «Тебе-то какое дело? Лежит, нечего поднимать...»*

В английской лингвокультуре также выделен специфический способ объективации семантического признака «наличие/отсутствие признаков жизни». Помимо указания на отсутствие жизни в теле, лексическая единица *corpse* объективирует признак «неудачник/человек, который “угробил” или “завалил” дело» (количество словоупотреблений – 7): *‘Steve Jobs would have been a better president than Trump’*. – *‘Although that isn’t really fair to say, since any other corpse would be too’*. В данном контексте происходит контекстуальное «приращение» коннотативного эмоционально-оценочного компонента к семантике слова *corpse* для выражения отрицательного отношения говорящего к Д. Трампу как президенту. При этом изучение значений данного слова в русскоязычных (*мертвое тело человека или животного*) [8] и англоязычных (*a human or animal body, whether alive or dead*) [10] словарях показало расхождение на уровне не только коннотативного компонента, но и денотативного, что может служить причиной переводческих ошибок и коммуникативных неудач в ситуациях межкультурного общения. Таким образом, лингвокультурная специфика может определять различия как в контекстуально-обусловленных коннотациях, так и на уровне денотата у соматических лексем.

Установлено, что облигаторный семантический признак «материальность/осязаемость» также является общим для русской и английской лингвокультур и объективируется посредством указания на способность восприятия тела ре-

цепторами. Для этой цели используются глаголы-перцептивы – *ощупать, увидеть, услышать* и т. п. Исследование выявило ценности, которые оказываются общими для представителей обеих лингвокультур, что обеспечивает их однозначную интерпретацию. Во всех рассмотренных примерах подчеркивается диагностическая ценность пальпации (количество словоупотреблений в русском языке – 21, в английском – 17): *Если у вас нет средств на качественное медобследование, поезжайте в аэропорт. Там вам сделают рентген, тщательно ощупают (перцептив) разные части тела, а если вы громко скажете «наркотики», есть шанс пройти бесплатную колоноскопию; A man goes to a doctor’s office, and says, ‘Whenever I touch (перцептив) anywhere on my body, it hurts’. He touches his arm, and screams in agony. He touches his shoulder, and screams in agony. The doctor observes all this and says, ‘I think you have a broken finger’*. Лингвокультурной специфики в способах объективации облигаторного семантического признака «материальность/осязаемость» выявлено не было.

При изучении лингвокультурных особенностей объективации облигаторных признаков в семантике лексем *тело* и *body* в текстах анекдотов (*jokes*) установлен общий для русской и английской лингвокультур понятийный признак «целостность/делимость на части». Необходимо отметить, что в рассматриваемых лингвокультурах эксплицировались разные органы, обеспечивающие функционирование человеческого организма. В текстах русских анекдотов акцентуацию получили такие части/органы тела, как мозг (45 %, количество словоупотреблений – 40), лицо (25 %, количество словоупотреблений – 22) и печень (20 %, количество словоупотреблений – 18), остальные органы и части тела представлены незначительно (10 %, количество словоупотреблений – 9). Оценочность, создаваемая в подобных контекстах, определяется их денотативным и сигнификативным потенциалом, отражающим роль и функции данных органов в организме человека (голова/мозг – центральный орган; печень – орган выведения;

глаза – орган зрения; нос – орган обоняния). Выражение оценки происходит посредством создания контраста «ожидаемого (объективных понятийных признаков) и неожиданного (контекстуальных созначений)», направленного на достижение комического эффекта: *Блондинка надевает шлем виртуальной реальности. В нем появляется надпись: «В вашем теле не обнаружен мозг. Использовать спинной в качестве основного?»* (эффект комического – организм не способен функционировать без мозга). Семантическая акцентуация мозга (или части тела – головы) в русском юмористическом дискурсе подчеркивает его главенствующий статус в теле.

Как орган мозг ассоциирован с мыслительной деятельностью. Стереотипные ситуации, в которых демонстрируется неспособность к мыслительной деятельности, в русских анекдотах репрезентируются с помощью фразеологизмов *отсутствие головы на плечах, в голову не лезет, ломать голову* и т. п.: *Сейчас все ломают голову, где отмечать Новый год. А я позаботился об этом еще в августе, купив себе диван.* Фразеологизмы основаны на метафорическом переосмыслении, вследствие чего компонентный состав их значений может расширяться, как, например, в случае с выражением *ломать голову*, которое, помимо значения «усиленно придумывать что-либо, стараясь помочь кому-либо», имеет значение «напряженно думать, стараясь понять, разрешить что-то сложное». В таких случаях расширение значений фразеологизмов и их метафоризация являются основными источниками переводческих и коммуникативных ошибок.

Пандемия COVID-19 также способствовала переосмыслению значимости физического здоровья человека, что нашло отражение в акцентуации отдельных частей тела в ряде дискурсов. В русской лингвокультуре экспликацию получила ценностная составляющая такой части тела, как лицо. На вербальном уровне это демонстрируется посредством акцентуации лица. Апелляция к лицу в анекдотах объясняется тем, что оно всегда считалось зоной культурной идентификации человека и эстети-

ческой кульминации в теле человека. Для акцентуации ценностной составляющей лица – его красоты – используются положительно- и отрицательно-оценочные дескрипторы: *Даже без всякого карантина не рекомендуется трогать лицо. Особенно, если это лицо – официальное* (эффект комического основан на приеме языковой игры, в ходе которой противопоставляется лицо как часть тела лицу как отдельному человеку/носителю свойств); *– Не трогай свое лицо. – Хорошо. – Часто мой руки. – Хорошо. – Перестань целовать своего кота. – Умру, так умру...* (эффект комического – ко всему можно толерантно относиться, кроме того, что нельзя целовать своего питомца, который может передать различные инфекции); *Если внимательно присмотреться, то во всем есть свои плюсы. Например, во время масочного режима куда-то исчезли несимпатичные девушки.* Оценочные дескрипторы в текстах русских анекдотов о лице позволяют дифференцировать мужчин и женщин, акцентируя исторически сложившийся стереотип женской красоты. С другой стороны, в текстах анекдотов они свидетельствуют о негативном отношении к ношению масок, которые не позволяют рассмотреть красоту женщин. Данный аспект оказывается в основе комического эффекта в русских анекдотах.

В рамках русской лингвокультуры в юмористическом дискурсе происходит ценностная акцентуация такого органа, как печень. Это объясняется тем, что для языкового сознания русского человека весьма актуален стереотип, согласно которому чрезмерное употребление алкоголя ассоциировано с его отрицательными последствиями для печени. При этом оценочность в таких анекдотах получает двоякую экспликацию. С одной стороны, присутствует положительная оценка, объективируемая с помощью вербальных средств, указывающих на то, что печень хорошо справляется со своей функцией: *– Печень полностью выводит алкоголь из организма за одни сутки. – Да-да! Поэтому пить приходится каждый день.* С другой стороны, встречается и отрицательная оценка, объективируемая посредством соотнесения неправильной локализации или негативного

воздействия алкоголя на печень с ее функционированием: – *Так приятно, когда видишь про себя рекламу по телеку. – Ну, эту, там, где у каждого третьего в России – печень больная.*

Акцентуация остальных органов и частей тела в русских анекдотах составила 10 % от всех рассмотренных случаев и не вошла в анализируемую выборку.

Основными средствами объективации семантического признака «целостность/делимость на части» в текстах русских анекдотов стали метафоры, фразеологизмы, черный юмор, апелляции к отрицательно-оценочным суждениям, что вполне сопоставимо с отступлением от нормы и противоречием здравому смыслу в юмористическом дискурсе. К часто высмеиваемым и, как следствие, отрицательно оцениваемым в обществе явлениям в русской лингвокультуре отнесены неумение/неспособность выполнить что-либо, несоответствие ожидаемому/ожидаемым результатам, угроза/желание проучить и др.: *На приеме у пульмонолога: – Легкие у вас вроде в порядке. Сколько выдуваете? – Полтора литра. – Как?! Здесь записано 4,5 литра. – Так это красного (несоответствие ожидаемому); Мама сыну – десятикласснику: – Ты выучил урок, Вань? Если нет, встану на стул и надеру уши (угроза избиения в случае неподходящего поведения). Несмотря на соответствие нормам юмористического дискурса (отступление от общепринятых представлений), комизм описываемых ситуаций может оказаться непонятным для представителей иных лингвокультур, кроме русской.*

В текстах англоязычных анекдотов акцентуацию получают такие части/органы тела, как глаза (35 %, количество словоупотреблений – 36), головной мозг (30 %, количество словоупотреблений – 30) и печень (25 %, количество словоупотреблений – 25), остальные органы и части тела представлены редко (10 %, количество словоупотреблений – 10). В английских анекдотах про глаза наряду со словом *eyes* используются близкие к нему по значению *pupil/iris/lens*, которые соотносятся между собой как часть-целое. Комический эффект достигается за счет язы-

ковой игры, основанной на многозначности слова *pupil* («ученик» и «зрачок» (анатом.)): *What body part makes the best student? – The eye, because it's a good pupil!; Why are eye docs so smart? – Because they were good pupils.* Незнание фактической информации о морфологии глаза, ввиду непонимания специальных медицинских терминов, является причиной искажения осмысления фрагмента воспринимаемой действительности, что на языковом уровне эксплицируется в виде коммуникативной неудачи, причиной которой выступает как внутрикультурное непонимание, описанное выше, так и межкультурное, вызванное незнанием семантической структуры данного многозначного слова, определяющей пресуппозиции.

Смысловая акцентуация такой части тела, как мозг (*brain*), происходит в англоязычных анекдотах на основе соотнесения мозга с выполняемой им в организме мыслительной функцией и его уникальностью. Ценностный компонент значения при этом может эксплицироваться посредством как положительных (*the most wonderful, the most important, clever*), так и отрицательных (*the smallest, slow, rarely used*) дескрипторов, позволяющих передать отношение человека к данному явлению действительности. Нижеприведенные примеры демонстрируют, что в английском юмористическом дискурсе у слова *мозг* отмечается специфический лингвокультурный ценностно-понятийный компонент – «мозг может проявлять автономию по отношению к человеку, превосходя его»: *I used to think that the brain was the most wonderful organ in my body. Then I realized who was telling me this; The brain is the most important organ in your body. – According to the brain.*

Напротив, семантическое представление такого органа, как печень, в английских анекдотах может вызывать значительные трудности при декодировании смысла и сопряжено со значительными коммуникативными ошибками, вследствие приращения понятийных и эмоционально-ценностных компонентов в ходе языковой игры, образования контекстных окказионализмов: *'Which body part continues to live even after a person dies?' – 'The Liver'; I just*

had a successful liver transplant operation. That surgeon really de-livered! Подобные словообразовательные приемы наблюдаются в английских анекдотах, акцентирующих и другие значимые органы: *What do you call a skull without 1 billion neurons? A no-brainer; What's brain-eater doing inside your head? – Starving.*

Подводя итог, отметим, что концепты *BODY* и *ТЕЛО* объективируются в языковой картине мира носителей русской и английской лингвокультур посредством общих облигаторных семантических (понятийных) признаков, выделенных нами при помощи лексико-семантического и концептуального анализа. К ним относятся: материальность/осязаемость; целостность/делимость на части; наличие/отсутствие признаков жизни. В рассматриваемых лингвокультурах выделены специфические способы объективации семантических признаков «целостность/делимость на части» и «наличие/отсутствие признаков жизни». Облигаторный понятийный аспект «материальность/осязаемость» является универсальным для представителей обеих лингвокультур, что обеспечивает однозначную интерпретацию. Наиболее распространенным средством репрезентирования данного аспекта служат глаголы-перцептивы, не вызывающие у коммуникантов сложностей в интерпретации содержания речевых ситуаций. Выявлено, что понятийный признак «целостность/делимость на части» эксплицируется посредством акцентуации различных органов. В текстах русских анекдотов данный семантический компонент объективируется путем номинирования и переосмысления функ-

ций таких органов/частей тела, как мозг, лицо, печень, в англоязычной лингвокультуре – как глаза, мозг и печень. К основным средствам объективации данного понятийного признака относятся метафоры, фразеологизмы, черный юмор, апелляции к отрицательно-оценочным суждениям, что характерно для юмористического дискурса. Употребление всех указанных средств и приемов сопровождается возникновением культурно-специфических и часто контекстуально обусловленных вторичных значений, что становится источником переводческих и коммуникативных ошибок.

Образная и ценностная составляющие изучаемых концептов, сопряженные с семантическим признаком «наличие/отсутствие признаков жизни», представлены в рассматриваемых лингвокультурах неодинаково. Это проявляется в возникновении лингвокультурно-специфических контекстуально-обусловленных коннотаций, в социально и культурно маркированном феномене «контраста ожидаемого и неожиданного», который типичен для юмористического дискурса, а также в употреблении в текстах анекдотов юмора, основанного на культурном опыте общества, в котором обыгрываются убийство, насилие, жестокость.

Выявление лингвокультурной специфики репрезентации компонентов концептов *ТЕЛО* и *BODY* в русском и английском юмористическом дискурсе позволило раскрыть концептуальный и ценностный аспекты языковой картины современного юмора и установить потенциальные сферы возникновения ситуаций коммуникативных неудач в межкультурном общении.

Список литературы

1. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и телесности: признаки соматических объектов и значения признаков // Вестн. Кыргыз.-Рос. Славян. ун-та. 2017. Т. 17, № 9. С. 128–134.
2. Zhura V.V., Rudova Ju.V., Martinson Zh.S. Narrative Continuum of Corporeal Culture. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities” (CILDIAH), 10–12 May 2017. Atlantis Press, 2017. Vol. 97. P. 342–347.
3. Карасик А.В., Карасик В.И. Непонимание юмора в межкультурном общении // Язык, коммуникация и соц. среда. 2001. Вып. 1. С. 13–27.

4. Карасик В.И. Ценностные приоритеты в анекдотах о новых русских // Полит. лингвистика. 2015. Вып. 3(53). С. 17–25.
5. Морозова А.М. Дискурсивная специфика реализации юмористической тональности: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 182 с.
6. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2002. 435 с.
7. Голев Н.Д. Русский анекдот как игровой текст: внутренняя форма и содержание // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2000. Вып.4. С. 50–62.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т./ сост. В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. Т. 4: С – Ящурный. 752 с.
9. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 12.08.2021).
10. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 12.08.2021).
11. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 09.08.2021).
12. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 21.07.2021).
13. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.07.2021).
14. Кучина Т. Основные виды комического. Приемы создания комического эффекта в литературе и искусстве. URL: <https://slovesnik.org/images/docs/sirius/kuchina-t-g-komicheskoe-v-literature-lekciya.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

References

1. Kreydlin G.E. Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i telesnosti: priznaki somaticheskikh ob'ektov i znacheniya priznakov [Semiotic Conceptualization of the Body and the Bodily: The Signs of Somatic Objects and the Meanings of Signs]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*, 2017, vol. 17, no. 9, pp. 128–134.
2. Zhura V.V., Rudova Ju.V., Martinson Zh.S. Narrative Continuum of Corporeal Culture. *Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities" (CILDIAH), 10–12 May 2017*. Atlantis Press, 2017. Vol. 97. Pp. 342–347.
3. Karasik A.V., Karasik V.I. Neponimanie yumora v mezhkul'turnom obshchenii [Not Understanding Humour in Cross-Cultural Communication]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*, 2001, no. 1, pp. 13–27.
4. Karasik V.I. Tsennostnye prioritety v anekdotakh o novykh russkikh [Value Priorities in Jokes About New Russians]. *Politicheskaya lingvistika*, 2015, no. 3, pp. 17–25.
5. Morozova A.M. *Diskursivnaya spetsifika realizatsii yumoristicheskoy tonal'nosti* [Discursive Specifics of Expressing a Humorous Tone: Diss.]. Volgograd, 2013. 182 p.
6. Leontovich O.A. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya* [Russians and Americans: Paradoxes of Cross-Cultural Communication]. Volgograd, 2002. 435 p.
7. Golev N.D. Russkiy anekdot kak igrovoy tekst: vnutrennyaya forma i sodержanie [Russian Jokes as a Game Text: Inner Form and Content]. Chuvakin A.A. (ed.). *Chelovek – kommunikatsiya – tekst* [Human – Communication – Text]. Barnaul, 2000. Iss. 4, pp. 50–62.
8. Vinogradov V.V. (comp.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2007. Vol. 4: S – Yashchurnyy. 752 p.
9. *The Free Dictionary by Farlex*. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 12 August 2021).
10. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 12 August 2021).
11. *Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 9 August 2021).
12. *Dictionary.com*. Available at: <https://www.dictionary.com/> (accessed: 21 July 2021).
13. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 10 July 2021).
14. Kuchina T. *Osnovnye vidy komicheskogo. Priemy sozdaniya komicheskogo effekta v literature i iskusstve* [The Main Types of the Comical. Techniques for Creating a Comic Effect in Literature and Art]. Available at: <https://slovesnik.org/images/docs/sirius/kuchina-t-g-komicheskoe-v-literature-lekciya.pdf> (accessed: 12 August 2021).

DOI: 10.37482/2687-1505-V158

Yuliya V. Rudova

Volgograd State Medical University;
ul. Akademika Bogomol'tsa 6, Volgograd, 400125, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7722-6831> e-mail: juliarud@inbox.ru

LINGUOCULTURAL FEATURES OF BODY REPRESENTATION (Exemplified by the Russian and English Humorous Discourse)

The article focuses on exploring the specific features of body representation in Russian and English jokes. The purpose of the study was to identify linguocultural features of body representation in humorous discourse through analysing the meanings of the lexical unit *body*, which verbalizes the concept of body in the Russian and English languages. The lexico-semantic, conceptual and interpretative analyses revealed that this concept is represented in the linguistic worldviews of Russian and English linguocultures through common obligatory conceptual signs, such as *materiality/tactility*, *integrity/partibility* and *aliveness/deadness*. It was established that the obligatory semantic (conceptual) sign of tactility is represented by verbs of perception and is common for both linguocultures, thus eliminating ambiguity in interpretation of jokes. The conceptual sign of integrity/partibility is expressed in the two linguocultures by nominating and redefining the functions of such body parts as the brain, face and liver in Russian linguoculture, and eyes, brain and liver in English linguoculture. The primary means of representing the conceptual sign of integrity/partibility include metaphors, phraseological units, dark humour, as well as negative and evaluative judgements, all of which often lead to translation mistakes and communication failures. The semantic sign of aliveness/deadness is represented differently in the studied linguocultures. This can be accounted for by the fact that its linguoculture-specific representation mainly depends on contextual connotations and on the culture-specific 'expected/unexpected' effect, which is characteristic of humorous discourse.

Keywords: *cross-cultural communication, humorous discourse, joke, concept BODY, corporeality, value component, Russian linguoculture, English linguoculture.*

Поступила 08.10.2021

Принята 14.01.2022

Received 8 October 2021

Accepted 14 January 2022

For citation: Rudova Yu.V. Linguocultural Features of Body Representation (Exemplified by the Russian and English Humorous Discourse). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 90–99. DOI: 10.37482/2687-1505-V158

*ЗВЕЗДИН Лев Александрович, кандидат философских наук, инженер АО «ЗАСЛОН» (научно-технический центр, Санкт-Петербург). Автор 10 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1032-7296>

К ГОРИЗОНТАМ МЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТИНУУМЕ МЕДИА

Рассматриваются тенденции реализующихся и прогнозируемых изменений в наиболее общих установках ментальной сферы современных людей по отношению к другим эпохам человеческой истории. Исследуемые тенденции в полной мере связываются с очередным витком принципиально значимых процессов в становлении медиа в жизни человеческого общества как полно охватывающего континуума. При этом описываются характерные черты влияния на качественные эпохальные перестройки человеческой цивилизации со стороны устойчивых производных деятельности людей в разные периоды истории. В результате осевое время человечества, опираясь на терминологию Э. Тоффлера, предлагается разделить на четыре «волны» с присущими им конкретными чертами. В работе уточняются некоторые уже сложившиеся поведенческие особенности современного молодого поколения. Показываются отдельные авторские оценки этих особенностей. Кроме того, отмечается высокая вероятность скоротечной реализации переходных процессов в обществе на пути к принципиально новым ценностным образцам, обеспечиваемым, главным образом, результатами функционирования медиасреды, которая, в свою очередь, в настоящее время определяется как глобальная, а в ближайшем будущем стремится оформиться в континуум с охватом всех сфер человеческого бытия, что сопровождается стиранием культурных и языковых барьеров. Отмечается важность и востребованность прогностической функции науки в данном направлении ввиду быстроты и, скорее всего, необратимости происходящих изменений. Предполагается возможность вхождения человечества в масштабный ценностный кризис, преодоление которого будет зависеть от понимания особенностей грядущих реалий и их основополагающих причин.

Ключевые слова: континуум медиа, прогнозируемое будущее, ценностная трансформация общества, необратимые изменения, искусственный интеллект, психотип современного человека, прогностическая функция науки.

*Адрес: 196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 9; e-mail: lev.zvezdin@rambler.ru

Для цитирования: Звездин Л.А. К горизонтам ментальности человека в континууме медиа // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 100–110. DOI: 10.37482/2687-1505-V159

Поведенческие типы человека выделяются наукой на основе наблюдаемых исследователями закономерностей уже около века. Так, И.П. Павлов показал, что люди как высшие живые организмы взаимодействуют с окружающей средой двумя уровнями сигнальных систем: первой – рефлекторной, собственно сигнальной, и второй – сознательной, сигнально-сигнальной [1]. Одним из результатов данного открытия стало описание ученым истероидного и шизоидного психотипов, складывающихся в зависимости от преобладания в индивидуальном поведении одного из уровней. Разработки И.П. Павлова получили отдельные упреки за физиологичность сделанных выводов, как бы преуменьшивших некоторые «стайные» особенности. Но речь идет о достижениях экспериментально-доказательной науки, уникальные результаты которой и обеспечили почву для дальнейших изысканий, в т. ч. и для критики. Так или иначе, русский академик на научных фактах впервые показал физиологическую связь особенностей функционирования мозга, психики, сознания и, следовательно, мышления и поведения человека с условиями среды его обитания. А к среде обитания относится, вне всякого сомнения, и социальный аспект. Позднее возникли многие теории с детализацией поведенческих особенностей.

Признаем, что любая культурная общность и человеческая цивилизация в целом в каждый момент времени в существенной степени несут на себе отпечаток предшествующего хода исторического «конвейера» и текущих реалий, что формирует устремления и ожидания в направлении представляемого такой общностью будущего. Тогда нельзя не признать, что определенным образом обобщенные нормы поведения людей в соответствующем историческом отрезке, т. е. социетально проявляемые поведенческие психотипы человека, в ходе исторического процесса приобретают видимые

впоследствии изменения сообразно духу времени (*die Zeitgeist*)¹. Взаимоотношения человека с природой, социумом, самим собой и с тем, что ему известно из прошлого, есть конкретные поведенческие составляющие его мироощущения, образа жизни и, соответственно, практикуемой большинством модели экзистенциального «амплуа», регулируемой общественной средой. Эпохально устойчивые общественные нормы поведения одной и той же отчетливо развивающейся культурной традиции в стохастической медиане отличимы между собой, и не случайным образом.

Человек присутствует в мире в трех взаимосвязанных измерениях, соотносимых друг с другом в известной иерархии «тело–разум–дух»:

– как живое, материальное тело, автономно существующее в природе;

– как мыслящий субъект, материальная основа которого заключена в его теле, являющемся частью природы, а специфическим проявлением мыслящей субъектности выступает сознательное воспроизводство личностной и общественной интеллектуальной деятельности;

– как духовный регулятор высших принципов интеллектуальной сферы, источником которого является мыслительная деятельность.

Исходя из этого, можно выделить специфические среды пребывания современного человека по их роли:

1. Материальная, состоящая из:

– природы – естественной среды обитания, выступающей основным и первичным источником ресурсов для выживания, а также угроз для него;

– искусственной среды обитания, обеспечиваемой интеллектуальной деятельностью человека и общества на лоне природы и за счет ее ресурсов, включающей в себя уголья, жилища, поселения, коммуникации, транспорт, средства и системы жизнеобеспечения и т. п.

¹Известный концепт, к которому в свое время обращались И. Гете, Г. Гегель и др. [2]. В. фон Гумбольдт проявления эпохи видел в «духе народа», который отождествлял с его языком, понимая последний не «как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как созидающий процесс (*Erzeugung*)», ведь язык и интеллектуальная деятельность человека неразделимы [3, с. 69].

2. Интеллектуальная, состоящая из:
– естественной интеллектуальной среды, заключаемой в самой сущности общества и выражаемой посредством интерпретации интеллектуальных смыслов и артефактов цивилизации, являясь мыслительным источником создания искусственных сред;

– искусственной интеллектуальной среды в формате объединенной мыслительной площадки на базе искусственной среды обитания, составившей к настоящему времени глобальную эмерджентную интеллектуальную общность людей.

3. Ментальная (духовная), представляющая собой высший срез интеллектуальной среды обитания, отвечающий за воспроизводство и развитие мировоззренческих и морально-нравственных норм и ценностей.

Гипотетический искусственный уровень ментальной среды обитания будет рассмотрен ниже.

В целом показанная классификация представляется интуитивно понятной. Можно отметить, что произведенное описание перекликается с учением В.И. Вернадского о ноосфере [4].

Изучение человеческого психотипа в историческом преломлении может быть основано на наиболее обобщенных и сменяющих друг друга доминантах поведения в каждый отрезок исторического времени. Например, без труда можно вывести поведенческую доминанту, свойственную человеку первого, архаичного общества, – борьба за выживание в природной среде. Именно это простимулировало людей к толчку интеллектуального развития, к пониманию общественной пользы, необходимой для реализации той же цели. Человек смотрел вокруг себя, на природу, осознавал ее опасности и богатства, менял мир непосредственно вокруг охватываемого им объема бытия. Общественная структура выступала надстройкой в обеспечении приспособляемости к среде обитания для выживания рода и с помощью его преимуществ. Сложность каждой конкретной автономной со-

циальной системы того периода обладала анатомической конгруэнтностью с непосредственными вызовами природы, с учетом также вызовов от конкурирующих автономных общин.

Позднее на классическом примере культурного феномена Древней Греции можно увидеть, что в античные времена вопрошающий взгляд человека, еще органически вкрапляющий мифы, обратился к сущему в попытке рационального анализа закономерностей его космогонической силы; тогда развитие социальной системы² уже позволяло оторваться на какое-то время от непрерывной борьбы за выживание. От познания своего бытового частного (развития орудий труда, способов охоты, земледелия, вооруженной борьбы и т. п.) человек предстал перед осознанной потребностью постижения такого отличного от его повседневного быта общего – мироздания. Эта потребность через века ознаменовалась возникновением науки. Главный же вопрос того самого длительного периода истории, исходящего из «тьмы веков», сформулируем так: «Что есть мир вокруг нас?».

Первоочередным следствием развития науки как устоявшейся области культуры можно признать нарастающее по охвату, качеству и детализации превращение природы в искусственную среду обитания человека, т. е. не останавливающийся технологический процесс преобразования природы в стандартизированные продукты потребления. Отрезок данного исторического времени можно соотнести с формированием другого эпохального психотипа человека, которому стало свойственно стремление к интеллектуальному совершенствованию. Тогда пытливый взгляд исследователя пал не только вовне, на природу, «к вещам», но и вовнутрь, к человеческой сущности, которая также стала объектом изучения. Антропогенный фактор в развитии науки и искусства медленно и постепенно, естественным путем вызревал в качестве драйвера общества, ложась в его основу.

²На чем отразились обеспечивающая долю свободы отдельным категориям общества система власти, дешевый рабский труд, богатая культура предшествующей (Минойской) цивилизации и выгодная геоклиматическая локация общества.

Понимание того, ставшего затем очевидным, факта, что всестороннее развитие человеческой общности во многом определяется интеллектуальным совершенством составляющих ее людей и их положительной связности, закрепилось в полной мере. Человек все более явственно испытывал необходимость в рациональном поиске, самоидентификации, научной картине мира, интеллектуальной «карте» круга своей общности и всего человечества. На безусловную необходимость физического выживания человека в природе наслоились с замещением новые реалии, диктующие необходимость участия в интеллектуальном конкурентном развитии, в т. ч. и в отношении «замысла» природы. Люди перестали, смертельно рискуя, бороться с природой за выживание, эта деятельность переросла в форму интеллектуального соревнования с ней. Сформировалась новая модель выживания, направленная на сохранение технологических позиций в потоке все более стремительно развивающегося искусственного мира. Поэтому помимо расширяющегося интереса к мироустройству произошло закономерное обращение к конкретным факторам, обуславливающим интеллектуальную природу человека, в форме вопроса «Кто есть мы в мире вокруг нас?».

Следующий примечательный с точки зрения рассматриваемого вопроса эпохальный уклад, но еще менее протяженный по времени, складывался в течение XX века. Индустриальный авангард мироустройства, неся бремя обеспечения материальной среды, постепенно выпустил на первые позиции развития информационный компонент современного этапа истории. И новому психотипу в большей мере стала свойственна необходимость «выживания» и «приспосабливаемости» в текучем, изменчивом информационном пространстве, отражающем и даже замещающем (не без специфических искажений) как свойства мира,

так и сущность человека. В настоящее время происходит или уже произошел переход к новой экзистенциальной установке: тот, кого нет в глобальной коммуникации, субъектно не существует. И поэтому следующий эпохальный вопрос, пока актуальный для нашего времени, сформулируем так: «Кто есть мы в информационном зеркале мира вокруг нас?».

Перечисленные вехи становления человечества описаны и в науке, и в публицистике с различных позиций. Например, В.С. Степин выделил в истории образцы научных парадигм и типов научной рациональности – классический, неклассический и постнеклассический [5].

В качестве другого периодизатора технического прогресса можно назвать Э. Тоффлера, еще в 80-х годах XX века разделившего историю человечества на три «волны» [6] – аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Три волны цивилизации Э. Тоффлера, с дополняющими комментариями, изложим следующим образом:

1) аграрная (приоритет индивидуума – социальное положение в обществе; принцип общества – централизация; результат – повышение коллективной выживаемости в природе за счет ее преобразования);

2) индустриальная (приоритет индивидуума – доступ к развитию (образованию); принцип общества – стандартизация; результат – изоляция от природы искусственной средой обитания и появление искусственной интеллектуальной среды);

3) постиндустриальная (приоритет индивидуума – доступ к коммуникации; принцип общества – сетевая реструктуризация; результат – развитие медиа-имитации сущего и усиливающей возможности сознания искусственной интеллектуальной среды («пространства сознаний»)).

Вполне уместно сказать, что данный перечень в прогнозируемом будущем дополнится (или дополняется прямо сейчас) четвертой «волной»³ – постинформационной (приоритет

³Мы намеренно не используем здесь заделы «четвертой промышленной революции» известного деятеля К. Шваба, поскольку в этой идеологии явственно прослеживается социолого-экономическое сценирование, программирование новой реальности технокоммунизма, в котором все получают всё, а его верные идеологи – чуть больше. В настоящей же работе производится лишь попытка прогнозирования образа психотипа человека ближайшего будущего с соответствующим этому ценностным отражением.

индивидуума – доступ к сетевым средствам имитации телесности, чувственности и определенным образом субъектности личности; принцип общества – сетевая деструктуризация со стандартами имитации телесности, чувственности и субъектности; результат – зарождение искусственной ментальной среды).

Если предполагать такую грядущую реальность правдоподобной или хотя бы не считать ее невозможной, то, учитывая триединую природу индивидуума «тело–разум–дух», главный вопрос человека в его бытии может стать примерно таким: «Что ценно в имитации мира вокруг нас с имитацией нашего присутствия в нем?».

Заметим также, что выделенные цивилизационные этапы в истории не отменяют друг друга, а как бы наслаиваются с частичным замещением приоритетов и ценностных ориентиров, принятых в обществе. Так, сельское хозяйство или промышленность не могут быть исключены из основ существования цивилизации, но в фокусе устремлений человечества они присутствуют менее заметно и в смысловом отношении не работают на проективность цивилизации. Отрасли культивации бытия, освоенные человеком в предыдущие эпохи, остаются в режиме «по умолчанию».

Все искусственное, присутствующее в нашем мире как результат деятельности человека и для человека, есть суть *медиа*. Данная тема уже широко раскрыта в трудах многих исследователей⁴. В настоящей работе под материальными медиа понимается искусственная среда обитания, интеллектуальными медиа – интеллектуальная искусственная среда, а технологическое «время» представляется ускоряющимся столь стремительно, что от науки становится все более остро востребованной прогностическая функция.

Профессор В.В. Савчук, один из самых видных отечественных медиафилософов, характеризуя современную медиареальность и

ее тенденции, пишет следующее: «...медиа не вне нас, медиа внутри нас», «нужно осознать, что медиареальность – реальность всех, а не для всех» [7]. Автор вскрывает автономность и уже ставшую ведущей роль медиа: «сами того не подозревая, мы являемся агентами хитрости аутопоззиса и *саморазвития медиа*» (курсив мой. – Л.З.) [7]. В данной системе координат свобода человеческого воления в нарастающем воспроизводстве и тиражировании медиа, по сути, предопределена его потребностями. Как видится, негласно в обществе живет предубеждение, что искусственная реальность, произведенная человеческой цивилизацией за ее историю, и не могла быть ею не создана. В той или иной форме и в те или иные сроки, но ее «разгон» до нынешних масштабов и пока не вообразимых будущих несет в себе некую предопределенность. Если принять это утверждение, то вопрос о возможности или, скорее, неизбежности искусственной ментальной (духовной) среды для человека таковым быть перестает. Еще и поэтому «медиа-философия неизбежна» [7].

Снова обратимся к В.В. Савчуку: «Лавинообразно нарастающая скорость распространения “медиапроизводных” – знак времени, суть которого в том, что социальные, культурные и экологические последствия, производимые новыми медиа, а также переход ими границ, очерченных старыми медиа (а значит, и смыслами), превысили критическую массу новаций и *подвели к новой стадии развития человека*» (курсив мой. – Л.З.) [7]. Автор называет новый тип субъекта современной коммуникации – «коммуникант». В сумме реалий современного прогресса он предстает деперсонализированным (никнейм) и в некоторой степени обезволенным – в роли живой ячейки передачи интеллектуальной информации.

В свете вышесказанного, стоит ли сомневаться в том, что мы стоим перед появлением нового уровня искусственной надстройки над

⁴Одним из наиболее авторитетных мыслителей в данном направлении по праву считается Г.М. Маклюэн с его широко известной работой «Понимание медиа» [8]. Полноценно суть работ автора за творческую жизнь раскрывается в диссертационном исследовании В.П. Чумаковой [9].

природой, над всеми уровнями искусственных сред и даже собственным интеллектом – искусственного ментального *нечто*⁵. И такому нечему в случае его существования могут быть присущи, например, условно ментальные качества симитированной субъектности. Этому нечему полагается быть незримым ввиду отсутствия его телесности и из-за барьера *квалиа* (термин К. Льюиса), подразумевающего невозможность верификации чувственности Другим. При этом оно вполне может быть сущим, проявляясь в феноменах. Такое порождение приобретает черты концепта «философского зомби», достоверно имитирующего внешние проявления реакций сознания человека, но с неведомыми причинностями внутри него, в первую очередь, ввиду их нечитаемости человеком. Оно, по всей видимости, могло бы реализовывать рефлексивность от третьего лица. Часто слышно про искусственный интеллект (ИИ), но пока мало оснований говорить про искусственную личность, про искусственную, если угодно, душу.

Такой «мертворожденный» *dasein* для человеческого понимания, на первый взгляд, фантастичен и, следовательно, вроде бы невозможен. Можно воображать форму этой вероятной чудообразной⁶ имитации некоего самодостаточного уровня интеллекта, облеченного «телом» искусственной интеллектуальной среды. Можно говорить о новом состоянии природы, новом измерении смысла. В пользу гипотетической субъектной автономности глобальной системы информационных медиа могут говорить, например, исследования, отмечающие сходство принципов эволюции в гомеостатических и информационных системах [10].

Следуя маклюэнской парадигме, искусственную среду обитания мы понимаем как медиум расширения возможностей тела с его жизнеобеспечением (сверхтело), искусственную

интеллектуальную среду – как медиум расширения части функций нервной системы (периферической (соматической), центральной (мышления)), формирующей способности коллективного сверхума (отличаясь от эгоцентричного концепта сверхчеловека Ф. Ницше). Искусственная ментальная среда выступает медиумом «тончайших» функций высшей нервной деятельности – психики, формируя возможности коллективной сверхпсихики.

Речь идет не о трансгуманистическом совершенствовании физической стороны человеческой сущности, а об искусственном расширении ее интеллектуального охвата вовне вплоть до мыслимых границ мироздания.

Ясно, что современный человек все меньше прилагает телесных усилий к воспроизводству своей среды обитания, не говоря об изжитой необходимости постоянной борьбы за выживание. Поэтому все больше внимания концентрируется на рисках, исходящих от искусственной среды обитания, что провоцирует повышающийся уровень морального дискомфорта, что, по всей видимости, будет все тверже считаться «угрозой», особенно в сфере коммуникативно-виртуальной жизни как превалирующей формы существования современного субъекта.

В описанных примерах человеко-машинного симбиоза неизбежно появление и новых ценностей. Например, ИИ может являться блюющим определенные заложенные этические принципы, которые относятся к абстрактным моделям психики человека и близки к ценностным установкам. Если принципы одного порядка в недрах самообучающейся программы порядка вступят в противоречие, то система должна будет сформировать алгоритм решения и сделать вывод, совершив конкретный моральный выбор, с накоплением ее «жизненного» опыта.

⁵Даже трудно представить, с чем «это» на понятных нам образах может быть ассоциировано, пока не будет явлено.

⁶Например, Дж. Левин предположил, что с точки зрения современных представлений о материи связь между ней и сознанием является чудом, т. к. между ними существует принципиально неустранимый «разрыв в объяснении» [11].

Различные тенденции «цифровизации» современности не могут не найти отклика в поведении человека. Особенно это касается становящейся личности. Автор системной поведенческой психотерапии и методолог мышления А.В. Курпатов⁷ отслеживает тенденции в современном медиазависимом психотипе человека, его поведенческие особенности и закладываемые с детства стереотипы сегодняшнего дня. Для этого, что ценно, подключается необходимая статистическая база научных исследований. Ученый полагает, что у современных молодых людей уже формируются такие приметные поведенческие особенности, как «цифровая псевдодоблебельность» на фоне «эпидемии цифрового аутизма», коммуникативное одиночество (трудности непосредственного «живого» общения), внутрисоциальная отчужденность, исчезновение авторитета старших, невосприимчивость к индивидуальности Другого и пр.

Трудно не заметить, что в потоке готовых к употреблению информационных образов для современного человека снижается «планка» к его всестороннему развитию. Как в глобальной искусственной среде обитания люди утратили навыки выживания в природе, так и в условиях комфорта глобальной индустриализации, автоматизации и информатизации ценность образованности широкого охвата и самого по себе труда освоения даже готовых знаний снижается с ростом интереса к мобильности и скоротечному заучиванию ограниченного набора навыков и умений. Приоритетом становится потребность поиска в мировой сети аутентичных образов для «эксклюзивного» потребления, что и представляет зерно возникающих ценностей, а «выживание» приобретает психоэмоциональное значение.

А.В. Курпатов формулирует новое лекало психотипа сегодняшнего человека: мы – это то, что и как мы потребляем информационно⁸. Можно предположить, что к моменту полноценного развертывания искусственной ментальной реальности тезис будет трансформирован в «мы – это то, что мы выбираем ценным», исходя из предпочтений психического комфорта.

Отдельные авторы называют некоторые новые устойчивые признаки поведения молодежи в развитых странах – «поколения снежинок» [14] (англ. «*Generation Snowflake*»), демонстративных инфантилов, уклоняющихся от всяческих внешних раздражителей, в первую очередь от принятия чужого мнения, но при этом в форме показной политкорректности. Такие люди, полагают авторы термина, убеждены в своей исключительности, хотя обладают при этом незначительным жизненным опытом. В.С. Высоцкий в свое время писал: «Средь оплывших свечей и вечерних молитв, Средь военных трофеев и мирных костров Жили книжные дети, не знавшие битв, Изнывая от мелких своих катастроф...»⁹.

Публицистами отмечаются и другие, вполне созвучные вышеперечисленным поведенческие признаки молодых людей как «детей с замороженными душами» [15]:

- ощущение отсутствия Родины и международных границ;
- восприятие истории как непрерывного «темного», ужасного прошлого;
- утрата веры, идеалов, высоких морально-нравственных принципов;
- недостаток искреннего уважения к родителям и другим старшим как неуспешным, некреативным, «отсталым» поколениям;
- отсутствие стремления к созданию семьи и рождению детей;

⁷URL: <https://kurpatov.ru/> (дата обращения: 15.10.2021).

⁸URL: https://www.youtube.com/watch?v=20yUoX_UaBU (дата обращения: 15.10.2021). В период бурного развития искусственной среды обитания подобный тезис о сущности человека имел более приземленную доминанту: «человек есть то, что он ест». Изречение «*Der Mensch ist, was er is*» принадлежит Л. Фейербаху [13, с. 817].

⁹URL: <https://www.culture.ru/poems/19515/ballada-o-borbe> (дата обращения: 15.10.2021).

– сверхценность сетевой коммуникации, впечатлений и развлечений;

– понижение важности реальной собственности, накоплений, приоритет виртуальных вложений, аренды, мобильности;

– отсутствие стремления к соучастию в строительстве общества, вклада в общее дело на уровне большой общности;

– уклонение от долговременных обязательств и привязанностей, в целом поверхностное отношение к длительному сотрудничеству.

В.В. Шурыгин называет такое отношение к жизни «уходом» из нее, но не через суицид, а через вычеркивание себя из реальности [15].

Приведем еще одну оценку, характеризующую современный тип поведения как *ситуативный*: «данный тип поведения основывается на обслуживании интересов конкретной, самоутверждающейся личности. <...> ...личностно эффективное поведение логически строится на постоянном учете реальной конъюнктуры пространства действия, на поведенческой мимикрии, а также на предельной эмансипации от априорных норм, ценностей, табу, снижающих операционную пластичность и социальную валентность» [16, с. 127]. Деформация абсолютоцентричной (например, религиозной) системы координат прошлого замещается новыми, обеспечивающими эгоцентризм и автономизацию собственной личности правилами: индивидуализм, конфликтность, редукция, имморализм [16, с. 127–128].

Как говорил Ф.М. Достоевский, «если Бога нет, то все позволено». При этом религиозность как таковая отнюдь не всегда обеспечивается бескорыстным ценностным узусом, предоставляя эгоцентризму убежище¹⁰.

Возвращаясь к реалиям современного общества, отметим, что растущие возможности виртуальной имитации телесности, чувственности, социальности подводят к пониманию

возможности имитации ценностей. Если истинная интеллектуальная деятельность заменяется чувственной симуляцией, то в грубом представлении поведенческий приоритет может сместиться к первой сигнальной системе, а высшая природа человека станет «обрезана» до физиологично-обусловленных влечений в обертке новой иллюзорной морали. Возможно, что человечеству в его перспективе еще предстоит погрузиться в фундаментальный ценностный кризис.

Интересно, что ИИ, как усилитель возможностей рассудочного мышления человека путем быстрого решения сложных логических комбинаций, способен имитировать творческую деятельность, присущую ему. Описана, например, психотерапия, осуществляемая ИИ [18]. Следовательно, ИИ может выступать в роли психотерапевта с достаточной для этой функции квалификацией, что означает присутствие у него и такого инструмента, как искусственное подобие психики Другого, а значит, данный «специалист» способен легально формировать психотипические модели поведения людей.

Достаточно скоро человечество в основной своей массе будет готово к принятию новых искусственных ценностей, а все «старое» почти одновременно сместится «новым», синтетическим, как осенняя листва уносится порывом ветра. Искусственные ценности – не искусственны в строгом смысле; они, как и прежде, будут основаны на определенном естестве, критически важном для живого человека. Но сформируются они в неестественных условиях. Предельные категории ценностей – это отношение к жизни и смерти, т. е. к человеческой жизни и в биологическом, и в духовном смыслах одновременно. Сюда также можно отнести отношение к прошлому и будущему, семье, истории, планете. Виртуальная реальность искажает их адекватное восприятие, и в этом и состоит

¹⁰«... Многие из очень гордых людей любят верить в бога, особенно несколько презирающие людей. У многих сильных людей есть, кажется, натуральная какая-то потребность – найти кого-нибудь или что-нибудь, перед чем преклониться. Сильному человеку иногда очень трудно переносить свою силу. <...> Тут причина ясная: они выбирают бога, чтобы не преклоняться перед людьми, – разумеется, сами не ведая, как это в них делается: преклониться перед богом не так обидно» [17, с. 51–52].

неестественность условий ценностного генезиса в будущем. Итогом может явиться обоснование жизнеустройства на «сваях», вбитых ни во что, в иллюзорное.

В результате гипотетической ценностной *революции* в понятийной структуре «тело–разум–дух», где тело – носитель разума, а разум – обеспечитель высших устремлений духа, возможна кардинальная перестройка. В условиях активации новой реальности искусственные ценности способны выступать костылем разума, который, в свою очередь, будет служить только индикатором состояния тела. Следовательно, в новой системе координат мало что, кроме телесного приоритета ощущений, эмоций и впечатлений (иллюзий, подсвечиваемых как нечто очень важное и транслируемых телу через посредника – разум), будет более высокой ценностью. Вероятны и своеобразная унификация способов восприятия действительности, коммуникативная «стандартизация» чувств, эмоций (смайлы) и в целом штампованность и мозаичность мировоззрений коммуникантов.

Современный мир культурно, технологически и как-либо еще неоднороден. Поэтому ценностная трансформация во всем его объеме невозможна без определенных кризисов и потрясений на международном, межкультурном,

межконфессиональном и межэтническом уровнях. Впрочем, время, способное растворять все, остановить не удастся.

Таким образом, есть основания полагать, что общество уже находится в процессе не очень продолжительного поколенческого перехода к своему новому психотипу, в наибольшей степени обусловленному медиасредой, полно охватывающей все сферы нашего бытия фигурой почти сплошного континуума. Это ключевое обстоятельство не может не найти отражение в ценностных ориентирах людей. Вопрос времени, когда вышеописанное прогнозируемое будущее обретет легитимность новой нормальности и актуальные сегодня нормы и ценности отпадут, как не отвечающие запросам времени, а их оставшиеся приверженцы выпадут из потока развития. Видно, как отмеченные тенденции, если оценивать их с точки зрения всего массива истории, вносят свой вклад почти мгновенно и прямо сейчас начинают определять контуры завтрашнего дня, касаясь всех на планете. И жесткими административными мерами качественно эту тенденцию не изменить и не возратить ее за привычные «флажки». Необходимо же отнестись к этому с вящей серьезностью, изучать, прогнозировать сценарии развития и быть готовыми к встрече совсем не далекого будущего.

Список литературы

1. Павлов И.П. Мозг и психика: избранные психологические труды. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 320 с.
2. Дух времени // Философский энциклопедический словарь. URL: <http://www.cyclopedia.ru/99/196/2683087.html> (дата обращения: 15.10.2021).
3. фон Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
5. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред.: Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с.
7. Савчук В. Неизбежность медиафилософии // Исследовательский центр медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/ (дата обращения: 15.10.2021).
8. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
9. Чумакова В.П. Концепция Герберта Маршалла Маклюэна: медиа в социокультурной динамике: дис. ... канд. культурологии. М., 2015. 216 с.

10. Черниговская Т.В. Общие черты эволюции функций гомеостатических и информационных систем // Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Яз. славян. культуры, 2013. С. 80–100.
11. Levine J. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // Pac. Philos. Q. 1983. Vol. 64, № 4. P. 354–361. DOI: [10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x)
12. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с. DOI: [10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x)
13. Вьюков А. Поколение снежинок, кто они? URL: <https://www.b17.ru/article/275689/> (дата обращения: 15.10.2021).
14. Дети с замороженными душами. URL: <https://shurigin.livejournal.com/831507.html> (дата обращения: 15.10.2021).
15. Уваров П.Б. Поведение современного человека: историко-антропологический этюд // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 127–130.
16. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Подросток. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 454 с.
17. Ферит В.М., Латкин А.П., Иванова В.Н. Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине // Территория новых возможностей. Вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. 2020. Т. 12, № 1. С. 121–130. DOI: [10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130)

References

1. Pavlov I.P. *Mozg i psikhika: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Brain and Psyche: Selected Works on Psychology]. Moscow, 1996. 320 p.
2. Spirit of the Times. *Encyclopaedic Dictionary of Philosophy*. Available at: <http://www.cyclopedia.ru/99/196/2683087.html> (accessed: 15 October 2021) (in Russ.).
3. von Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Philology]. Moscow, 2000. 400 p.
4. Vernadskiy V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow, 2004. 576 p.
5. Stepin V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, Non-Classics, Post-Non-Classics: Distinguishing Criteria]. Kiyashchenko L.P., Stepin V.S. (eds.). *Postneklassika: filozofiya, nauka, kul'tura* [Post-Non-Classics: Philosophy, Science, Culture]. St. Petersburg, 2009, pp. 249–295.
6. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, 2009. 795 p.
7. Savchuk V. Neizbezhnost' mediafilosofii [The Inevitability of Media Philosophy]. *Issledovatel'skiy tsentr mediafilosofii* [Research Centre for Media Philosophy]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability/ (accessed: 15 October 2021).
8. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York, 1964 (Russ. ed.: Maklyuen G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, 2003. 464 p.).
9. Chumakova V.P. *Kontseptsiya Gerberta Marshalla Maklyuena: media v sotsiokul'turnoy dinamike* [The Concept of Herbert Marshall McLuhan: Media in Sociocultural Dynamics: Diss.]. Moscow, 2015. 216 p.
10. Chernigovskaya T.V. Obshchie cherty evolyutsii funktsiy gomeostaticeskikh i informatsionnykh sistem [General Features of the Evolution of the Functions of Homeostatic and Information Systems]. Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya ulybka kота Shredingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire Cat Smile of Schrödinger's Cat: Language and Mind]. Moscow, 2013, pp. 80–100.
11. Levine J. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap. *Pac. Philos. Q.*, 1983, vol. 64, no. 4, pp. 354–361. DOI: [10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x)
12. Serov V. (comp.). *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopaedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow, 2005. 880 p.
13. V'yukov A. *Pokolenie snezhinok, kto oni?* [Generation Snowflake, Who Are They?]. Available at: <https://www.b17.ru/article/275689/> (accessed: 15 October 2021).
14. *Children with Frozen Souls*. Available at: <https://shurigin.livejournal.com/831507.html> (accessed: 15 October 2021) (in Russ.).
15. Uvarov P.B. *Povedenie sovremennogo cheloveka: istoriko-antropologicheskiy etyud* [Modern Human Behavior: Historical and Anthropological Study]. *Sotsium i vlast'*, 2012, no. 5, pp. 127–130.

16. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy. Vol. 13. Podrostok* [Complete Works. Vol. 13. The Adolescent]. Leningrad, 1975. 454 p.

17. Fersht V.M., Latkin A.P., Ivanova V.N. Sovremennye podkhody k ispol'zovaniyu iskusstvennogo intellekta v meditsine [Modern Approaches to the Use of Artificial Intelligence in Medicine]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 121–130. DOI: [10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130)

DOI: 10.37482/2687-1505-V159

Lev A. Zvezdin

AO ZASLON (Scientific and Technical Centre);
ul. Koli Tomchaka 9, St. Petersburg, 196006, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1032-7296> e-mail: lev.zvezdin@rambler.ru

THE HORIZONS OF HUMAN MENTALITY IN THE MEDIA CONTINUUM

This article examines the trends in ongoing and predicted changes in the most general attitudes of the mental sphere of modern people, considered in relation to other epochs of human history. The trends under study are strongly associated with the next round of the fundamentally significant processes of the media's becoming an all-embracing continuum in the life of human society. The paper describes how qualitative epochal restructuring of human civilization is influenced by the persistent products of human activity in different periods of history. As a result, the author suggests dividing the axial time of mankind, in E. Toffler's terms, into four "waves" with specific features inherent in them. The paper specifies certain already established behavioural characteristics of the modern young generation and provides author's assessments of some of them. In addition, the article points out great likelihood of society's rapid transition to fundamentally new value models, produced mainly by the media environment, which is currently defined as global and seeks to, in the near future, take shape of a continuum covering all spheres of human existence, erasing cultural and language barriers along the way. Further, the article underlines the importance and relevance of the predictive function of science in this area, as the ongoing changes are rapid and, most likely, irreversible. The author assumes that the humanity can be entering into a large-scale value crisis, to overcome which we would need to better understand the future realities and their underlying causes.

Keywords: *media continuum, predicted future, society's value transformation, irreversible changes, artificial intelligence, psychological type of modern human, predictive function of science.*

Поступила 13.10.2021
Принята 14.01.2022

Received 13 October 2021
Accepted 14 January 2022

For citation: Zvezdin L.A. The Horizons of Human Mentality in the Media Continuum. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 100–110. DOI: 10.37482/2687-1505-V159

УДК 141.131+129

DOI: 10.37482/2687-1505-V160

*ОБИДИНА Юлия Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 177 научных публикаций, в т. ч. 9 монографий (5 авторских, 4 коллективных), 7 учебных пособий**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>

ОРФИЧЕСКИЙ МИФ О ПОСМЕРТНОЙ СУДЬБЕ ДУШИ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Статья посвящена сравнительному анализу смысловых соответствий орфических идей о посмертной участи души и философских взглядов Платона. Представлен обзор ведущих исследовательских концепций орфизма, проанализированы их сильные и слабые стороны в свете появления новых археологических данных. В качестве методологической платформы избрана точка зрения максималистов, согласно которой культ Орфея можно проследить исторически и идентифицировать его принципы и практики. За основу принята позиция, что мистические культы (включая орфизм) являются организованной культовой системой, широко распространившейся во всем Средиземноморье. Анализ письменных, археологических и эпиграфических данных свидетельствует о том, что система взглядов Платона о бессмертии души представляет собой теоретическую экспликацию «метафизических» доктрин орфических мистерий. Доказано, что Платон, используя орфические формулы в своих диалогах, передавал орфические ритуальные традиции через свои философские сочинения. Кроме того, показано, что Платон применил орфический миф для объяснения феноменальных и ноуменальных вопросов, таких как природа и посмертная судьба души. Сделан вывод о том, что реконструкция доктрины орфической традиции возможна благодаря систематическому использованию Платоном орфических формул, данный факт также указывает на целостность орфического учения. Платон не просто использовал язык мистерий, на его основе он разработал собственную систему обучения орфическим обрядам. Это была своего рода научная методология, объясняющая орфическое учение с помощью диалектического метода Сократа. Таким образом, дальнейшее изучение взглядов Платона на посмертную судьбу души позволит пролить свет на орфическое учение в частности и мистические культы в целом.

Ключевые слова: орфизм, Орфей, доктрина Платона, орфические тексты, орфический культ, орфическая доктрина, бессмертие души.

*Адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; e-mail: basiley@mail.ru

Для цитирования: Обидина Ю.С. Орфический миф о посмертной судьбе души в философии Платона // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 111–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V160

Орфическая литература состоит из сохранившихся целых и фрагментарных текстов, а также широкого спектра свидетельств о мифическом Орфее или мистических обрядах в целом. Г. Герман впервые опубликовал как дошедшие до нас орфические тексты, так и орфические фрагменты [1], и с этого момента споры об орфизме перешли в область филологии. Затем О. Керн собрал орфические фрагменты в книге под названием «*Orphicorum Fragmenta*» [2], которая включала как классических, так и эллинистических авторов, а также ссылки на Орфея в неоплатонических схолиях. В эти фрагменты входят свидетельства о мифологической биографии Орфея, его катасисе и возвращении из мертвых, неоплатоническая схолия к мифу о Дионисе-Загрее и ссылки на учение о происхождении и судьбе души.

Самый спорный вопрос, связанный с орфизмом, заключается в том, можно ли считать собрание фрагментов и полных орфических текстов надежным свидетельством орфического культа сообщества, который определяется конкретным набором верований и практик. Рассмотрение орфических текстов как «системы» мышления аргументировано наличием различных доктрин, просматривающихся в данных текстах, включая топографию загробного мира (Аид, Элизиум) и последующее наказание для непосвященных или награду для посвященных, в зависимости от поведения человека в течение жизни. Кроме того, орфическая система содержала сотериологические доктрины – идею о бессмертии души, реинкарнации и божественном происхождении человечества через бога-спасителя Диониса. Более того, орфические тексты продвигают идею превосходства души над телом через ритуальные очищения, вегетарианство и другие ограничения и запреты.

В последние десятилетия орфические дебаты обрели новый импульс в связи с археологическими исследованиями – открытием вакхических золотых табличек [3], папируса из Дервени [4] и костяных табличек из Ольвии [5–7], которые, по всей видимости, являются одними из самых древних «орфических»

останков. Орфические гимны, орфическая «Аргонавтика» и космологические трактаты – рапсодии обычно считаются более поздними эллинистическими и римскими творениями. «Орфические фрагменты», изданные А. Бернабе, включают в себя самые последние археологические находки, относящиеся к истокам орфической науки [8].

Цель статьи – показать смысловые соответствия в сочинениях Платона и сохранившихся орфических текстах, свидетельствующие об использовании Платоном орфических формул в обосновании собственного учения о посмертной судьбе души. В качестве предмета исследования будут выступать орфические золотые таблички, которые являются наиболее убедительным свидетельством орфических идей о посмертной судьбе души, а также сочинения Платона [9], в которых представлены его взгляды на посмертную судьбу души.

Теоретическая значимость исследования заключается в сравнительном анализе орфических формул и диалогов Платона. Практическая значимость связана с возможностью включения материала в учебные курсы по истории античной философии и культуры, поскольку отсутствуют современные отечественные обобщающие исследования орфизма, что затрудняет понимание этого уникального явления античной культуры в частности и европейской в целом.

Платоновская «*Orphica*» составляет важную часть «Орфических фрагментов» [10], что долгое время приводило ученых к спорам о роли Платона в распространении орфических верований. В различных диалогах Платона мы видим неоднозначное отношение философа к орфическим идеям, но в то же время находим явные параллели с ними. Например, в «Законах» Платон восхваляет «орфическую жизнь» с ее воздержанием от употребления мяса (*Законы* 782c). В «Государстве» он упрекает странствующих священников, которые обещают знания, предоставляя «бушель орфических книг» (*Государство* 364e). В «Федре» Платон говорит о душах, проходящих через циклы воплощений и суждений (*Государство* 615b;

Федр 249), – эта идея приписывается орфическим верованиям о спасении души. В «Пире» Платон ссылается на орфический катабасис (*Пир* 179d). В «Ионе» он относит Орфея к числу поэтов, прославившихся песней (*Ион* 533b–c), а в «Протагоре» почитает его вместе с Гомером и Гесиодом (*Протагор* 316d).

Смысловые соответствия с учением орфиков можно обнаружить в различных платоновских сочинениях. В «Кратиле» он раскрывает орфический миф о том, что душа является пленницей тела, высказывает этимологические предположения о значении слова *sōma* “тело/гробница” (*Кратил* 400b–c) и цитирует две строки из орфического стихотворения (*Кратил* 402b). Фрагмент Пиндара, сохранившийся в «Меноне» Платона (*Менон* 81b–c), который описывает Персефону, увековечивающую души людей, аналогичен орфическому этиологическому мифу о расчленении Диониса-Загрея. Пересказывая миф о Персефоне, Платон утверждает: τὸ μανθάνειν ἀνάμνησις ὅλον ἐστίν / «обучение – это абсолютное воспоминание» (*Федон* 82d). Дж. Палмер связывает идею анамнесиса Платона с функцией памяти, описанной на золотых табличках, когда говорит, что «Федр» и «Государство» имеют общий источник в орфических идеях о загробной жизни, изображенной на табличках [11, с. 22–23]. И в орфическом, и в платоновском учении предлагаются схожие взгляды на то, как воспоминание играет ключевую роль в достижении общения с божественным или доступе к загробной жизни. Платоновское ἀνάμνησις / «воспоминание» (*Федр* 249b–d) для философа является разработкой мнемонических устройств, используемых орфическими посвященными, чтобы гарантировать их блаженство в загробной жизни [3, с. 94].

И орфическая, и платоновская точки зрения на судьбу души после смерти основаны на культурных и ритуальных верованиях и заимствованы из них. В своем фундаментальном исследовании греческих и христианских апокалиптических религий А. Дитрих утверждал, что Платон воспроизвел подлинное орфическое учение

о загробной жизни [12, с. 113]. Эта точка зрения была поддержана П. Кингсли [13, с. 115]. Но Э. Доддс, А. Бернабе и Ж. Сан-Кристобаль высказали идею, что Платон создал свое собственное учение о загробной участи души, заимствуя элементы из множества источников [14, с. 373; 15, с. 54]. У. Гатри утверждал, что Платон просто «дополнял» орфическую религию [16, с. 243]. И. Линфорт, в свою очередь, сомневался, что Платон заимствовал свои представления о посмертной участи души из единой, существовавшей ранее «орфической» системы верований, и вместо этого предположил, что Платон приписал Орфею произведения, принадлежащие большой группе поэтов и пророков, связанных с обрядами [17, с. 281; 18].

Мнения исследователей о влиянии орфизма на философию Платона разделились. О. Дьес признавал влияние орфической мысли на философию Платона [19, с. 444] и утверждал, что Платон заменил религиозные и инициатические доктрины орфизма в поисках философского совершенства. А. Бернабе унаследовал эту позицию и развил теорию «транспозиции» (термин О. Дьеса) религиозного языка, считая, что Платон заменяет орфическую жизнь философской жизнью. Отдельным вопросом здесь можно обозначить роль пифагорейского влияния на Платона, которого уже современники рассматривали как пифагорейца [20]. Тесная связь орфизма и пифагореизма хорошо изучена и, несмотря на явные различия, пифагореизм считается религиозно-философской и теологодидактической редакцией орфизма [21]. В любом случае орфическое и пифагорейское учения следует рассматривать в инвариантном единстве, но формат данного исследования не позволит нам остановиться на данной связи подробно.

Анализ текстов показывает, что платоновское учение о загробной участи души уходит корнями в орфическую мистику. Сравнение орфических и платоновских идей свидетельствует, что *Платон изменил орфический миф как способ объяснения феноменальных и ноуменальных вопросов, таких как природа и судьба души*. Поскольку «бессмертная душа» Платона

демонстрирует черты, схожие с верованиями орфического движения, можно утверждать, что система идей о посмертной судьбе души, разработанная Платоном, представляет собой теоретическую экспликацию «метафизических» доктрин орфических мистерий, которые наставляли иницилируемых ($\mu\acute{\upsilon}\sigma\tau\omicron\iota$) в «невыразимом», как в мифе о хтоническом Дионисе-Загрее (о бессмертии души) [22, с. 276]. Платон, зная учение орфиков, применяя орфические формулы в своих диалогах, продолжил обряды орфического посвящения через философскую диалектику.

С нашей точки зрения, неоднократно высказывавшейся и доказывавшейся нами ранее [23], орфизм следует рассматривать как реформу ранее существовавших элевсинского и вакхического культов. В своем авторитетном исследовании греческой религии В. Буркерт выделил три школы в «сфере Орфики» [22, с. 300]: Элевсинская, Вакхическая и Пифагорейская – и в более поздних работах предположил, что вакхические мистерии в некоторых местах могли заменить элевсинские мистерии [24, с. 38].

В. Буркерт даже идентифицировал дошедшие до нас орфические гимны как часть вакхических мистерий [24, с. 18], основателем которых считался сам Орфей. Это объединение вакхического, элевсинского и орфического подтверждается золотыми табличками, в частности табличкой из Гиппониона, в которой говорится: $\mu\acute{\upsilon}\sigma\tau\omicron\iota$ καὶ βάκχοι / «Мисты и Вакханты!» (L1-6) [15], а также табличкой из Пелинны, которая гласит: εἰπέῖν Περσεφόνα σ' ὄτι Β <άκ> χιός αὐτὸς ἔλυσε / «Скажи Персефоне, что Вакх сам отпустил тебя!» (L7a-b) [15].

Надписи на этих табличках доказывают связь между вакхическими и элевсинскими мистериями и их связь с орфизмом, которая подтверждается и литературной традицией. Еврипид изображает Ипполита как орфического героя, восходящего по ступеням мистерий, когда он сначала впервые видит обряды в Элевсине (*Ипполит* 24–25), а затем становится орфиком-вакхантом (ср. 953–955).

Формулы табличек, обслуживающие таинства мистерий, встречаются и у Платона в различных

его диалогах. В то время как некоторые исследователи [6; 12, с. 72–83; 13, с. 115; 16, с. 76] предположили, что Платон напрямую заимствовал утраченные орфические поэмы, такие как «*Krater*» или «*Katabasis*», другие [14, с. 373; 15, с. 54; 25, I, с. 329] сосредоточили внимание на различиях орфической и платоновской точек зрения, считая, что Платон заимствовал идеи из множества источников, которые не обязательно являются орфическими.

Хотя А. Бернабе и Ж. Сан-Кристоваль указали на географическое сходство загробной жизни, описанной на золотых табличках и в диалогах Платона [15, с. 54], они отвергли вывод У. Гатри о том, что Платон полагался на орфический $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\beta\alpha\sigma\iota\varsigma$ как схему загробной жизни [16, с. 177] (точка зрения, которой придерживался А. Дитрих [12, с. 72–83], а затем Дж. Харрисон [26, с. 599]). В то же время П. Кингсли утверждал, что первоначальный план загробного мира Платона должен быть основан на стихотворении, приписываемом Орфею [13, с. 115], и предположил, что если мотив лежания в грязи – орфический, то вся география «Федона» также имеет орфическое происхождение [13, с. 119].

Открытие папируса из Дервени ясно продемонстрировало, что аллегорическая орфическая поэзия существовала задолго до эпохи Платона и была не просто неоплатоническим творением [13, с. 102, 122]. Вполне вероятно, что речь может идти об общем источнике заимствования или о так называемых бродячих сюжетах. Например, орфические инициаторы, негативно описанные в «Государстве» (364b-c) Платона, практически неотличимы от священников, изображенных в папирусе из Дервени (18.3–20.12), и подобные археологические находки могут свидетельствовать об организованных сообществах, следующих определенной эсхатологической схеме, которая может быть идентифицирована как орфическая [13, с. 305].

Платон развил свои идеи о загробной участи души, описанные в «Горгии» (523–527), «Государстве» (книга X) и «Федоне» (109–114), модифицируя их таким образом, чтобы они

соответствовали его философским взглядам. Платон с опорой на орфическое учение и пифагорейские идеи стремился развеять ортодоксальные гомеровские взгляды на загробную жизнь и заменить учение о царстве теней своим собственным взглядом на бессмертную жизнь души. Но это было доступно только избранным, а именно философам, точно так же как и пифагорейские идеи находили свое отражение главным образом среди полисной аристократии. Таким образом, Платон перенес орфическую идею спасения для посвященных в религию со своими собственными взглядами на спасение через знание, доступное только посвященным – философам.

По словам комментатора Платона Прокла, ἄλασα γὰρ ἡ παρ' Ἑλλήσι θεολογία τῆς Ὀρφικῆς ἐστὶ μυσταγωγίας ἔκγονος / «вся теология у греков является порождением орфической мистагогии» (*Theologia Platonica* 1.25.26–7). Затем Прокл приписывает знания Платона непосредственно Пифагору и Орфею. Но даже если мы не желаем придавать поздним показаниям Прокла большого авторитета, отметим следующее: Аристофан (*Лягушки* 1030–1036) называет Орфея основателем *τελεταί* / «мистерий» до Гомера и Гесиода в своем каноне греческих богословов, в «Протагоре» (316d) Платон специально связывает Орфея с *τελεταί* / «мистериями» и представляет Орфея как богослова, маскирующего свою мудрость.

Современные ученые отмечают связь между орфическим и платоническим языком веры в бессмертие. Если Э. Роде ссылаясь на такие платоновские идеи, как «бессмертная душа» и «катарсис», без прямого упоминания орфизма, то век спустя В. Буркерт предположил, что платонизм прочно утвердился на основах орфизма, а П. Кингсли обсуждал сходства между орфическими и платоническими взглядами на посмертную судьбу души в целом [13, с. 79–132; 18, с. 463–489; 22, с. 322].

Смысловые соответствия в орфических фрагментах и текстах Платона основываются, в т. ч., и на текстуальных соответствиях. Орфический фрагмент 229 [2] изображает «цикл

рождения», и ольвийская табличка содержит сотериологическую формулу «жизнь–смерть–жизнь», так же как и имя Диониса [3, с. 185; 6]. Это одновременно демонстрирует орфическую веру в перевоплощение и связь вакхических мистерий и орфизма в V веке до н. э. В «Федоне» (70c) Платон говорит о древней традиции перевоплощения души в новые тела. Это начинает «циклический» аргумент (70c–72) о том, как противоположности рождаются из противоположностей, например ночь из дня, а живые из мертвых. Платон использует терминологию, аналогичную терминологии золотых табличек, когда говорит, что ἡ γένεσις / «зарождение» происходит в κύκλῳ / «в цикл». Он также обсуждает эту орфическую идею реинкарнации в «Меноне» (81c). Кроме того, описание Платоном цикла душ в «Государстве» (615a), «Федре» (249a) и «Федоне» (107e) находится под влиянием орфической идеи цикла возрождения.

Платон использует шаблонные фразы, говорящие о двойственности жизни/смерти и тела/души, которые также встречаются на орфических костяных и золотых табличках. Целью жизни последователей орфизма было освобождение души от тела и ее воссоединение с божественным после того, как оно «освободится от необходимости возрождения» [18, с. 345]. В «Горгии» (524b) Платон так описывает смерть: ὁ θάνατος τυγχάνει ὧν, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, οὐδὲν ἄλλο ἢ δυοῖν πραγμάτων διάλυσιν, τῆς ψυχῆς καὶ τοῦ σώματος / «смерть является, как мне кажется, ни чем иным, как разделением двух вещей, души и тела».

В «Федоне» (88b) смерть описывается как освобождение: διάλυσιν τοῦ σώματος ἢ τῆς ψυχῆς / «освобождение от тела для души». Идея διάλυσιν / «освобождения» соответствует инструкции посвященным на табличках: εἰπεῖν Φερσεφόνοι σ' ὅτι Βακχίος αὐτὸς ἔλυσε / «скажи Персефоне, что сам Вакх освободил вас» (L7a, b) [15]. Хотя связь освобождения с телом и душой на табличках не так очевидна, как у Платона, ритуальный контекст табличек также подразумевает смерть и отделение тела от души.

Платоновское учение о душе является философским представлением орфического учения

о душе и демонстрирует, как Платон применял методы систематической мысли к древним знаниям, разработав научную методологию, разъясняющую орфические тайны средствами диалектического метода Сократа.

Душа не только возрождается, но и, как говорит Платон в «Государстве» (611e) и «Федре» (246d-e), причастна к божественному, что является основным оправданием для ее спасения и главным принципом орфизма.

Орфическая фраза Платона *sōma sēma* / «тело – это могила/знак [души]», предполагающая идею заключения, является отсылкой к мифу о Дионисе-Загрее. В мифе о Загрее титаны представляют собой тюрьму для бессмертных душ или Диониса. В «Кратиле» (400c) Платон ссылается на орфическую веру в то, что душа заключена в тело, а в «Федоне» (62b) уже раскрывает миф о том, что душа заключена в тело (ἐν τινὶ φρουρᾷ ἔσμεν / «мы находимся в некоей тюрьме»), как часть секретной литературы (ὁ ἐν ἀπορήτοις λεγόμενος περὶ αὐτῶν λόγος / «доктрины о том, чему учат втайне»). Кульминационные аргументы «Федона» (75d–79c), «Пира» (211–212), «Государства» (479, 490a–b, 500b–d, 508d, 514f), «Федра» (249e–250c, 247d) и «Менона» (81c–d) также говорят о трансляции Платоном учения мистерий.

Таким образом, сравнение орфических и платоновских идей о посмертной судьбе души позволяет сделать вывод, что они схожи по смыслу, а в некоторых случаях имеют тексту-

альные соответствия. В своих диалогах Платон систематически заимствует орфические формулы в поисках собственной философской теории.

Применение орфических формул Платоном и последующими античными философами свидетельствует о существовании подлинного орфического дискурса, который нужен для прочтения орфических текстов, необходимых, в свою очередь, чтобы читать Платона. Платон выступает как транслятор орфических идей, позволяющий реконструировать доктрину орфической традиции, дошедшей до нас лишь во фрагментах. Мыслитель превращает элементы этой священной доктрины в основы собственной философии, и в результате мы можем проследить орфическую традицию через присвоенные Платоном орфические формулы.

Будучи орфиком и активно участвуя в орфическом ритуале, Платон не только использовал орфические формулы, но и передавал орфические ритуальные традиции через свои философские сочинения. Орфизм был преобразованием других мистических культов, а философия Платона стала адаптацией орфических идей для древнегреческой элиты, как политической, так и интеллектуальной, что находит отражение и в диалогах Платона. С одной стороны, исследование трудов Платона – еще один способ реконструкции орфизма. С другой стороны, использование орфических формул Платоном не только обогатило его учение, но и привнесло их в христианскую традицию.

Список литературы

1. *Hermann G.* Orphica. Lipsiae: C. Fritsch, 1805. 952 p.
2. *Kern O.* Orphicorum Fragmenta. Berlin: Weidmann, 1922. 418 p.
3. *Graf F., Johnston S.I.* Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets. New York: Routledge, 2007. 257 p.
4. *Жмудь Л.Я.* Орфический папирус из Дервени // Вестн. древ. истории. 1983. № 2. С. 118–139.
5. *Русяева А.С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии // Вестн. древ. истории. 1978. № 1. С. 87–104.
6. *West M.L.* The Orphics of Olbia // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn: Rudolf Habelt, 1982. № 45. P. 17–29.
7. *Zhmud' L.* Orphism and Graffiti from Olbia // Hermes. 1992. Vol. 120, № 2. P. 159–168.
8. *Bernabé A.* Poetae epici Graeci: testimonia et fragmenta. Pars II. Orphicorum et Orphicis similium testimonia et fragmenta. Fasciculus I. Leipzig: K.G. Saur, 2004. 394 p.

9. Платон. Диалоги. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/index.htm> (дата обращения: 28.02.2022).
10. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
11. Palmer J.A. *Plato's Reception of Parmenides*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 294 p.
12. Dieterich A. *Nekyia: Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapokalypse*. Leipzig: Teubner, 1893. 238 p.
13. Kingsley P. *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic: Empedocles and Pythagorean Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 422 p.
14. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетея, 2000. 507 с.
15. Bernabé A., Jiménez San Cristóbal A.I. *Instructions for the Netherworld: The Orphic Gold Tablets*. Leiden: Brill, 2008. 379 p.
16. Guthrie W.K.C. *Orpheus and Greek Religion: A Study of the Orphic Movement*. Princeton: Princeton University Press, 1993. 287 p.
17. Linforth I.M. *The Arts of Orpheus*. Berkeley: University of California Press, 1941. 370 p.
18. Rohde E. *Psyche: The Cult of Souls and the Belief in Immortality Among the Greeks*. London: Routledge & Keegan Paul, 1925. 626 p.
19. Diès A. *Autour de Platon: Essais de critique et d'histoire*. Vol. II. Paris: Gabriel Beauchesne, 1927. 616 p.
20. Слезак Т.А. Как читать Платона. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 314 с.
21. Обидина Ю.С. Влияние орфических представлений о бессмертии души на философскую мысль античности // Филос. науки. 2004. № 8. С. 14–21.
22. Буркерт В. *Греческая религия: Архаика и классика* / пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.: Алетея, 2004. 584 с.
23. Обидина Ю.С. Представления о бессмертии души в культуре Древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение: моногр. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2007. 288 с.
24. Burkert W. *Ancient Mystery Cults*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 181 p.
25. Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Der Glaube der Hellenen*. Vol. 2. Berlin: Weidmann, 1931. 1032 p.
26. Harrison J.E. *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 680 p.

References

1. Hermann G. *Orphica*. Leipzig, 1805. 952 p.
2. Kern O. *Orphicorum Fragmenta*. Berlin, 1922. 418 p.
3. Graf F., Johnston S.I. *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. New York, 2007. 257 p.
4. Zhmud' L.Ya. Orficheskiy papirus iz Derveni [The Derveni Papyrus]. *Vestnik drevney istorii*, 1983, no. 2, pp. 118–139.
5. Rusaeva A.S. Orfizn i kul't Dionisa v Ol'vii [Orphism and the Cult of Dionysus in Olbia]. *Vestnik drevney istorii*, 1978, no. 1, pp. 87–104.
6. West M.L. The Orphics of Olbia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn, 1982. Vol. 45, pp. 17–29.
7. Zhmud' L. Orphism and Graffiti from Olbia. *Hermes*, 1992, vol. 120, no. 2, pp. 159–168.
8. Bernabé A. *Poetae epici Graeci: testimonia et fragmenta. Pars II. Orphicorum et Orphicis similibus testimonia et fragmenta. Fasciculus I*. Leipzig, 2004. 394 p.
9. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. Available at: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/index.htm> (accessed: 28 February 2022).
10. Lebedev A.V. (comp.). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Religious Cosmogony to Atomism]. Moscow, 1989. 576 p.
11. Palmer J.A. *Plato's Reception of Parmenides*. Oxford, 1999. 294 p.
12. Dieterich A. *Nekyia: Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapokalypse*. Leipzig, 1893. 238 p.
13. Kingsley P. *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic: Empedocles and Pythagorean Tradition*. Oxford, 1996. 422 p.
14. Dodds E.R. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, 1951. 327 p. (Russ. ed.: Dodds E.R. *Greki i irratsional'noe*. St. Petersburg, 2000. 507 p.).
15. Bernabé A., Jiménez San Cristóbal A.I. *Instructions for the Netherworld: The Orphic Gold Tablets*. Leiden, 2008. 379 p.
16. Guthrie W.K.C. *Orpheus and Greek Religion: A Study of the Orphic Movement*. Princeton, 1993. 287 p.

17. Linforth I.M. *The Arts of Orpheus*. Berkeley, 1941. 370 p.
18. Rohde E. *Psyche: The Cult of Souls and the Belief in Immortality Among the Greeks*. London, 1925. 626 p.
19. Diès A. *Autour de Platon: Essais de critique et d'histoire*. Vol. 2. Paris, 1927. 616 p.
20. Slezak T.A. *Kak chitat' Platona* [How to Read Plato]. St. Petersburg, 2008. 314 p.
21. Obidina Yu.S. Vliyanie orficheskikh predstavleniy o bessmertii dushi na filosofskuyu mysl' antichnosti [The Influence of Orphic Ideas About the Immortal Soul on the Philosophical Thought of Antiquity]. *Filosofskie nauki*, 2004, no. 8, pp. 14–21.
22. Burkert W. *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*. Stuttgart, 1977. 508 p. (Russ. ed.: Burkert V. *Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika*. St. Petersburg, 2004. 584 p.).
23. Obidina Yu.S. *Predstavleniya o bessmertii dushi v kul'ture Drevney Gretsii: stanovlenie, evolyutsiya, transformatsiya v khristianskoe voskresenie* [Ideas About the Immortality of the Soul in Ancient Greek Culture: Formation, Evolution, and Transformation into Christian Resurrection]. Yoshkar-Ola, 2007. 288 p.
24. Burkert W. *Ancient Mystery Cults*. Cambridge, 1987. 181 p.
25. Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Der Glaube der Hellenen*. Vol. 2. Berlin, 1931. 1032 p.
26. Harrison J.E. *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cambridge, 1922. 680 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V160

Yuliya S. Obidina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
 ul. Ul'yanova 2, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation;
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733> e-mail: basiley@mail.ru

THE ORPHIC MYTH ABOUT THE AFTERLIFE OF THE SOUL IN PLATO'S PHILOSOPHY

This article provides a comparative analysis of the semantic equivalents of Orphic ideas about the afterlife of the soul and Plato's philosophical views. An overview of the leading research concepts of Orphism is presented; their strengths and weaknesses are analysed in the light of the new archaeological data. As a methodological platform, the maximalist approach was chosen, according to which the cult of Orpheus can be traced historically and its principles and practices can be identified. The basic idea is that mystical cults (including Orphism) are an organized system that is widespread throughout the Mediterranean region. The analysis of written, archaeological, and epigraphic data indicates that Plato's system of views on the immortality of the soul is a theoretical explication of the "metaphysical" doctrines of the Orphic mysteries. It is proven here that Plato, using Orphic formulae in his dialogues, transmitted Orphic ritual traditions through his philosophical writings. In addition, it is demonstrated that Plato turned to the Orphic myth to explain such phenomenal and noumenal issues as the nature and the afterlife of the soul. A conclusion is made that the doctrine of the Orphic tradition can be reconstructed due to the systematic use of Orphic formulae by Plato, which also indicates the integrity of the Orphic teaching. Plato not only used the language of the mysteries, but also developed his own system of teaching Orphic rites on its basis. It was a kind of scientific methodology explaining the Orphic doctrine with the help of Socrates' dialectical method. Thus, further research into Plato's views on the afterlife of the soul will shed some light on the Orphic teaching in particular, and mystical cults in general.

Keywords: *Orphism, Orpheus, Plato's doctrine, Orphic texts, Orphic cult, Orphic doctrine, immortal soul.*

Поступила 21.10.2021

Принята 14.01.2022

Received 21 October 2021

Accepted 14 January 2022

For citation: Obidina Yu.S. The Orphic Myth About the Afterlife of the Soul in Plato's Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 111–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V160

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА А.А. КИСЕЛЁВА

18 октября 2021 года исполнилось 95 лет известному северному историку, доктору исторических наук, профессору, почетному гражданину города Мурманска Алексею Алексеевичу Киселёву.

За его плечами нелегкая жизнь. Он родился в селе Полянки Ульяновской губернии в крестьянской семье. Когда началась коллективизация, его отец бросил все и уехал на далекий Мурман. Его хозяйство раскулачили, и мать с двумя маленькими детьми вынуждена была скитаться по людям, а потом отправилась на поиски мужа и нашла его в 1930 году на станции Имандра, где он работал лесорубом. Мать Алексея трудилась уборщицей и сторожем. Позднее семья переехала в Мончегорск, где в 1939 году умерла мать А.А. Киселёва. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, Алексей окончил восемь классов. Вот так непросто начинался его жизненный путь.

А потом были трудные военные годы. В 1943 году, в 17 лет он ушел в Красную армию и воевал до конца войны. После ее окончания

он нелегко, но упорно шел по жизни. Окончил исторический факультет ЛГУ и Высшую партийную школу, работал в Мончегорске на радио, а затем в горкоме партии. В 1963 году А.А. Киселёв перешел на работу в Мурманский государственный педагогический институт, с которым и была связана вся его последующая трудовая жизнь. Здесь он прошел путь от старшего преподавателя до профессора, в 1969–1996 годах заведовал кафедрой истории, а в 1996–2000 годах – кафедрой отечественной истории.

Его научная деятельность посвящена изучению истории Европейского Севера и в первую очередь Кольского полуострова. А.А. Киселёв подготовил и защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Далось это ему нелегко, ибо, согласно воспоминаниям, кандидатскую диссертацию он переписывал и перепечатывал трижды, а докторскую – пять раз. «Каждое обсуждение – в Мурманске, Петрозаводске, Ленинграде... приводило меня в предынфарктное состояние, – вспоминал он, – я неделю болел, а затем... снова брался за переделку»¹. Трудолюбие, упорство, организованность и способность преодолевать трудности, возникающие на пути, в полной мере характеризуют юбиляра.

В октябре 1975 года автор этих строк, будучи аспирантом Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (ЛГПИ; ныне – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), присутствовал на защите докторской диссертации А.А. Киселёва. Она была посвящена индустриализации на Европейском Севере России. Но к этому времени юбиларом был опубликован ряд статей и совместная монография с другим мурманским историком – Ю.Н. Климовым, посвященные переоценке революционных событий 1917 года и Гражданской войны на

¹Киселев А.А. Записки краеведа. Мурманск, 2000. С. 11.

Мурмане. Они вызвали страстную дискуссию с участием очевидцев тех событий. В результате на его защиту пришла группа ветеранов, которые буквально забросали его вопросами, а потом участвовали в дискуссии при обсуждении диссертации, выражая свое несогласие с его трактовкой событий 1917–1918 годов на Мурмане.

Но при подведении итогов обсуждения председатель диссертационного совета, проректор по научной работе ЛГПИ имени А.И. Герцена профессор Ю.В. Кожухов, обращаясь к членам диссовета и аудитории, справедливо указал, что диссертация посвящена индустриализации на Севере России в годы первых пятилеток, а не событиям Революции и Гражданской войны, и предложил оценивать именно диссертационное исследование. В результате члены диссертационного совета поддержали диссертацию А.А. Киселёва, и он стал доктором исторических наук, а затем и профессором.

Следующая наша встреча и уже настоящее знакомство произошли 12 лет спустя в городе Каменец-Подольском осенью 1987 года, где проходило всесоюзное совещание заведующих историческими кафедрами вузов. Автор этих строк был тогда уже деканом исторического факультета Архангельского государственного педагогического института (ныне – Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, САФУ), а А.А. Киселёв – заведующим кафедрой истории Мурманского пединститута. Более того, мы жили с ним в одном номере гостиницы и, несмотря на разницу в возрасте, подружились.

Зимой 1989 года, когда автор этих строк в качестве докторанта Московского государственного университета впервые приехал в командировку в Мурманск, А.А. Киселёв познакомил его с этим ставшим для него родным городом, все исторические и другие интересные места объехали тогда на его «Волге». А в дальнейшем были уже многократные встречи в Мурманске, где доводилось постоянно бывать по служебным делам в качестве проректора по научной работе Поморского университета (ныне – САФУ). Алексей Алексеевич был поистине

мурманской знаменитостью, автором многочисленных книг об истории Мурманска и Кольского полуострова. Ему было присвоено звание Почетного гражданина Мурманска. В круг его научных интересов вошла не только история Русского Севера и родного края, но и Северной Европы, скандинавских стран и Финляндии.

Уделяя особое внимание в своих работах истории в лицах, А.А. Киселёв опубликовал в Мурманске в 2010–2011 годах интересное издание под названием «Двадцать пять исторических портретов деятелей XX века на фоне Кольского Севера. От императора России Николая II до президента СССР М.С. Горбачёва» (в двух частях). Важное место в творчестве А.А. Киселёва заняла книга «Записки краеведа» (Мурманск, 2000), ибо он с гордостью причисляет себя к этой славной когорте исследователей. Его справедливо называют «летописцем земли Кольской».

Научные работы профессора А.А. Киселёва получили заслуженное признание не только у российских, но и у зарубежных коллег, прежде всего из соседней с Мурманом Норвегии. Более десяти его учеников защитили кандидатские, а некоторые в дальнейшем и докторские диссертации.

За заслуги перед Отечеством профессор А.А. Киселёв награжден высшей советской наградой – орденом Ленина, а также орденами Трудового Красного Знамени и Отечественной войны II степени, рядом медалей. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», а также звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Он – «Отличник народного просвещения РСФСР».

Бывая в Мурманске, автор этих строк стремился обязательно встречаться с А.А. Киселёвым, что происходило в пединституте или в его гостеприимном доме в центре города. В октябре 2011 года в Мурманске состоялась международная научная конференция в рамках серии научных форумов «1917–1922 годы в судьбах России и мира», приуроченная к юбилею А.А. Киселёва, где представители научной общности из разных городов страны име-

ЮБИЛЕИ/ANNIVERSARIES

ли возможность поздравить этого знаменитого мурманского историка. Опубликованный сборник материалов конференции начинался разделом «История Гражданской войны в портретах историков Европейского Севера», который, в свою очередь, открывался беседой с профессором А.А. Киселёвым². В 2011 году в Мурманске вышла в свет и книга воспоминаний А.А. Киселёва под названием «Грани моей жизни».

Нынешняя пандемия коронавируса привела к тому, что в этот свой юбилей профессор А.А. Киселёв принимал поздравления в «заоч-

ном» режиме, по телефону. Уже 1 октября газета «Мурманский вестник» проинформировала читателей о предстоящем юбилее именитого земляка. Среди поздравивших профессора-юбиляра были губернатор Мурманской области А.В. Чибис, руководители города Мурманска и Мурманского государственного гуманитарного университета, многочисленные друзья и коллеги.

Редколлегия журнала от всей души желает профессору А.А. Киселёву крепкого здоровья, творческого долголетия, благополучия и всего самого доброго.

*Главный редактор,
профессор В.И. Голдин*

²Федоров П.В. «Каждое время выдвигает своих историков» (беседа с профессором Алексеем Алексеевичем Киселёвым) // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. материалов междунар. науч. конф. (18–20 октября 2011 г.). Мурманск: Мурман. гос. гуманит. ун-т, 2011. С. 14–26.

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Анохина С.П., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Теория и практика перевода» Тольяттинского государственного университета;

Белова Н.А., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России;

Гриченко Л.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

Гусева А.Е., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного университета;

Долгов Б.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва);

Дорофеев Д.Ю., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского горного университета;

Егоров А.Н., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета;

Елхова О.И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (Республика Башкортостан, г. Уфа);

Золотарев С.П., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета;

Князян А.Т., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Ереванского государственного университета (Армения);

Кузьминых А.Л., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России;

Макулин А.В., доктор философских наук, доцент, директор высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Никольникова Я.С., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной филологии и журналистики Армавирского государственного педагогического университета;

Оришев А.Б., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва);

Попов С.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна Воронежского государственного университета;

Репневский А.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Суздальцев И.А., кандидат исторических наук (Москва);

Упоров И.В., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;

Чеснокова О.С., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва);

Яковлева Е.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты представляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт САФУ имени М.В. Ломоносова <https://gum.narfu.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе «Microsoft Word» и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	Представляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть: <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на сайты (если это не книга, сборник, нормативный документ, статья и т. п. в электронном виде) даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе «Microsoft Word» и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на страничке нашего журнала, расположенной на сайте Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова <https://gum.narfu.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.